

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Рэдакцыйная калегія

галоўны рэдактар
А. М. Сендзер

намеснік галоўнага рэдактара
С. А. Марзан

адказны рэдактар
А. М. Вабішчэвіч

Н. В. Адзіночанкава (Расія)
В. Ф. Байнёў (Беларусь)
А. Ю. Барысёнак (Расія)
Д. С. Берагаўцова (Беларусь)
Томас Бон (Германія)
М. У. Варакуліна (Беларусь)
Р. А. Васілевіч (Беларусь)
А. А. Гужалоўскі (Беларусь)
У. В. Здановіч (Беларусь)
А. А. Каваленя (Беларусь)
У. Л. Ключня (Беларусь)
С. І. Літвін (Венгрыя)
У. У. Лосеў (Беларусь)
І. А. Лычэнка (Украіна)
Антоні Мірановіч (Польшча)
І. Э. Мартыненка (Беларусь)
С. А. Піваварчык (Беларусь)
А. А. Савіч (Беларусь)
Т. С. Сілюк (Беларусь)
С. М. Храмаў (Беларусь)
М. М. Яцьшыян (Украіна)

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 года

Серыя 2

ГІСТОРЫЯ

ЭКАНОМІКА

ПРАВА

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць тры разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 3 / 2022

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 28.01.2022 № 14
(са змяненнямі, унесенымі загадам ВАК ад 24.08.2022 № 227)
часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.

Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права» ўключаны
ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў у 2022 г.
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

◇ ◇ ◇

У адпаведнасці з дагаворам паміж установай адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»
і ТАА «Навуковая электронная бібліятэка» (ліцэнзійны дагавор
№ 457-11/2020 ад 03.11.2020) часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права»
размяшчаецца на платформе eLIBRARY.RU
і ўключаны ў Расійскі індэкс навуковага цытавання (РІНЦ)

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

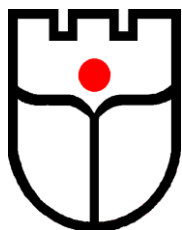
Вабішчэвіч А. М. Таварыства беларускай школы (1921–1936 гг.): паміж асветніцтвам і палітызацыяй.....	5
Занько Е. Ю. Библиотечное дело в Брестской и Гродненской областях в послевоенный период (1944–1950-е гг.)	14
Мазарчук Д. В. Просопография как метод исследования английской дипломатии конца XV – первой половины XVI в.: опыт применения	21
Абухава А. М., Касяноўская Г. С. Гаспадарчае і рэкрэацыйнае выкарыстанне канала Агінскага ў 1921–1939 гг.....	31
Черкасов Д. Н. Завоевание герцогства Лотарингского Карлом Смелым (сентябрь–ноябрь 1475 г.).....	38
Даркович А. Л. Западнобелорусские города в межвоенный период: демографическая характеристика.....	44
Чайкин С. Н. Организация трудовой деятельности заключенных в тюрьмах на белорусских землях во второй четверти XIX в. – 1870-х гг.	51
Ерашэвіч А. У. Фінансавае забеспячэнне дзейнасці Брэсцкага кадэцкага корпуса	58
Чуль Р. В. Особенности земельно-жилищного обеспечения православного приходского духовенства на территории Беларуси в середине XIX – начале XX в.	66

ЭКАНОМІКА

Лемешевский А. С. Правовой статус криптовалют в странах БРИКС: опыт и возможности для Республики Беларусь	75
Карпенко В. М., Чжу Хао. Комплексная оценка экономического развития регионов Китая с использованием метода главных компонент и кластерного анализа	84
Куган С. Ф., Филиппова Т. В. Транспортные услуги и их место в городских агломерациях ...	91
Мишкова М. П. Методика оценки надежности цепей поставок.....	96
Соркин С. В. Модели государственного регулирования внешней торговли молочной продукцией.....	102

ПРАВА

Залесский Д. А. Придание медиативному соглашению прямой исполнительной силы как способ популяризации медиации в Республике Беларусь.....	110
Пашкевич И. П., Романюк Е. В. Особенности допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей: уголовно-процессуальный, тактический и психологический аспекты	116
Горупа Т.А., Шалаева Т. З., Чугунова Т. И. Региональные стандарты защиты прав потребителей товаров (работ, услуг) на постсоветском пространстве.....	122
Якубель М. М., Слащинин О. А. Теоретико-правовые основы использования в уголовном процессе систем видео-конференц-связи (веб-конференции): понятие, цель, задачи и принципы.....	134

Vesnik

of Brest University

Editorial Board

editor-in-chief

A. N. Sender

deputy editor-in-chief

S. A. Marzan

managing editor

A. M. Vabishchevich

N. V. Adzinochankava (Russia)

V. F. Bajniou (Belarus)

A. Yu. Barysionak (Russia)

D. S. Bierahaucova (Belarus)

Thomas Bohn (Germany)

M. U. Varakulina (Belarus)

R. A. Vasilievich (Belarus)

A. A. Huzhalouski (Belarus)

U. V. Zdanovich (Belarus)

A. A. Kavalienia (Belarus)

U. L. Kliunia (Belarus)

S. I. Litvin (Hungary)

U. U. Losieu (Belarus)

I. A. Lychenka (Ukraine)

Antony Miranovich (Poland)

I. E. Martynienka (Belarus)

S. A. Pivavarchyk (Belarus)

A. A. Savich (Belarus)

T. S. Siliuk (Belarus)

S. M. Khramau (Belarus)

M. M. Yacyshyn (Ukraine)

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:
224016, Brest,
21, Kosmonavtov Boulevard
tel.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued three a year

**Founder – Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»**

№ 3 / 2022

According to the Supplement to the order of Supreme Certification
Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 nr 94
as revised by the order of Supreme Certification Commission
of the Republic of Belarus from January 28, 2022 nr 14
(with the amendments made by the order of Supreme Certification
Commission from August 24, 2022 nr 227)

the journal «Vesnik of Brest University.
Series 2. History. Economics. Law» has been included
to the List of scientific editions of the Republic of Belarus
for publication of the results of scientific research in 2022
in historical, economic and law sciences

◇ ◇ ◇

According to the agreement
between Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University» and Pvt Ltd «Scientific Electronic
Library» (licence contract № 457-11/2020 from 03.11.2020)
the journal «Vesnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law»
is placed on the platform eLIBRARY.RU
and included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

CONTENTS

HISTORY

Aliaksandr Vabishchevich. Association of the Belarusian School (1921–1936): between Enlightenment and Politicization	5
Evgeniya Zanko. Librarianship in the Brest and Grodno Regions in the Post-War Period (1944–1950-s)	14
Dmitry Mazarchuk. Prosopography as a Method of Studying of the English Diplomacy in the End of the XV th – First Half of the XVI th Century: An Experience of Application	21
Elena Abukhava, Hanna Kasyanouskya. Economical and Recreational Using of the Oginski Canal in 1921–1939	31
Dmitriy Cherkasov. Conquest of the Duchy of Lorraine by Charles the Bold (September–November 1475)	38
Aleksandr Darkovich. West Belarus Towns During the Inter-War Period: Demographic Characteristics	44
Sergey Chaikin. Organization of Work Activities of Prisoners in Prisons on Belarusian Lands in the Second Quarter of XIX Century – 1870s	51
Aliaksandr Yerashevich. Financial Support for the Activities of the Brest Cadet Corps	58
Roman Chul. Features of Land and Housing Provision of Orthodox Parish Clergy on the Territory of Belarus in the Mid XIX – Early XX Century	66

ECONOMICS

Anton Lemeshevsky. Legal Status of Cryptocurrencies in the BRICS Countries: Experience and Opportunities for the Republic of Belarus	75
Valeri Karpenka, Zhu Hao. Comprehensive Assessment of Regional Economic Development in China Using Principal Component Method and Cluster Analysis	84
Svetlana Kugan, Tatyana Filippova. Transport Services and Their Place in Urban Agglomerations.....	91
Margarita Mishkova. Methodology for Assessing the Reliability of Supply Chains	96
Siamen Sorkin. Models of State Regulation of Foreign Trade in Dairy Products	102

LAW

Dzmitry Zalesskiy. Direct Executive Power of Mediation Agreement as a Way to Popularize Mediation in the Republic of Belarus	110
Irina Pashkevich, Elena Romanyuk. Features of Interrogation of Juvenile Victims and Witnesses: Criminal Procedural, Tactical and Psychological Aspects	116
Tatsiana Gorupa, Tatsiana Shalaeva, Tatsiana Chuhunova. Regional Standards for the Protection of the Rights of Consumers of Goods (Work, Services) in the Post-Soviet Space.....	122
Maria Yakubel, Aleh Slashchynin. Theoretical and Legal Basis for the Use of Video Conference Systems (Web Conferences) in Criminal Proceedings: the Concept, Purpose, Objectives and Principles	134

ГІСТОРЫЯ

УДК 94(476)

Аляксандр Мікалаевіч Вабішчэвіч

*д-р гіст. навук, праф., праф. каф. гісторыі славянскіх народаў
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна*

Aliaksandr Vabishchevich

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor of the Department of the History of the Slavic Peoples
of the Brest State A. S. Pushkin University*

e-mail: vabischev@rambler.ru

ТАВАРЫСТВА БЕЛАРУСКАЙ ШКОЛЫ (1921–1936 гг.): ПАМІЖ АСВЕТНІЦТВАМ І ПАЛІТЫЗАЦЫЯЙ

У артыкуле абагулены вопыт дзейнасці Таварыства беларускай школы (ТБШ) на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1936 гг. Аўтар канкрэтызаваў пачатковую дату ў гісторыі гэтага таварыства (зацвярджэнне яго статута 1 ліпеня 1921 г.), вылучыў тры перыяды: пачатак 1920-х гг.; 1926–1930 гг. (стала масавай культурна-асветніцкай арганізацыяй: у сярэдзіне 1930 г. у больш чым 500 гуртках было аб'яднана звыш 15 тыс. чалавек); 1931–1936 гг. Раскрыта роля ТБШ у самазахаванні беларусаў ад паланізацыі, павышэнні іх агульнаадукацыйнага і культурнага ўзроўню. Выказаны прапановы аб неабходнасці абагульняльнага манаграфічнага выдання, сістэматызацыі крыніц, а таксама мемарыялізацыі гісторыі ТБШ, яе кіраўнікоў і актывістаў.

Ключавыя словы: *Таварыства беларускай школы, асветніцтва, паланізацыя, асіміляцыя, палітызацыя.*

Association of the Belarusian School (1921–1936): between Enlightenment and Politicization

The article summarizes the experience of the Association of the Belarusian School Society (TBSH) on the territory of Western Belarus in 1921–1936. The author specified the initial date in the history of this society (approval of its charter on July 1, 1921), distinguished 3 periods: the beginning of the 1920s; 1926–1930 (became a mass cultural and educational organization: in the mid-1930s, more than 15 000 people were united in more than 500 circles); 1931–1936. The role of TBSH in the self-preservation of Belarusians from polonization, raising their general educational and cultural level is revealed. Proposals were made about the need for a generalizing monographic edition, systematization of sources, as well as memorialization of the history of the TBSH, its leaders and activists.

Key words: *Association of the Belarusian school, education, polonization, assimilation, politicization.*

Уводзіны

У 2021 г. споўнілася 100 гадоў Таварыству беларускай школы (ТБШ), адной з самых масавых легальных культурна-асветніцкіх арганізацый Заходняй Беларусі. У айчыннай гістарычнай навуцы даследаванне дзейнасці Таварыства пачаў адзін з яго кіраўнікоў – П. Мятла [1]. У пасляваенныя дзесяцігоддзі вывучэнне дзейнасці гэтай грамадскай арганізацыі разглядалася пераважна ў кантэксце гісторыі Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі (КПЗБ) і ўсяго леварадыкальнага напрамку заходне-беларускага нацыянальнага руху, а таксама пры адлюстраванні неспрыяльнага становішча краю ў складзе Польшчы (у працах І. Палуяна, У. Палуяна, А. Мацко, П. Зялінскага, У. Ладyseва, С. Говіна, М. Ракевіча, А. Віхрава, М. Бабра і інш. [2–6]). Выву-

чаўся склад і арганізацыйнае развіццё ТБШ, яго ідэалагічная накіраванасць, школьныя кампаніі, культурна-асветніцкая дзейнасць. Біяграфіі асобных кіраўнікоў і актывістаў ТБШ закраналі літаратуразнаўцы У. Калеснік, А. Ліс. Г. Сянькевіч паказала арганізацыю школьнай справы, змест навучання і выхавання ў беларускіх пачатковых школах і гімназіях, педагагічную дзейнасць і погляды Б. Тарашкевіча, С. Паўловіча і іншых дзеячаў [7]. Свой уклад у даследаванне тэмы ўнеслі і польскія вучоныя, асабліва А. Бергман [8–10].

У гістарычнай навуцы Рэспублікі Беларусь далейшая распрацоўка гісторыі ТБШ ажыццяўлялася на падставе масіваў новых крыніц (асабліва архіўных дакументаў) з выкарыстаннем разнастайных сучасных навуковых метадаў. Найперш гэта было вы-

кладзена ў калектыўных навуковых працах па айчыннай гісторыі, гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі [11–12]. Пачалося пераасэнсаванне дзейнасці КПЗБ [13]. Шматгранная дзейнасць ТБШ была выкладзена і аўтарам дадзенага артыкула ў навуковых і навукова-папулярных часопісах [14–16], энцыклапедычных выданнях [17–19], зборніках матэрыялаў канферэнцый [20], а таксама ў аўтарскіх манаграфіях, калектыўным навуковым выданні [21–23]. Пытанні польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыкі ў Заходняй Беларусі, беларускага нацыянальнага руху вывучаюць А. Загідулін, А. Горны і інш. [24–25].

Нягледзячы на адносную навуковую распрацаванасць тэмы, шэраг даследчыцкіх праблем патрабуе паглыбленага вывучэння, дапаўнення і тлумачэння, звароту да больш шырокага кола крыніц. У прыватнасці, пакуль няма дакладнага ўяўлення пра храналагічны пачатак гісторыі ТБШ (фігуруюць даты 26 лютага, 1 ліпеня ці 7 снежня 1921 г. [26]). Патрабуецца далейшае ўвядзенне ў навуковы ўжытак матэрыялаў вуснай гісторыі (успамінаў і інш.), якія дазваляць шырэй раскрыць паўсядзённае жыццё на нізавым структурным узроўні Таварыства. Запатрабаваным з'яўляецца і вызначэнні ролі гэтай арганізацыі ў самазахаванні беларусаў ад паланізацыі.

Менавіта таму мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца абагульненне вопыту культурна-асветніцкай дзейнасці ТБШ на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1936 гг. Дзеля гэтага будуць канкрэтызаваны, удакладнены звесткі пра арганізацыйнае станаўленне Таварыства, выкарыстаны ўспаміны аднаго з яго кіраўнікоў – Ф. Стацкевіча.

ТБШ у першай палове 1920-х гг.

Асветніцтва – гэта вядучы напрамак у культурна-асветніцкай дзейнасці, які ўключаў у сябе найперш ліквідацыю непісьменнасці і ажыццяўленне самаадукацыі сярод дарослага насельніцтва, а таксама навучанне і выхаванне дзяцей у нацыянальных пачатковых і сярэдніх школах, пазашкольную асвету. Хоць у Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. пытаннямі нацыянальна-культурнага жыцця займаліся палітычныя партыі і арганізацыі, беларускія парламентарыі ў польскім сейме, аднак найбольш паслядоўна і сістэматычна асветніцтва ажыццяўля-

лася менавіта на грамадска-арганізацыйным узроўні – у складзе легальных культурна-асветніцкіх арганізацый, што мелі структурныя падраздзяленні і мясцовы актыў. Такой арганізацыяй і стала ТБШ.

Гэтая культурна-асветніцкая арганізацыя ўзнікла ў межах Сярэдняй Літвы (1920–1922 гг.). На пасяджэнні Цэнтральнай беларускай школьнай рады (ЦБШР) у Вільні 22 лютага 1921 г. была прынята пастанова аб стварэнні спецыяльнага ТБШ, «якому школьная рада перадаць свае паўнамоцтвы і маёмасць» [27, арк. 18]. На пашыраным сходзе рады з удзелам прадстаўнікоў ад Беларускага цэнтральнага вучыцельскага саюза і іншых нацыянальных арганізацый 26 лютага 1921 г. быў ухвалены праект статута ТБШ [27, арк. 22]. Канчаткова статут дапрацоўваўся Б. Тарашкевічам, які быў старшынёй ЦБШР. Яшчэ з 15 лістапада 1920 г. ён кіраваў беларускай секцыяй дэпартаменту асветы Часовай кіруючай камісіі Сярэдняй Літвы [28, арк. 2]. На Віленшчыне беларускія школы пачалі адкрывацца яшчэ з восені 1915 г. У сакавіку 1921 г. у Ашмянскім павеце існавала каля 130, у Свянцянскім – каля 30, у Віленскім – 2, у Вільні – 7 беларускіх пачатковых школ, што ахоплівалі да 10 тыс. дзяцей. Таксама дзейнічалі Віленская беларуская гімназія і беларуская настаўніцкая семінарыя ў Барунах [29, с. 3]. Паводле некаторых звестак, у канцы 1920 г. у Сярэдняй Літве было 186 беларускіх школ [30, с. 50] ці ў студзені 1921 г. – 180 [31, с. 2]. У студзені 1922 г. у Сярэдняй Літве дзейнічала 178 беларускіх пачатковых школ, беларуская настаўніцкая семінарыя ў Барунах (узначальваў С. Рак-Міхайлоўскі), курсы для настаўнікаў, беларускія гімназіі ў Вільні і Радашковічах [27, арк. 54].

Аднак ужо ў канцы 1920/21 навучальнага года пачаўся наступ на беларускую асвету. У Валожынскім і Вілейскім паветах, якія былі адлучаны ад Сярэдняй Літвы і ўключаны ў Навагрудскае ваяводства ў складзе Польшчы, было закрыта больш за 120 беларускіх пачатковых школ [31, с. 2]. Справа дайшла і да ліквідацыі беларускай секцыі дэпартаменту асветы і звальнення яе кіраўніка Б. Тарашкевіча.

1 ліпеня 1921 г. статут ТБШ быў зацверджаны дэпартаментам унутраных спраў Сярэдняй Літвы. Менавіта гэтае юрыдыч-

нае рашэнне дало легальныя магчымасці для арганізацыйнай працы. Такім чынам, перыяд з 26 лютага да 1 ліпеня 1921 г. можна лічыць падрыхтоўчым ў гісторыі ТБШ. Асноўная мэта Таварыства ў статусе была сфармулявана так: *«пашыраць і памагаць асвеце ў беларускім нацыянальным, людскім і хрысціянскім духу»* [32, с. 7]. ТБШ мела права адкрываць і ўтрымліваць розныя ўстановы адукацыі і культуры, праводзіць лекцыі і курсы, займацца выдавецкай дзейнасцю і г. д. [33, с. 3–4; 34, с. 2–3]. Дазвалялася засноўваць гурткі і аддзелы ТБШ.

8 жніўня 1921 г. ад імя заснавальнікаў арганізацыі да грамадскасці звярнуліся А. Луцкевіч, М. Кахановіч. 23 жніўня 1921 г. адбыўся першы арганізацыйны сход, дзе пастанавілі, каб ЦБШР перадала ўсе справы ТБШ, выбрана частка яго Управы [35, с. 4]. Чарговы арганізацыйны сход Таварыства прайшоў 4 верасня 1921 г., а 7 верасня 1921 г. – сход Управы. 12 верасня 1921 г. на пасяджэнні ЦБШР была прынята дакладная запіска (“мемарыял”) польскім уладам аб цяжкім становішчы беларускіх школ [36, с. 4].

Сярод заснавальнікаў ТБШ былі Б. Тарашкевіч, Я. Гаўрылік, А. Луцкевіч, А. Станкевіч, Ф. Стацкевіч, І. Канчэўскі, А. Трэпка, М. Кахановіч, А. Смоліч, В. Багдановіч, С. Рак-Міхайлоўскі, В. Іваноўскі, Л. Родзевіч і іншыя прадстаўнікі беларускай інтэлігенцыі. Да канца кастрычніка 1921 г. агульны спіс удзельнікаў дасягнуў 121 [37, с. 6]. Рада ТБШ накіравала міністру веравызнання і грамадскай асветы Польшчы дакладную запіску («мемарыял»), у якой дамагалася ўтварыць сетку беларускіх школ прапарцыянальна колькасці насельніцтва і прыняць на дзяржаўнае ўтрыманне ўжо існуючыя беларускія школы, перастаць прымукова вывозіць беларускіх настаўнікаў на курсы ў цэнтральныя рэгіёны Польшчы, адкрыць беларускую настаўніцкую семінарыю і кароткачасовыя дадатковыя настаўніцкія курсы, адпусціць большыя крэдыты для выдання беларускіх школьных падручнікаў, адкрыць кафедру беларусістыкі ў Віленскім універсітэце імя С. Баторыя, утварыць у міністэрстве асобны аддзел беларускіх школ і інш. [37, с. 6; 38, с. 3].

Кіруючым органам ТБШ стала Беларуская школьная рада. 21 кастрычніка 1921 г. адбылося пасяджэнне прэзідыуму Рады ТБШ. 25 кастрычніка 1921 г. прайшоў

агульны сход Рады ТБШ, быў перавыбраны прэзідыум. Старшынёй застаўся А. Смоліч, а сакратаром выбраны І. Краскоўскі [37, с. 6].

Такім чынам, у структуры таварыства выканаўчым органам была Беларуская цэнтральная школьная рада (БЦШР) – 12 чалавек, у склад прэзідыуму ўключаны 7 чалавек. У 1923 г. у прэзідыум БЦШР увайшлі А. Станкевіч (старшыня), С. Рак-Міхайлоўскі і М. Пяткевіч (намеснікі старшыні), А. Канчэўскі і П. Мятла (сакратары), Г. Багдановіч (скарбнік), М. Кахановіч (намеснік скарбніка).

7 снежня 1921 г. у Радашковічах Б. Тарашкевічам было таксама заснавана ТБШ. ТБШ было заснавана і ў Навагрудку (у пачатку 1922 г. яшчэ не было зацверджана польскімі ўладамі) [39, с. 6]. Пасля далучэння Сярэдняй Літвы да Польшчы ў 1922 г. гэтыя арганізацыі фактычна сталі рэгіянальнымі структурнымі часткамі ТБШ.

У цэлым у першай палове 1920-х гг. ТБШ абмежавалася пераважна ўтрыманнем беларускіх гімназій, пачатковых школ, пазбягала радыкалізму і праяўляла палітычную лаяльнасць [40, арк. 35]. Таварыства характарызавалася адсутнасцю структурнага адзінства, тэрытарыяльнай абмежаванасцю (найперш Вільня, асобныя мясцовасці Віленскага і Навагрудскага ваяводстваў), вузкай сацыяльнай базай (пераважна інтэлігенцыя). Аднак з восені 1924 г. ТБШ пачало каардынаваць на месцах кампанію па складванні і падачы дэкларацый аб адкрыцці беларускіх школ [41, арк. 5].

Пераўтварэнне ТБШ у масавую арганізацыю (1926–1930 гг.)

Новы статут ТБШ быў зацверджаны міністрам унутраных спраў Польшчы 27 красавіка 1926 г. Мэтай арганізацыі з’яўлялася развіццё і пашырэнне асветы сярод беларусаў. Структура ТБШ стала наступнай: Галоўная ўправа – акруговыя ўправы – гурткі. Цяпер легальная дзейнасць таварыства пашырылася на ўсю тэрыторыю Заходняй Беларусі [42, с. 3]. 8 верасня 1926 г. быў зацверджаны склад Галоўнай управы (12 чалавек на чале з Р. Астроўскім), Нагляднай рады (5 чалавек са старшынёй С. Рак-Міхайлоўскім) [43, арк. 73]. Сярод персанальнага складу Галоўнай управы і Нагляднай рады ТБШ пераважалі дзеячы Беларускай сялянска-работніцкай Грамады (БСРГ), якая выступала

ла за адзіную працоўную школу з выкладаннем на роднай мове вучняў, з бясплатным навучаннем за кошт дзяржавы, і яе прыхільнікі з ліку інтэлігенцыі нацыянальна-дэмакратычнай арыентацыі. У 1927 г. Галоўная ўправа складалася з 4 аддзелаў: выдавецкага, пазашкольнай асветы, пачатковай школы і педагагічных курсаў, тэхнічна-гаспадарчага.

Пад уплывам Грамады была створана разгалінаваная сетка арганізацыйных адзінак ТБШ. Паводле няпоўных звестак, ужо ў канцы 1926 г. налічвалася больш 250 гурткоў Таварыства, яго 3 акруговыя ўправы (у Вілейцы, Гродне, Навагрудку), дзе было аб'яднана 3,5 тыс. чалавек, пераважна грамадаўцаў [22, с. 40]. Пераўтварэнне ТБШ у «другую лінію акапаў» дзеячы БСРГ пачалі рэалізоўваць загадзя [3, с. 108; 44, арк. 114; 45, арк. 20, 28]. Да сярэдзіны 1928 г. колькасць гурткоў ТБШ дасягнула 430 (14–15 тыс. чалавек), а ў сярэдзіне 1930 г. перавысіла 500 (больш 15 тыс. чалавек) – пераважна сялян, вясковай моладзі [46, арк. 8], якія былі ахоплены 12 акруговымі ўправамі: у Баранавічах, Беластоку, Вілейцы, Вільні, Гродне, Глыбокім, Косаве, Лідзе, Міры, Навагрудку, Свіслачы, Слоніме.

Такім чынам, пры самым непасрэдным удзеле актыву БСРГ і камуністаў ТБШ пераўтварылася ў масавую легальную культурна-асветніцкую арганізацыю. Якраз на гэты нізавы ўзровень заходнебеларускага руху, які арганічна дасягнуў сваёй масавасці без умяшальніцтва зверху, працягваючы традыцыі беларускай грамадскай актыўнасці пачатку ХХ ст. [25, с. 21], і не звярталася належная ўвага ў папярэдніх даследаваннях па гісторыі ТБШ. Хоць вывучаліся біяграфіі кіраўнікоў і актывістаў, аднак незаслужана недаацэнена дзейнасць шматлікіх шараговых гурткоўцаў у заходнебеларускіх паветах.

Акрамя прыярытэтнага асветніцтва (пашыранымі яго формамі былі курсы для ліквідацыі непісьменнасці, гурткі самаадукацыі, лекцыі, чытанні ўголас для непісьменных і малапісьменных і г. д.), культурна-асветніцкая праца ТБШ уключала таксама арганізацыйна-масавую работу (аказанне падтрымкі для кампаніі па збору подпісаў за адкрыццё беларускіх школ, яе каардынацыя), выдавецкую дзейнасць і бібліятэчную справу (наладжванне друку і распаўсюдж-

вання вучэбнай літаратуры, перыёдыкі; стварэнне і ўтрыманне бібліятэк-чытальняў), культурна-мастацкую дзейнасць (арганізацыя самадзейных мастацкіх калектываў).

Важную ролю ў правядзенні асветніцкай работы таварыства выконвалі святліцы (клубы), бібліятэкі-чытальні (хаты-чытальні), народныя дамы. Найвышэйшага ўздыму ў сваім развіцці бібліятэкі-чытальні ТБШ дасягнулі ў 1928 г. – іх налічвалася звыш 250 (з-за рэпрэсіўных дзеянняў польскіх улад праз год засталася толькі 130). Сярод буйных вылучалася бібліятэка-чытальня імя Я. Купалы ў в. Вялікая Кракотка Слонімскага павета. Акрамя бібліятэк-чытальняў, асветніцкія функцыі выконвалі народныя дамы: у 1928 г. іх было 100, у 1929 г. – толькі 40 [5, с. 75, 76]. Аднак да сярэдзіны 1930-х гг. яны спынілі сваю дзейнасць.

Для ажыццяўлення статутных задач ТБШ абапіралася ў першую чаргу на ўнутраныя рэзервы. Сярод крыніц яго фінансавання былі членскія ўзносы (1,5 % ад зарплаты, часта ўсяго 0,2–0,5 златага ў месяц), прыватныя ахвяраванні, прыбыткі ад выдавецкай працы, розных асветніцкіх, культурна-мастацкіх і іншых мерапрыемстваў. Была таксама і арганізацыйная, ідэалагічна-прапагандысцкая, вучэбна-метадычная, фінансавая дапамога з боку БССР [20, с. 88].

У дзейнасці ТБШ у канцы 1920-х – пачатку 1930-х гг. выразным стала ўзмацненне палітызацыі, што было выклікана як пашырэннем леварадыкальных палітычных поглядаў сярод гурткоўцаў, так і наўмысным фарсіраваннем палітычных працэсаў з боку заходнебеларускага камуністычнага руху [13, с. 85–86]. У такіх абставінах адбылося абвастрэнне супярэчнасцей паміж двума плынямі ў ТБШ: прыхільнікамі палітызацыі (камуністы, прадстаўнікі клуба «Змаганне», леварадыкальныя кіраўнікі і актывісты Таварыства) і яе праціўнікамі (прадстаўнікамі нацыянальна-дэмакратычнай арыентацыі), што выступалі толькі за культурна-асветніцкую працу, пэўнае паразуменне (згодніцтва) з польскімі ўладамі. У канцы 1928 г. – першай палове 1929 г. прыхільнікі палітызацыі атрымалі большасць у акруговых і павятовых управах. Большая заангажаванасць гурткоў ТБШ у палітычную дзейнасць зніжала выніковасць асветніцтва [10, с. 177]. На нелегальным з'ездзе ў Вільні 19 мая 1929 г. прыхільнікі палітыза-

цыі дабіліся выключэння з ТБШ сваіх апанентаў (Р. Астроўскага, А. Луцкевіча і інш.), выбранныя прадстаўнікоў леварадыкальных поглядаў у новы склад Галоўнай управы (яе ўзначаліў Ф. Стацкевіч) і Нагляднай рады. Праціўнікі палітызацыі не пагадзіліся з гэтым, але вымушаны былі прызнаць новае кіраўніцтва Таварыства. Аднак ідэалагічнае размежаванне паміж памяркоўным і радыкальным крылом прадоўжылася.

ТБШ у 1931–1936 гг.

У пачатку 1930-х гг. з-за паліцэйска-адміністрацыйнага ціску польскіх улад адбываўся заняпад ТБШ: ліквідаваліся яго гурткі, бібліятэкі, народныя дамы. Да канца 1933 г. уцалела толькі адна акруговая ўправа таварыства – у Беластоку, якая налічвала 50 гурткоў (600 чалавек) у Беластоцкім, Ваўкавыскім і Гродзенскім паведах, аднак і яна была забаронена ў сакавіку 1934 г. Нягледзячы на апраўдальны прыгавор, судовы працэс над членамі Галоўнай управы ТБШ Ф. Стацкевічам, Р. Шырмай, М. Пяткевічам у пачатку лютага 1933 г. у Вільні па абвінавачванні іх у «падрыўной дзейнасці камуністычнага характару» [47] (хоць М. Церах, Ю. Саковіч атрымалі па 3, Я. Скурко – 2 гады турэмнага зняволення) аказаў негатыўны ўплыў на стан арганізацыі.

Паводле ўспамінаў Ф. Стацкевіча, у апошнія гады існавання ТБШ усё цяжэй было склікаць яго агульныя сходы. *«Памяшканне, вызначанае для з'езду, блакіравалася дэфензівай, участнікаў з'езду затрымлівалі і ў найлепшым выпадку высылалі дамоў. Такім чынам, склікаць з'езд – гэта было дадаваць у рукі дэфензівы актыў Таварыства. Апошні з'езд, калі яго можна назваць з'ездам, адбыўся не ў вызначаным месцы, а на маёй кватэры на Ласеўцы. Ён складаўся амаль выключна з гарадскога актыву ў ліку не больш дзесятка чалавек. Як я даведаўся пазней ад суседзяў, падчас нашага паседжання дом кругом быў абстаўлены іпікамі»* [48, арк. 83].

Акрамя лакальнага правядзення школьнай кампаніі, уцалелыя гурткі нацэльваліся на стварэнне груп самаадукацыі. Асветніцкая праца актыўна прапагандавалася ў друку Галоўнай управы: «Бюлетэні ТБШ», газеце «Шлях», часопісе «Летапіс ТБШ».

Негатыўнае ўздзеянне на стан ТБШ аказвалі сталінскія рэпрэсіі ў БССР супраць

былых лідараў заходнебеларускага руху і Таварыства М. Бурсевіча, П. Валашына, Ф. Вальнца, Я. Гаўрыліка, І. Дварчаніна, П. Мятлы, С. Рак-Міхайлоўскага і інш. Пазней ахвярай сталінізму стаў лідар Грамады Б. Тарашкевіч [20, с. 93–96].

У 1934–1935 гг. дзейнасць ТБШ прыйшла ў заняпад. Акрамя адмоўнага ўздзеяння польскіх паліцэйска-адміністрацыйных органаў варта адзначыць цэлы шэраг іншых прычын: адсутнасць матэрыяльных сродкаў для ажыццяўлення статутных задач; ідэалагічная барацьба паміж памяркоўным і радыкальным крылом Таварыства; падзенне масавай грамадскай актыўнасці заходнебеларускага насельніцтва, выкліканае нерэалізаванасцю яго сацыяльных і нацыянальных патрабаванняў (асабліва ў ходзе грамадаўскага ўздыху), апаскай за бяспеку ва ўмовах рэальных і магчымых ганенняў польскіх улад, складаным сацыяльна-эканамічным становішчам, якое прадвызначыла абмежаванасць выключна прыватнымі гаспадарчымі праблемамі. Пры заняпадзе легальнай культурна-асветніцкай працы частка былых актывістаў уключылася ў нелегальную дзейнасць камуністаў.

У сярэдзіне 1930-х гг. у межах стварэння шырокага антыфашысцкага народнага фронту заходнебеларускім камуністам і беларускім хрысціянскім дэмакратам удалося дамовіцца аб супрацоўніцтве ў галіне асветы: адпаведнае пагадненне паміж падкантрольнымі ім ТБШ і Беларускім Інстытутам Гаспадаркі і Культуры (БІГК, створаны ў 1926 г. як альтэрнатыўная ТБШ культурна-асветніцкая арганізацыя) было заключана ў лютым 1936 г. Як успамінаў Ф. Стацкевіч, *«ад 1936 г. пачаўся кантакт і супрацоўніцтва тэбэшнікоў з Беларускім народным Аб'яднаннем у асобах кс. Адама Станкевіча, Дубейкоўскага, Багдановіча, Шутовіча і інш. Пры неафіцыйным супрацоўніцтве з КПЗБ утварыўся Народны Фронт. Праца яго адбывалася галоўным чынам на грунце Школьнага сакратарыяту, у склад якога ўваходзілі прадстаўнікі ТБШ, Беларускага Народнага Аб'яднання і Інстытуту Гаспадаркі і Культуры»* [48, арк. 85].

Аднак вынікі сумеснага выступлення гэтых дзвюх заходнебеларускіх культурна-асветніцкіх арганізацый у 1936 г. можна прызнаць супярэчлівымі. З аднаго боку, пры рознасці ідэйна-палітычных поглядаў

агульнай была глыбокая занепакоенасць пагрозай паланізацыі беларусаў. Адбылося адраджэнне дзейнасці ТБШ і ажыўленне працы структур БГіК. З другога боку, не ўдалося прадухіліць канчатковага знікнення беларускіх школ. За “*правядзенне падрыўной дзейнасці*” 2 снежня 1936 г. была забаронена дзейнасць ТБШ, а праз два дні і БГіК [49, арк. 445; 50, с. 634].

Заклучэнне

У ходзе праведзенага аналізу архіўных крыніц, матэрыялаў перыядычнага друку ўдалося абгрунтаваць, што ў гісторыі ТБШ перыяд ад зацвярджэння праекта статута да яго зацвярджэння (г. зн. з 26 лютага да 1 ліпеня 1921 г.) з’яўляўся падрыхтоўчым. Дату зацвярджэння статута ТБШ (1 ліпеня 1921 г.) трэба лічыць за пачатковы пункт у дзейнасці гэтай легальнай беларускай культурна-асветніцкай арганізацыі.

У арганізацыйным развіцці ТБШ можна вылучыць тры перыяды: пачатак 1920-х гг. (мела вузкую сацыяльную базу – пераважна інтэлігенцыю, дзейнасць была абмежавана Віленшчынай); 1926–1930 гг. (стала маса-

вай культурна-асветніцкай арганізацыяй: у сярэдзіне 1930 г. налічвала 12 акруговых упраў, больш 500 гурткоў, якія аб’ядналі звыш 15 тыс. чалавек па ўсёй Заходняй Беларусі); 1931–1936 гг. (заняпад таварыства і спроба яго аднаўлення).

Дзякуючы гарманічнаму спалучэнню дзейнасці кіраўніцтва і нізавых структур, ТБШ паслядоўна і мэтанакіравана выступала супраць паланізацыі, сацыяльнага ўціску, павышала агульнаадукацыйны і культурны ўзровень беларускага насельніцтва, яго нацыянальную самасвядомасць.

У цэлым атрыманы на цяперашні час дасягненні ў вывучэнні гісторыі ТБШ з’яўляюцца падставай для падрыхтоўкі грунтоўнага манаграфічнага выдання па гэтай тэме. Варта таксама сістэматызаваць і ўвесці ў навуковы ўжытак асобнай хрэстаматыяй успаміны, публікацыі, раскіданыя ў розных архівах, часопісах і газетах. Не менш актуальнай застаецца і справа мемарыялізацыі гісторыі ТБШ, яе кіраўнікоў і асабліва мясцовых актывістаў у назвах вуліц, плошчаў, школ, бібліятэк ці іншых устаноў культуры.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Мятла, П. В. Аб Таварыстве беларускае школы і яго барацьбе / П. В. Мятла. – Мінск : Беларус. АН, 1932. – 36 с.
2. Палуян, У. А. Беларуская сялянска-рабочая Грамада / У. А. Палуян. – Мінск : Навука і тэхніка, 1967. – 224 с.
3. Полуян, В. А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.) / В. А. Полуян. – Минск : Наука и техника, 1978. – 359 с.
4. Мацко, А. Н. Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков. 1918–1939 гг. / А. Н. Мацко. – Минск : Беларусь, 1972. – 335 с.
5. Говін, С. В. Друк Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / С. В. Говін. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1974. – 95 с.
6. Ладыеў, У. Ф. КПЗБ – арганізатар барацьбы працоўных за дэмакратычныя правы і свабоды (1934–1938 гг.) / У. Ф. Ладыеў. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1976. – 168 с.
7. Сянькевіч, Г. Р. Народная асвета ў Заходняй Беларусі (1920–1939 гг.) / Г. Р. Сянькевіч // Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі. – Мінск : Нар. асвета, 1968. – С. 341–395.
8. Bergman, A. Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej / A. Bergman. – Warszawa : PWN, 1984. – 287 s.
9. Gomółka, K. Białorusini w II Rzeczypospolitej / K. Gomółka. – Gdańsk : Wydaw. Politechniki Gdańskiej, 1992. – 179 s.
10. Смалярчык, А. Таварыства беларускай школы ў Палескім ваяводстве ў 1926–1933 гг. / А. Смалярчык // Беларус. гіст. агляд. – 2015. – Т. 22, сш. 1–2 (42–43). – С. 153–178.
11. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. – Мінск : Беларусь. – 1995. – Ч. 2. – С. 214–264.
12. Народная адукацыя і педагагічная навука ў Беларусі (1917–1945) / пад рэд. Г. Р. Сянькевіч [і інш.]. – Мінск : Нар. асвета, 1993. – 495 с.

13. Ладысеў, У. Ф. Цяжкі шлях выпрабаванняў / У. Ф. Ладысеў // Беларус. гіст. часоп. – 1994. – № 1. – С. 85–86.
14. Вабішчэвіч, А. Нацыянальная школа ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. Вабішчэвіч // Беларус. гіст. часоп. – 1994. – № 2. – С. 38–46.
15. Вабішчэвіч, А. Таварыства беларускай школы (1921 – 1936 гг.) / А. Вабішчэвіч // Беларус. гіст. часоп. – 1997. – № 1. – С. 86–92.
16. Вабішчэвіч, А. Таварыства беларускай школы: першыя гады існавання / А. Вабішчэвіч // Спадчына. – 1996. – № 5. – С. 31–51.
17. Вабішчэвіч, А. Таварыства беларускай школы / А. Вабішчэвіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : БелЭн, 2001. – Т. 6, кн. 1. – С. 489–490.
18. Вабішчэвіч, А. Таварыства беларускай школы / А. Вабішчэвіч // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. – Мінск : БелЭн, 2002. – Т. 15. – С. 372.
19. Вабищевич, А. Товарищество белорусской школы / А. Вабищевич // Республика Беларусь : энциклопедия : в 7 т. – Минск, 2008. – Т. 7. – С. 232.
20. Вабішчэвіч, А. Савецкі фактар у грамадскім жыцці Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. / А. Вабішчэвіч // Знакамітыя мінчане: Мінск і Міншчына пасля падзей 1921 года – лёсы людзей і краіны : матэрыялы Х Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 13–14 верас. 2016 г. – Мінск : Выд. В. Хурсік, 2017. – С. 83–97.
21. Вабішчэвіч, А. М. Асвета ў Заходняй Беларусі (1921–1939) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ, 2004. – 115 с.
22. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ, 2008. – 319 с.
23. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2011. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – С. 403–404, 410–413, 420–422.
24. Загідулін, А. М. Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Загідулін. – Гродна : ГрДУ, 2010. – 183 с.
25. Горны, А. Рэгіянальныя структуры беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. Горны // Беларус. гіст. часоп. – 2021. – № 6. – С. 14–22.
26. Глагоўская, Л. 100 гадоў Таварыства беларускай школы (ТБШ) [Электронны рэсурс] / Л. Глагоўская. – Рэжым доступу: <https://www.youtube.com/watch?v=H5GhT2OXUMs&t=14s>. – Дата доступу: 16.08.2022.
27. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 883. Воп. 1. Спр. 14.
28. Lietuvos Centrinis Valstybinis Archyvas (LCVA). – F. 31. Ap. 1. V. 13.
29. Беларускі зvon. – 1921. – № 1 (22 сак.).
30. Białoruskie zeszyty historyczne. – Białystok, 2001. – № 15.
31. Беларускі зvon. – 1921. – № 19 (4 ліст.).
32. Беларускі зvon. – 1921. – № 8 (19 жн.).
33. Статут Таварыства беларускае школы. – Вільня : Друк, 1921. – 20 с.
34. Беларускія ведамасці. – 1921. – № 4 (3 кастр.).
35. Беларускі зvon. – 1921. – № 8 (19 жн.).
36. Беларускія ведамасці. – 1921. – № 2 (19 верас.).
37. Беларускі зvon. – 1921. – № 18 (28 кастр.).
38. Беларускі зvon. – 1921. – № 19 (4 лістап.).
39. Беларускі зvon. – 1922. – № 1 (6 студз.).
40. LCVA. – F. 51. Ap. 17. V. 521.
41. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБр.). – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 768.
42. Статут Таварыства беларускае школы. – Вільня : Друк. імя Ф. Скарыны, 1926. – 30 с.
43. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛіМ). – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 195.
44. ДАБр. – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 959.
45. ДАБр. – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 939.
46. НАРБ. – Ф. 242-п. Воп. 1. Спр. 301.

47. Towarzystwo Szkoły Białoruskiej na ławie oskarżonych // *Pregląd Wileński*. – 1933. – № 3. – S. 2–4.
48. БДАМЛіМ. – Ф. 55. Воп. 1. Спр. 322.
49. Archiwum Akt Nowych. – Zespół 9/1. Sygn. 963.
50. Sprawy narodowościowe. – 1936. – № 6.

REFERENCES

1. Miatla, P. V. *Ab Tavarystvie bielaruskaje shkoly i jaho barac'bie* / P. V. Miatla. – Minsk : Bielarus. AN, 1932. – 36 s.
2. Palujan, U. A. *Bielaruskaja sialianska-rabochaja Hramada* / U. A. Palujan. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1967. – 224 s.
3. Polujan, V. A. *Rievoliucionno-diemokratichieskoje dvizhenije v Zapadnoj Bielorusii (1927–1939 gg.)* / V. A. Polujan. – Minsk : Nauka i tiekhnika, 1978. – 359 s.
4. Macko, A. N. *Rievoliucionnaja bor'ba trudiashchikhsia Pol'shi i Zapadnoj Bielorusii protiv gniota burzhuazii i pomieschikov. 1918–1939 gg.* / A. N. Macko. – Minsk : Bielarus', 1972. – 335 s.
5. Hovin, S. V. *Druk Zakhodnijaj Bielarusi (1921–1939 hh.)* / S. V. Hovin. – Minsk : Vyd-va BDU, 1974. – 95 s.
6. Ladysieu, U. F. *KPZB – arhanizatar barac'by pracounykh za demakratychnyja pravy i svabody (1934–1938 hh.)* / U. F. Ladysieu. – Minsk : Vyd-va BDU, 1976. – 168 s.
7. Sian'kievich, H. R. *Narodnaja asvieta u Zakhodnijaj Bielarusi (1920–1939 hh.)* / G. R. Sian'kievich // *Narysy historyi narodnaj asviety i piedahahichnaj dumki u Bielarusi*. – Minsk : Nar. asvieta, 1968. – S. 341–395.
8. Bergman, A. *Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej* / A. Bergman. – Warszawa : PWN, 1984. – 287 s.
9. Gomółka, K. *Białorusini w II Rzeczypospolitej* / K. Gomółka. – Gdańsk : Wydaw. Politechniki Gdańskiej, 1992. – 179 s.
10. Smaliarchyk, A. *Tavarystva bielaruskaj shkoly u Palieskim vajavodstvie u 1926–1933 hh.* / A. Smaliarchyk // *Bielarus. hist. ahliad.* – 2015. – T. 22, ssh. 1–2 (42–43). – S. 153–178.
11. *Narysy historyi Bielarusi : u 2 ch.* – Minsk : Bielarus', 1995. – Ch. 2. – S. 214–264.
12. *Narodnaja adukacyja i piedahahichnaja navuka u Bielarusi (1917–1945)* / pad red. H. R. Sian'kievich [i insh.]. – Minsk : Nar. asvieta, 1993. – 495 s.
13. Ladysieu, U. F. *Ciazhki shliakh vyprabavanniu* / U. F. Ladysieu // *Bielarus. hist. chasop.* – 1994. – № 1. – S. 85–86.
14. Vabishchevich, A. *Nacyjanal'naja shkola u Zakhodnijaj Bielarusi (1921–1939 hh.)* / A. Vabishchevich // *Bielarus. hist. chasop.* – 1994. – № 2. – S. 38–46.
15. Vabishchevich, A. *Tavarystva bielaruskaj shkoly (1921–1936 hh.)* / A. Vabishchevich // *Bielarus. hist. chasop.* – 1997. – № 1. – S. 86–92.
16. Vabishchevich, A. *Tavarystva bielaruskaj shkoly: piershyja hady isnavannia* / A. Vabishchevich // *Spadchyna.* – 1996. – № 5. – S. 31–51.
17. Vabishchevich, A. *Tavarystva bielaruskaj shkoly* / A. Vabishchevich // *Encyklapiedyja historyi Bielarusi : u 6 t.* – Minsk : BielEn, 2001. – T. 6, kn. 1. – S. 489–490.
18. Vabishchevich, A. *Tavarystva bielaruskaj shkoly* / A. Vabishchevich // *Bielaruskaja encyklapiedyja : u 18 t.* – Minsk : BielEn, 2002. – T. 15. – S. 372.
19. Vabishchievich, A. *Tovarishchestvo bieloruskoj shkoly* / A. Vabishchievich // *Riespublika Bielarus' : enciklopedija : v 7 t.* – Minsk, 2008. – T. 7. – S. 232.
20. Vabishchevich, A. *Saviecki faktar u hramadskim zhycci Zakhodnijaj Bielarusi u 1921–1939 hh.* / A. Vabishchevich // *Znakamityja minchanie: Minsk i Minshchyna paslia padziej 1921 hoda – liosy liudziej i krainy : materyjaly X Mizhnar. navuk.-tearet. kanf., Minsk, 13–14 vieras. 2016 h.* – Minsk : Vyd. V. Khursik, 2017. – S. 83–97.
21. Vabishchevich, A. M. *Asvieta u Zakhodnijaj Bielarusi (1921–1939)* / A. M. Vabishchevich. – Brest : BrDU, 2004. – 115 s.
22. Vabishchevich, A. M. *Nacyjanal'na-kul'turnaje zhyccio Zakhodnijaj Bielarusi (1921–1939 hh.)* / A. M. Vabishchevich. – Brest : BrDU, 2008. – 319 s.

23. Historyja Bielarusi : u 6 t. / redkal.: M. Kasziuk (hal. red.) [i insh.]. – Minsk : Ekapierspiektyva, 2000–2011. – T. 5 : Bielarus' u 1917–1945 hh. / A. Vabishchevich [i insh.]. – 2006. – S. 403–404, 410–413, 420–422.
24. Zahidulin, A. M. Bielaruskaje pytan'nie u pol'skaj nacyjanal'naj i kanfiesijnaj palitycy u Zakhodniaj Bielarusi (1921–1939 hh.) / A. M. Zahidulin. – Hrodna : HrDU, 2010. – 183 s.
25. Horny, A. Rehijanal'nyja struktury bielaruskaha nacyjanal'naha rukhu u Zakhodniaj Bielarusi (1921–1939 hh.) / A. Horny // Bielarus. hist. chasop. – 2021. – № 6. – S. 14–22.
26. Hlahouskaja, L. 100 hadou Tavarystva bielaruskaj shkoly (TBSH) [Elektronny resurs] / L. Hlahouskaja. – Rezhym dostupu: <https://www.youtube.com/watch?v=H5GhT2OXUMs&t=14s>. – Data dostupu: 16.08.2022.
27. Nacyjanal'ny arkhiv Respubliki Bielarus' (NARB). – F. 883. Vop. 1. Spr. 14.
28. Lietuvos Centrinis Valstybinis Archyvas (LCVA). – F. 31. Ap. 1. B. 13.
29. Bielaruski zvon. – 1921. – № 1 (22 sak.).
30. Białoruskie zeszyty historyczne. – № 15. – Białystok, 2001.
31. Bielaruski zvon. – 1921. – № 19 (4 list.).
32. Bielaruski zvon. – 1921. – № 8 (19 zhn.).
33. Statut Tavarystva bielaruskaje shkoly. – Vil'nia : Druk, 1921. – 20 s.
34. Bielaruskija viedamasci. – 1921. – № 4 (3 kastr.).
35. Bielaruski zvon. – 1921. – № 8 (19 zhn.).
36. Bielaruskija viedamasci. – 1921. – № 2 (19 vieras.).
37. Bielaruski zvon. – 1921. – № 18 (28 kastr.).
38. Bielaruski zvon. – 1921. – № 19 (4 list.).
39. Belaruski zvon. – 1922. – № 1 (6 studz.).
40. LCVA. – F. 51. Ap. 17. B. 521.
41. Dziarzhauy arkhiv Bresckaj voblasti (DABr.). – F. 67. Vop. 1. Spr. 768.
42. Statut Tavarystva bielaruskaje shkoly. – Vil'nia : Druk. imia F. Skaryny, 1926. – 30 s.
43. Bielaruski dziarzhauy arkhiv-muziej litaratury i mastactva (BDAMLiM). – F. 3. Vop.1. Spr. 195.
44. DABr. – F. 67. Vop. 1. Spr. 959.
45. DABr. – F. 67. Vop. 1. Spr. 939.
46. NARB. – F. 242-p. Vop. 1. Spr. 301.
47. Towarzystwo Szkoły Białoruskiej na ławie oskarżonych // Przegląd Wileński. – 1933. – № 3. – S. 2–4.
48. BDAMLiM. – F. 55. Vop. 1. Spr. 322.
49. Archiwum Akt Nowych. – Zespół 9/1. Sygn. 963.
50. Sprawy narodowościowe. – 1936. – № 6.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 07.12.2022

УДК 94(476-15):304.2«1944/1959»

Евгения Юрьевна Занько

*ст. преподаватель каф. истории славянских народов
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина*

Evgeniya Zanko

*Senior Lecturer of the Department of History of Slavic Peoples
of the Brest State A. S. Pushkin University*

e-mail: evgeniyazanko@yandex.by

БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО В БРЕСТСКОЙ И ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТЯХ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1944–1950-е гг.)

Рассмотрены характерные черты и особенности восстановления библиотечного дела в западных областях БССР в послевоенный период. Изложенный материал в основном базируется на данных Государственного архива Брестской области, Государственного архива Гродненской области, значительная часть которых введена в научный оборот впервые.

Ключевые слова: *культпросветучреждения, библиотека, изба-читальня, книжный фонд.*

Librarianship in the Brest and Grodno Regions in the Post-War Period (1944–1950-s)

The characteristic features and features of the restoration of librarianship in the western regions of the BSSR in the post-war period are considered. The presented material is mainly based on data from the State Archive of the Brest region, the State Archive of the Grodno region. A significant part of which has been introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: *cultural institutions, a library, a hut-reading room, a book fund.*

Введение

Культурное наследие белорусского народа является социальным и духовным опытом народа, это национальное богатство, передающееся будущим поколениям. Послевоенное восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства и культуры республики тесным образом были связаны с идейно-политическим воспитанием трудящихся. Главная роль принадлежала культурно-просветительным учреждениям. Основными очагами культурно-массовой работы являлись клубы, Дома культуры, избы-читальни, красные уголки, библиотеки.

В период восстановления народного хозяйства из руин поднимались города, появлялись новые отрасли производства. Одновременно возрождалась сеть библиотек. В этих условиях существенно выросло значение библиотеки как библиотечно-информационного центра, способного предоставить наиболее полную информацию по всем вопросам жизнедеятельности советского человека.

Последствия Великой Отечественной войны тяжело отразились и на культурно-просветительской сфере. Перед войной в Беларуси было более 2 000 изб-читален, сельских клубов, библиотек [2, с. 6]. Напри-

мер, в Брестской области работали 55 библиотек, в которых числилось 424 000 книг. Сельское население обслуживалось избами-читальнями, которых насчитывалось 140. За годы германской нацистской оккупации по области было полностью уничтожено 77 зданий изб-читален, клубов, красных уголков [5, л. 2, 5]. На территории Пинской области германские нацистские захватчики уничтожили 68 изб-читален, 8 районных библиотек, 3 районных дома культуры, сожгли областную библиотеку [6, л. 166].

Книжному делу советские власти придавали важное значение, поэтому уже в 1955 г. сеть культурно-просветительских учреждений превзошла довоенный уровень. К этому времени только по Гродненской области их количество достигло 736 (до войны было 324), 1 040 массовых библиотек (до войны – 269) [7, л. 1].

По окончании войны ежегодно увеличивались ассигнования учреждениям культуры на укрепление материальной базы, на пополнение книжных фондов библиотек, для приобретения оборудования и инвентаря, строительства новых учреждений культуры. В 1952 г. ассигнования на культпросветработу в республике увеличились более чем в

два раза по сравнению с 1946 г. и составили 7,5 млн руб. [2, с. 15].

Актуальность темы возрождения и развития библиотечного дела в первые послевоенные десятилетия заключается в том, что долгое время она не исследовалась. Многие вопросы являются неоднозначными, спорными и требуют тщательного изучения. Тема восстановления библиотек, избчитален после Великой Отечественной войны представлена в современной белорусской историографии. В первую очередь это историко-документальная хроника «Памяць» [1], в которой широко использованы документы из архивов, научные исследования, книжные и газетные публикации. Аспекты восстановления и развития библиотечного дела на территории западных областей БССР нашли отражение в ряде публикаций белорусских исследователей, среди которых выделяются работы М. А. Минковича [2], В. Мазеца [3], Н. Н. Милосты [4]. Большая часть материала о послевоенном восстановлении библиотечного дела содержится в документах Государственного архива Брестской области, Государственного архива Гродненской области. Целью данной публикации является исследование восстановления и развития библиотечного дела в 1944–1950-х гг.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- 1) дать характеристику организации восстановительных мероприятий на территории Брестской и Гродненской областей;
- 2) выявить основные проблемы и трудности в воссоздании и развитии книжного фонда.

Брестская область

Первоочередной проблемой в работе массовых библиотек было их материальное обеспечение. По Брестской области в относительно удовлетворительных условиях в самые тяжелые послевоенные годы находились только областная и городская библиотеки Бреста, а также некоторые районные библиотеки (Березовская, Кобринская). Например, в Коссовском районе помещение для библиотеки отсутствовало, и она ютилась в маленькой комнате при школе. Большинство избчитален находились в частных помещениях и требовали капитального ремонта [8, л. 8]. К 1950 г. из 14 районных

библиотек имели свои помещения, обеспечивающие нормальные условия работы, только 11. Из 6 детских библиотек 5 имели помещения с соответствующими условиями для нормальной работы [9, л. 45].

Помимо этого, плохо обстояло дело с обеспечением библиотек мебелью и другим библиотечным инвентарем, особенно в сельских библиотеках (в наличии имелось 1-2 стола, 3-5 скамеек и шкаф для книг) [9, л. 46]. На средства, отпускаемые по ассигнованиям (от 1 000 до 3 000 руб.), приобрести инвентарь и мебель было невозможно, поэтому и эти малые суммы во многие библиотеки не использовали по назначению, а к концу года на эти средства выписывали периодическую печать [8, л. 8]. Также не хватало инвентарных книг, читательских формуляров, каталожных карточек и, самое главное, пособий по библиотечной работе [10, л. 10].

Наряду с материальными трудностями особо остро стоял кадровый вопрос, а именно текучесть кадров. В течение 1947 г. в Брестской области сменилось 26 библиотечных работников и 119 «избачей». Из 183 «избачей» 61 человек (33 %) были с начальным образованием, 5–6 классов образования имели 74 человека (40 %), 7 и больше классов имели 23 % работников [11, л. 15]. Отмечались факты, когда новых работников не трудоустраивали по причине занятости должности некомпетентными сотрудниками. Например, в августе 1951 г. для работы в Березовскую районную библиотеку была направлена выпускница Минского библиотечного техникума. На месте ей работу не предоставили, и она вернулась в Брест, а в библиотеке осталась работать сестра инструктора местного РК КП(б)Б с образованием 7 классов [12, л. 47].

Так как во время оккупации был уничтожен весь книжный фонд западных областей БССР, пришлось заново создавать библиотечную базу культпросветучреждений. Основным источником комплектования библиотек литературой являлся республиканский бибколлектор, дополнительным – книжные магазины, органы «Союзпечати».

В конце 1940-х гг. в Брестской области по массовым библиотекам книжный фонд насчитывал 140 000 томов и 36 000 брошюр. По сельским домам культуры и избам-читальням – 130 000 томов с брошюрами [13, л. 13]. Однако местная промыш-

ленность (райпотребкомбинаты) не справлялась с обеспечением возрастающей потребности в продукции [11, л. 13].

Белорусской литературой библиотеки были оснащены в достаточном количестве, и в ряде библиотек существовала даже многоэкземплярность отдельных белорусских писателей. Не хватало литературы по сельскому хозяйству, естествознанию, биологии, художественной литературы и полных собраний классиков русской и мировой литературы, на которых был большой спрос. Большой процент книжного фонда составляли брошюры. Так, например, в 1947 г. книжный фонд районных библиотек насчитывал 57 688 экземпляров книг, а брошюрный – 22 192, или 40 % от общего количества литературы [10, л. 11].

Все библиотеки области использовали выездную форму работы и книгоношество (в Брестской областной библиотеке числилось 11 передвижных пунктов, в Жабинковской – 15, в Кобринской – 12, в Малоритской – 11, в Дивинской – 10). Постепенно по области развивался межбиблиотечный абонемент. Брестская областная библиотека по МБА была связана с московскими, ленинградскими, минскими библиотеками. В 1948 г. было выписано 365 книг и обслужено 5 районных библиотек, которым было выслано 37 наименований научных изданий. Однако должного распространения в районных библиотеках почтовый абонемент не получил вплоть до конца 1950-х гг. [10, л. 13].

Основной задачей перед библиотеками области стояло продвижение книги в массы и использование разнообразных видов пропаганды книги [14, л. 8]. С этой целью для детей и взрослых проводились лекции и доклады, громкие читки, литературные викторины, детские утренники, беседы, выставки книг, литературно-художественные вечера и читательские конференции, вечера вопросов и ответов. Детский отдел областной библиотеки выделял книжные передвижки в детские дома, детприемник МВД, в детские сады и школы [14, л. 14].

Уже к 1947 г. в Брестской области работали 160 изб-читален и 27 массовых библиотек с книжным фондом 140 500 экземпляров и охватом 42 000 постоянных читателей [15, л. 5]. На 1 января 1956 г. в области уже насчитывалось 29 районных и 63

сельских домов культуры, 366 изб-читален, 29 районных, 10 городских, 33 детских, областная и 249 сельских библиотек. Наряду с государственными учреждениями в области имелось 144 колхозные библиотеки, 530 красных уголков на животноводческих фермах, 33 профсоюзные библиотеки. Книжный фонд увеличился, и на 1 января 1956 г. насчитывал 1 000 797 томов с охватом 124 625 читателей [16, л. 7, 26–27].

Гродненская область

В Гродненской областной библиотеке так же, как и по всем областям БССР, за годы войны и оккупации часть книг была сожжена, часть вывезена в непригодные помещения, пользование книгами было запрещено. За годы войны библиотека потеряла 35 тыс. экземпляров книг [1, с. 543], лишь небольшое количество книг удалось сохранить сотруднику библиотеки Н. Червяковскому [4, с. 228].

26 июля 1944 г., несмотря на тяжелые условия существования, библиотека начала обслуживать читателей. В трудных условиях работы проводилась выдача книг, а читальный зал был переполнен. Поэтому решением Белостокского облисполкома от 28 августа 1944 г. предполагалось в десятидневный срок восстановить Гродненскую областную библиотеку. Она размещалась в бывшем жилом доме купца Муравьева (сегодня – пл. Советская, 2). Временно исполняющим обязанности директора библиотеки был назначен А. Р. Ципс, с 14 ноября 1944 г. коллектив библиотеки возглавила А. А. Скорлыкина. В конце 1944 г. в библиотеке работало уже 8 человек.

Уже к 1945 г. количество читателей насчитывало 5 700 человек, книговыдача – 16 219 экземпляров. Весь 1946 г. велась работа по созданию книжного каталога, читателям была выдана 59 331 книга. С 11 по 25 сентября тут проводился двухнедельный семинар библиотекарей области, в декабре открылся читальный зал. Заведующим его стала З. Ф. Морозова. Был сделан ремонт, приобретена мебель. Книги поступали из всех уголков Советского Союза. За три послевоенных года была не только восстановлена, но и значительно расширена довоенная деятельность библиотеки. В сравнении с 1940 г. количество читателей увеличилось вдвое, посещаемость – в 4, выдача книг по-

чти в 2 раза. В мае 1949 г. для детей города был открыт детский отдел [1, с. 543].

С 1952 г. в библиотеке начала налаживаться научная работа, составлялся рекомендательный систематический каталог на весь книжный фонд. Ежегодно 10–15 работников районных и сельских библиотек области проходили соответствующую подготовку. В 1950-е гг. библиотека принимала активное участие во всех событиях политической, экономической и культурной жизни Гродненщины. Активизировалась массовая работа: проводились читательские конференции, литературно-художественные вечера, посвященные юбилейным датам политических деятелей, циклы лекций по проблемам развития науки и культуры, встречи со знаменитыми людьми, выездные мероприятия. Просмотры литературы организовывались прямо на предприятиях. Для улучшения обслуживания сельского населения методический совет библиотеки решил организовать передвижную библиотеку. В колхозах, МТС, совхозах было развернуто более 1,5 тыс. передвижек. Услугами библиотеки пользовались 10 тыс. читателей. Был внедрен новый метод обслуживания – открытый доступ читателей к фонду. Активизировалась издательская деятельность: составлялись библиографические материалы «Известные льноводы нашей области», «Промышленность Гродненщины на подъеме» и др. Был образован отдел МБА.

В 1953 г. были созданы все основные отделы областной библиотеки в соответствии с ее структурой, налажена методическая помощь библиотекам Гродненщины. С 1954 г. в штат библиотеки была введена единица главного библиографа, значительно расширился справочно-библиографический аппарат, была создана краеведческая картотека «Гродненская область в печати». Штат библиотеки составил 20 работников.

В результате кропотливой работы по восстановлению книжного дела в Гродно и Гродненской области 31 января 1957 г. библиотеке было присвоено имя Е. Ф. Карского, первого белорусского академика, основателя белорусской филологии [1, с. 543].

Книжный фонд библиотек Гродненской области к концу 4-й пятилетки составлял 231 640 экземпляров книг [17, л. 18], а к концу 1955 г. в библиотеках области имелось уже 867 388 экземпляров, причем осо-

бенно быстро шло пополнение сельских библиотек, их книжный фонд к концу 1955 г. составлял 756 432 экземпляров различной литературы [18, л. 22–24]. В первую очередь фонды библиотек пополнялись произведениями классиков марксизма-ленинизма, материалами XIX съезда КПСС, постановлениями пленумов ЦК КПСС и ЦК КПБ, литературой о передовом опыте в сельском хозяйстве.

На комплектование книжного фонда сельским библиотекам Гродненской области было выделено 503 787 рублей [18, л. 25]. К концу пятилетки, в 1955 г., на одну сельскую библиотеку приходилось в среднем 1 889 экземпляров книг. Из сельских библиотек, которых в области к концу 1955 г. насчитывалось 197, большими книжными фондами располагали: Крокотская сельская библиотека Слонимская района (6 059 экземпляров), Шундровская библиотека Козловщинского района (4 136 экземпляров), 57 сельских библиотек имели книжный фонд свыше 2 500 экземпляров [18, л. 24].

Однако в целом еще комплектование книжных фондов носило односторонний характер, не учитывались запросы читателей. Как правило, отсутствовали рекомендательные каталоги, непланомерно шло финансирование библиотек, оставалась низкой подготовка кадров.

Большую роль советские власти отводили лекционной работе: за 1946–1950 гг. библиотеки Гродненской области провели 2 546 громких чтоток, 1 470 выставок, 92 читательские конференции, 741 лекцию и доклад, было организовано 39 читательских кружков, создано 469 передвижных библиотечных пунктов, из них 83 на предприятиях, 386 – в колхозах, МТС, выдано 81 917 книг, обслужено 14 508 читателей. На 1 января 1951 г. было зарегистрировано 40 007 читателей [17, л. 26–27].

Хорошо была поставлена пропаганда книги в Песковском сельском доме культуры, Пикелевщинском сельском клубе и Копачевской избе-читальне Мостовского района. К концу 1955 г. читателей по области достигло 72 522 человек, проведено 249 читательских конференций, 399 литературных вечеров, 22 393 громких чтоток, 1 902 книжных выставок [18, л. 16].

Следует отметить, что в послевоенные годы по республике сеть государствен-

ных, колхозных и ведомственных библиотек развивалась очень быстро: за восемь послевоенных лет с 1945 по 1952 г. сеть библиотек всех типов выросла на 5 359 библиотек. Книжные фонды росли не только количественно, но и качественно и в 1952 г. превысили довоенный уровень почти в два раза. Таким образом, книжный фонд массовых библиотек БССР к 1952 г. достиг 13 087 230 томов. Это означает, что в 1952 г. массовые библиотеки Беларуси имели книг на 4 миллиона томов больше, чем в библиотеках всей царской России в 1914 г. С 1946 по 1952 г. число читателей массовых, государственных и колхозных библиотек выросло почти в три раза и достигло 1 054 417 человек [2, с. 9–10].

Работа библиотек занимала особое место во всей политмассовой работе среди населения в первые послевоенные годы в западнобелорусских областях. Несмотря на количественный рост библиотечных учреждений, книг и количество читателей, библиотеки западных областей БССР отставали от возрастающих культурных запросов населения. Главными причинами являлось отсутствие помещений, пригодных для развертывания работы, недостаток квалифицированных кадров, библиотечному делу мешал частый отрыв работников культпросветучреждений от своей непосредственной работы, мало внимания уделялось библиотекам со стороны местных советских и общественных организаций.

В целях усиления массовой и политической работы в западнобелорусском регионе в 1944 г. восстанавливались и организовывались новые избы-читальни, клубы и дома соцкультуры. Для этих учреждений выделялись лучшие свободные здания и производился необходимый ремонт. Для перевозки, установления и ремонтных работ привлекался местный актив и все население сельского совета в общественном добровольном порядке. На должность заведующих привлекали коммунистов, комсомольцев, лучших представителей интеллигенции и бывших партизан [19, л. 20–21].

Сфера книгоиздания довольно полно отразила существовавшие тенденции в социокультурной жизни западнобелорусского региона. Издание литературы из года в год увеличивалось по количеству и по тиражам. Накануне Великой Отечественной войны в

1940 г. по республике было выпущено 772 названия с тиражом в 10 370 тыс. экземпляров. Если в 1945 г. было издано 169 наименований с общим тиражом 3 853 тыс. экземпляров, то в 1952 г. было издано 744 названия с общим тиражом 14 423 тыс. экземпляров. В эти данные не входят газетно-журнальные издания [2, с. 9]. Ситуация, которая сложилась с изданием белорусскоязычных книг, была результатом отношения к этому вопросу руководителей книготорговли. В большинстве случаев получалось, что не издательство определяло тираж белорусскоязычной литературы, а руководители книготорговли «диктовали их издательству», руководствуясь позорной «теорией», что белорусская книга будто «неходовая», а потому нужно издавать ее в самом минимальном количестве экземпляров. Довольно часто читатели не знали, что в продаже есть те или иные книги, т. к. они не поступали в книжные магазины, а просто лежали на складах и портились как невостребованная продукция [3, с. 77].

Так как все отрасли культпросветучреждений и культуры имели особое значение в советской системе пропаганды, они, как и вся система образования в БССР, подверглись русификации в рамках дальнейшей советизации. Культура теряла свою национальную самобытность, превращаясь общесоветское понятие. Таким образом, библиотечное дело развивалось в рамках идеологической направленности и жесткого партийного контроля. Пронизанное советской идеологией, оно обслуживало потребности тоталитарного режима, периодически подвергаясь гонениям и запретам.

Заключение

После окончания Великой Отечественной войны необходимо было заново создавать базу культпросветучреждений – основных очагов проведения культурно-массовой работы среди населения. За годы оккупации был уничтожен практически весь книжный фонд западных областей БССР, поэтому в первую очередь открывались библиотеки и избы-читальни, перед которыми ставилась задача продвижения книги в массы и использование разнообразных видов пропаганды книги среди читателей. Несмотря на количественный рост библиотек, нерешенными оставались проблемы по-

мещений, пригодных для развертывания культмассовой и пропагандистской работы, кадровый вопрос, частый отрыв работников культпросветучреждений от своей непосредственной работы, слабое внимание со стороны местных советских и общественных организаций.

Тем не менее разнообразие форм и методов культпросветработы в регионе постепенно приводило к росту общего уровня образования и культуры местных жителей, расширению их кругозора и укреплению идеологической линии коммунистической партии по соответствующим ее доктринам

стандартам. Положительные итоги данной деятельности перевешивают имевшиеся минусы чрезмерной идеологизированности данной сферы: народ фактически прикоснулся к масштабной культурной жизни в регионе впервые.

Таким образом, вся работа культпросветучреждений (библиотек, изб-читален, клубов) западных областей БССР в рассматриваемый период была направлена на расширение сети культурно-просветительских организаций и пропаганду новых форм культурно-массовой работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Гродна / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1999. – 712 с.
2. Минкович, М. А. Развитие культурно-просветительской работы в БССР и ее основные формы / М. А. Минкович. – Минск, 1954. – 19 с.
3. Милоста, Н. Н. Главная библиотека Гродненщины в русле культурного развития области / Н. Н. Милоста // 60-летие образования Гродненской области : материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 3–4 марта 2004 г. ; отв. ред. В. А. Белозорович. – Гродно : ГрГУ, 2004. – С. 227–231.
4. Мазец, В. Тэндэнцыі дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі ў БССР у 1950-я гады / В. Мазец // АРСНЕ Пачатак. – 2011. – № 10. – С. 68–79.
5. Доклад об итогах учета ущерба и расследования злодеяний немецких оккупантов в Брестской области БССР // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 815. Оп. 4. Д. 18.
6. Годовые планы и отчеты областных отделов культуры о работе // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 790. Оп. 1. Д. 19.
7. Отчет о работе клубных культурно-просветительских учреждений Гродненской области за 1955 г. // Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Ф. 1266. Оп. 1. Д. 118.
8. Текстовой и статотчеты о работе культпросветучреждений города за 1947 год // ГАБр. – Ф. Р-1300. Оп. 1. Д. 77.
9. Годовой отчет о работе Брестской областной библиотеки им. Горького за 1948 г. // ГАБр. – Ф. Р-1300. Оп. 1. Д. 7.
10. Текстовой и статотчеты о работе культпросветучреждений области за 1948 год // ГАБр. – Ф. Р-1300. Оп. 1. Д. 3.
11. Текстовой и статотчеты о работе культпросветучреждений области за 1947 год // ГАБр. – Ф. Р-1300. Оп. 1. Д. 2.
12. Текстовой и статотчеты о работе культпросветучреждений области за 1951 год // ГАБр. – Ф. Р-1300. Оп. 1. Д. 8.
13. Текстовой и статотчеты о работе культпросветучреждений области за 1949 год // ГАБр. – Ф. Р-1300. Оп. 1. Д. 4.
14. Текстовой и статистические отчеты о работе культпросветучреждений за 1951 год // ГАБр. – Ф. Р-1300. Оп. 1. Д. 94.
15. Политико-экономическая характеристика Брестской области за 1947 год // ГАБр. – Ф. 815. Оп. 4. Д. 51.
16. Годовой отчет о работе культурно-просветительных учреждений Брестской области за 1955 год // ГАБр. – Ф. Р-1293. Оп. 1. Д. 12.
17. Справка о работе областного отдела культурно-просветительных учреждений // ГАГО. – Ф. 838. Оп. 1. Д. 19.

18. Отчет о работе клубных культурно-просветительных учреждений Гродненской области за 1955 г. // ГАГО. – Ф. 1266. Оп. 1. Д. 120.

19. О восстановлении и организации изб-читален, клубов и домов соцкультуры в районах Брестской области // ГАБр. – Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 11.

REFERENCES

1. Pamiac' : Hist.-dakum. khronika Grodna / red. kal.: H. P. Pashkou [i insh.]. – Minsk : BielEn, 1999. – 712 s.

2. Minkovich, M. A. Razvitije kul'turno-prosvietitel'skoj raboty v BSSR i jejo osnovnyje formy / M. A. Minkovich. – Minsk, 1954. – 19 s.

3. Milosta, N. N. Glavnaja biblioteka Grodnienshchiny v ruslie kul'turnogo razvitija oblasti / N. N. Milosta // 60-lietije obrazovaniya Grodnienskoj oblasti : materialy Miezhdunar. nauch. konf., Grodno, 3–4 marta 2004 g. ; otv. ried. V. A. Belozorovich. – Grodno : GrGU, 2004. – S. 227–231.

4. Mazec, V. Tendencyi dziarzhaunaj nacyjanal'naj palityki u BSSR u 1950-ja hady / V. Mazec // ARCHE Pachatak. – 2011. – № 10. – S. 68–79.

5. Doklad ob itogakh uchiota ushchierba i rassliedovanija zlodiejaniy niemieckikh okkupantov v Briestskoj oblasti BSSR // Gosudarstviennyj arkhiv Briestskoj oblasti (GABr). – F. 815. Op. 4. D. 18.

6. Godovyje plany i otchioty oblastnykh otdielov kul'tury o rabotie // Nacional'nyj arkhiv Rjespubliki Bielarus'. – F. 790. Op. 1. D. 19.

7. Otchiot o rabotie klubnykh kul'turno-prosvietitel'skikh uchriezhdienij Grodnienskoj oblasti za 1955 g. // Gosudarstviennyj arihiv Grodnienskoj oblasti (GAGO). – F. 1266. Op. 1. D. 118.

8. Tiekstovoj i statotchioty o rabotie kul'tprosvietuchriezhdienij goroda za 1947 god // GABr. – F. R-1300. Op. 1. D. 77.

9. Godovoj otchiot o rabotie Briestskoj oblastnoj biblioteki im. Gor'kogo za 1948 g. // GABr. – F. R-1300. Op. 1. D. 7.

10. Tiekstovoj i statotchioty o rabotie kul'tprosvietuchriezhdienij oblasti za 1948 god // GABr. – F. R-1300. Op. 1. D. 3.

11. Tiekstovoj i statotchioty o rabotie kul'tprosvietuchriezhdienij oblasti za 1947 god // GABr. – F. R-1300. Op. 1. D. 2.

12. Tiekstovoj i statotchioty o rabotie kul'tprosvietuchriezhdienij oblasti za 1951 god // GABr. – F. R-1300. Op. 1. D. 8.

13. Tiekstovoj i statotchioty o rabotie kul'tprosvietuchriezhdienij oblasti za 1949 god // GABr. – F. R-1300. Op. 1. D. 4.

14. Tiekstovoj i statistichieskije otchioty o rabotie kul'tprosvietuchriezhdienij za 1951 god // GABr. – F. R-1300. Op. 1. D. 94.

15. Politiko-ekonomichieskaja kharakteristika Briestskoj oblasti za 1947 god // GABr. – F. 815. Op. 4. D. 51.

16. Godovoj otchiot o rabotie kul'turno-prosvietitel'nykh uchriezhdienij Briestskoj oblasti za 1955 god // GABr. – F. R-1293. Op. 1. D. 12.

17. Spravka o rabotie oblastnogo otdiela kul'turno-prosvietitel'nykh uchriezhdienij // GAGO. – F. 838. Op. 1. D. 19.

18. Otchiot o rabotie klubnykh kul'turno-prosvietitel'nykh uchriezhdienij Grodnienskoj oblasti za 1955 g. // GAGO. – F. 1266. Op. 1. D. 120.

19. O vosstanovlieni i organizacii izb-chitalien, klubov i domov sockul'tury v rajonakh Briestskoj oblasti // GABr. – F. 1-P. Op. 1. D. 11.

УДК 94(4):327

Дмитрий Валерьевич Мазарчук*канд. ист. наук, доц., проректор по научной и методической работе
Университета Национальной академии наук Беларуси***Dmitry Mazarchuk***PhD in History, Associate professor, Vice-rector for scientific and methodological work
of the Graduate School of the National Academy of Sciences of Belarus*e-mail: bande_nere@mail.ru**ПРОСОПОГРАФИЯ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ
КОНЦА XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В.: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ***

Обосновывается использование просопографии для исследования английской дипломатии конца XV – первой половины XVI в. и рассматривается опыт построения базы данных английских дипломатов указанного периода. Определены методологические принципы просопографического исследования и обосновано применение просопографии для изучения состава английских дипломатов. Рассмотрены особенности источниковой основы базы данных. Основным источником для базы данных послужило собрание дипломатических документов Т. Раймера, а также архивные материалы. Особое внимание уделено обоснованию избранных автором критериев включения в базу данных дипломатов. Раскрыта специфика построения просопографического корпуса (сводной базы данных) английских дипломатов конца XV – первой половины XVI в. с учетом предшествующих исследований (Г. Белла, Д. Поттера, Л. Мак-Махона). Дана подробная характеристика особенностей рубрикации сводной базы данных английских дипломатов.

Ключевые слова: просопография, история дипломатии, раннее Новое время, Тюдоры, английская дипломатия.

***Prosopography as a Method of Studying of the English Diplomacy
in the End of the XVth – First Half of the XVIth Century: An Experience of Application***

The article substantiates the use of prosopography for the study of English diplomacy at the end of the XVth – the first half of the XVIth century and the experience of building a database of English diplomats of the specified period is considered. The methodological principles of prosopographic research are determined and the use of prosopography to study the composition of British diplomats is substantiated. The author considered in detail the features of the source base of the database. The main source for the database was the collection of diplomatic documents by T. Rymer, as well as archival materials. A separate place is given to the substantiation of the criteria chosen by the author for inclusion in the database of diplomats. The specificity of the construction of the prosopographic corpus (consolidated database) of English diplomats of the late XVth – first half of the XVIth centuries is revealed taking into account previous studies (G. Bell, D. Potter, L. McMahon). A detailed description of the features of the rubrication of the consolidated database of English diplomats is given.

Key words: prosopography, history of diplomacy, early Modern age, Tudors, English diplomacy.

Введение

Целью статьи является обоснование и изложение опыта применения просопографического метода для исследования состава английских дипломатов конца XV – первой половины XVI в.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1) определить методологические принципы просопографического исследования;

2) обосновать применение просопографии для изучения состава английских дипломатов конца XV – первой половины XVI в.;

3) обосновать избранные критерии включения в базу данных дипломатов;

4) раскрыть специфику построения просопографического корпуса (сводной базы данных) английских дипломатов конца XV – первой половины XVI в.

Английские дипломаты времени правления первых и средних монархов из династии Тюдоров не представляли собой четко очерченной какими-либо формальными

*Статья написана в рамках выполнения НИР № 20211387 государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.

ми признаками группы, скрепленной узами солидарности и осознания общности своих интересов. Несмотря на это, тюдоровские дипломаты представляли собой целостный феномен, определяемый функциональной принадлежностью к системе государственной власти. Этот феномен развивался согласно некоторым закономерностям и выражал национальную специфику генезиса английской дипломатической службы в европейском контексте. В этом качестве допустимо подвергнуть английский дипломатический корпус (в значении – совокупность дипломатов определенного ранга) социологическому анализу с целью выявления особенностей развития английской дипломатической службы и ее связи с английской внешней политикой конца XV – первой половины XVI в.

Просопография как исследовательская методика

В качестве методологической базы для анализа нами был избран просопографический подход как методика, позволяющая работать с достаточно большим массивом данных одного порядка с целью создания на их основе «коллективного портрета».

Любые индивидуальные действия «могут быть поняты только в рамках структур, их обуславливающих» [1, с. 36]. Это утверждение И. Кершоу можно считать одним из постулатов просопографического метода, преследующего целью исследование общих характеристик групп действующих в истории лиц. Просопография позволяет выявить две основные составляющие индивидуально-коллективного взаимодействия: способы осуществления группой политических акций (формальные и неформальные); пути и варианты социальной мобильности и реализации карьерных устремлений [2, с. 107]. Таким образом, конечной целью просопографического исследования является изучение биографий в динамике. Составление «коллективного портрета» либо построение «коллективной биографии» на основе просопографической базы данных может сопровождать институциональное исследование, дополняя и качественно его расширяя.

Выделяют два типа групп, изучаемых историками, которые используют в своей работе просопографический подход. Пер-

вый – это «инклюзивная группа», состоящая из наибольшего числа лиц, например, жителей какой-либо местности. Второй – это группа, включающая более или менее четко ограниченный круг лиц, связанных общими характеристиками [3, с. 74–78; 4, с. 42]. Количественная ограниченность анализируемой нами группы (английские послы определенного периода) позволяет отнести выполненное нами просопографическое исследование не к «массовому», а к «элитарному» направлению (терминология Л. Стоуна) [5, с. 46–47].

Использование просопографического подхода дает исследователю множество преимуществ. Прежде всего просопография помогает обнаружить константы и переменные в публичной и частной жизни избранной социальной группы. При этом преодолеваются традиционные дисциплинарные границы политической, социальной и институциональной истории [6, с. 14]. Кроме того, «просопографическое исследование создает структурированный набор упорядоченной информации» [7, с. 182]. Собранная воедино информация по отдельным индивидам позволяет сделать выводы, которые были бы невозможны на основе только разрозненного индивидуального биографического материала.

Вместе с тем этот подход имеет ряд ограничений и трудностей, присущих каждому из этапов просопографического исследования. На этапе выделения из общей массы ряда индивидов с едиными характеристиками главную трудность представляет собой определение объединяющего параметра. Отсутствие в раннее Новое время понятия «дипломатическая служба» порождает опасность анахронизма – рассмотрения объекта исследования в дискурсе современности. Вторая трудность связана с заведомой неполнотой источников, что приводит к неполноте базы данных или фрагментарности содержащейся в ней информации (отсутствие у индивида всех важных для анализа характеристик) [8, с. 129].

Далее, на этапе создания записей, содержащих информацию об отдельных индивидах (в совокупности образующих базу данных) трудности связаны со структуризацией содержащейся в источниках информации. В частности, это проблемы определения категорий повторяющейся информа-

ции, отсева нужной информации для базы данных, «перевода» (по М. Е. Проскураковой – «исправления») информации при переносе ее из источника в базу данных, отождествления информации с индивидом; защищенности информации от искажений, которые несет интерпретация [9, с. 59; 10, с. 100–101; 11, с. 194].

Поскольку просопографический подход не сводится к составлению биографического справочника, обязательным этапом работы с базой данных является интерпретация собранных в ней сведений. Это самый сложный этап работы, но именно он приносит плоды, которые являются конечной целью исследования. Главной проблемой данного этапа является грамотное конструирование интерпретационной части сложившейся базы данных (просопографического корпуса) [11, с. 196].

По мнению Т. Беверли, существует три типа баз данных, с которыми можно работать, используя просопографические методы. Первый – «свободный текст» (информация содержится в виде текста с минимальной внутренней структурой). Второй – иерархическая база, когда каждая запись в базе данных связана с соответствующим иерархическим уровнем. Третий – релятивная база, когда данные внесены в ряд матриц, каждая из которых обладает уникальным именем [12, с. 22]. Для настоящего исследования нами был избран третий тип, который максимально формализует биографические сведения, позволяя подвергать их количественному анализу. В то же время отметим заведомую неполноту сведений релятивных баз данных, которые по своей природе не могут включать нарративный биографический материал.

В целом, использованные нами методы анализа позволили не только исследовать вопросы динамики и генезиса английской дипломатии, но и решить более широкий круг проблем, связанных с составом изучаемой социальной группы с точки зрения статусных, этнических, образовательных и других характеристик, выявить место дипломатов в обществе и государственной системе тюдоровской Англии.

Первый этап построения просопографического корпуса

Первым этапом просопографического исследования является определение и применение критериев для включения лиц в базу данных. Фактически речь идет об определении круга дипломатов рассматриваемого периода, сборе и систематизации фактов из их жизни, позволяющих нарисовать просопографический портрет дипломатического сообщества. Подобного рода изыскания облегчаются наличием разработок наших предшественников, авторов исследований и баз данных, содержащих интересующие нас сведения в частичном или неполном виде. Речь идет о трудах Д. Поттера, посвященных англо-французским сношениям 1536–50 гг., Ш. Жири-Делуасона об английских дипломатах 1485–1509 гг., Г. Белла об английских дипломатических миссиях 1509–1688 гг., Л. Мак-Махона о посольском корпусе Генриха VIII, Е. Г. Домниной об английских дипломатических представителях в папском Риме (1485–1558 гг.) [13–17].

Указанные исследования наряду с другими, имевшими второстепенное значение, легли в основу сводной базы данных английских дипломатов периода первых и средних Тюдоров. При ее составлении мы преследовали цель учесть как можно больше формальных факторов, связанных с жизнью и карьерой тюдоровских дипломатов. В то же время мы осознавали невозможность практической работы с базой данных при сохранении стремления к абсолютной формализации фактов биографии дипломатов. Сводная база данных составлена нами с учетом понимания ограниченности задач, которые могут быть решены с ее помощью.

Основная трудность первого этапа работы с просопографическими базой данных связана с формулированием максимально точного критерия отнесения лица к референтной группе. В частности, в нашем случае большую сложность составляет неопределенность в Средневековье и раннем Новом времени понятия «дипломат», а значит, и отсутствие представлений о дипломатических рангах. Как заметила И. Ладзарини, любая постулируемая иерархия дипломатических представителей эпохи Ренессанса являлась не более чем теоретической конструкцией, далеко не всегда выдерживаемой на практике [18, с. 42–43].

Применительно к раннему Новому времени абсолютным критерием для отнесения к числу дипломатов являются функции лица, отраженные в его полномочиях. Документальными свидетельствами полномочий дипломатов Нового времени являлись доверенности (англ. *letter of proxy*, или *power*, фр. *pouvoir*) или верительные грамоты (англ. *letter of credence*, фр. *letter de créance*). Их наличие придавало миссии дипломатический характер; соответственно, их обладатели автоматически могут быть причислены к дипломатам. Они обладали правом вести переговоры, а иногда также заключать соглашения [14, с. 207].

Таким образом, просопографическое исследование дипломатов Нового времени должно исходить из того, что абсолютным критерием отбора являются функции лица, отраженные в его полномочиях. В частности, согласно Г. Беллу, дипломатом можно считать лицо, которое «было назначено (*warranted*) своим сувереном официально представлять английское правительство перед внешней державой или влиянием, расположенным вне английских территориальных границ» [15, с. 2–3].

Для уточнения принципа отбора Белл предложил список критериев, исключающих попадание в его базу данных, который мы излагать не будем. Отметим лишь одно ограничение и сделанное нами исключение: в базу данных Белла не вошли герольды различных рангов, которые, как правило, выполняли поручения недипломатического характера (чаще всего передача объявления войны). Поскольку некоторые члены Геральдической палаты направлялись в полноценные дипломатические миссии, они были отнесены к числу дипломатов [15, с. 3–4].

В целом, с учетом критериев Г. Белла понятия «дипломат» и «посол» фактически отождествляются. Отметим, что в XV в. общим правилом было направление в дипломатическую миссию несколько персон с равными полномочиями (оговоренных в установочных для миссии документах). Эта практика сошла на нет с дальнейшим развитием представлений о резидентном характере дипломатического представительства.

Достаточно часто в помощь послу придавались лица, сами бывшие в прошлом послами или же влиятельные и значимые по своему положению, но не наделенные ран-

гом посла. Основным критерием для включения лица в базу данных являлось упоминание его имени в комиссии – доверенности либо верительной грамоте. Так, во время посольства Т. Уолси к французскому двору летом 1527 г. свита кардинала включала К. Тунсталла и Т. Мора. Они на протяжении своей карьеры выполняли дипломатические поручения, но в этом конкретном случае комиссию на ведение переговоров не получили и послами не являлись [15, с. 72 (№ F29); 19, с. 1449 (№ 3186)].

Принятая в базе данных классификация посольств и послов (специальные и резидентные) имеет корни в классической проблеме историографии дипломатии Нового времени – поиске истоков современной дипломатии. Ключевым критерием «современной» дипломатии конвенционально признается ее резидентный характер [20, с. 5–6; 21, с. 43; 22, с. 441]. С учетом этого мы разделили все посольства (и послов) на два типа.

Понятие «специальный посол» применяется в отношении лица, осуществлявшего миссию в течение короткого периода времени, обычно связанную с проведением переговоров или доставкой важного сообщения [15, с. 8]. К этой категории мы также отнесли лиц, направленных в качестве участников межгосударственных конгрессов. Резидентные послы отличаются от специальных тем, что направлялись не для выполнения конкретного поручения, а для постоянного представления своего суверена при том или ином дворе (или правительстве). Срок их пребывания был неопределенным и в некоторых случаях достигал нескольких лет.

Уместно привести определение резидентного посла, высказанное итальянским ученым В. Иларди: «Непрерывный пост или должность, которые время от времени могли оставаться вакантными, особенно в периоды кризиса, но с ожидаемым заполнением вакансии при возобновлении нормальных отношений» [23, с. 2]. Поскольку Иларди предложил достаточно легко формализуемый критерий резидентного дипломатического представительства, мы руководствовались им в своем исследовании.

Также оговорим, что используемое нами определение «резидентный» представляет собой кальку с английского слова *resident*. В сравнении с русским словом «посто-

янный» этот вариант представляется более удобным для терминообразования, поскольку позволяет при использовании избежать смешения разных семантических понятий.

Второй этап построения просопографического корпуса

Просопографический корпус (сводная база данных) английских дипломатов 1485–1558 гг. составлен нами на основе предыдущих исследований: либо наших собственных [24], либо других авторов. Эти исследования послужили так называемыми исходными базами данных. При сведении вместе составленной нами базы данных дипломатов Генриха VII с материалами Л. Мак-Махона и Г. Белла многие профили оказались объединены. Образовавшийся в результате просопографический корпус включает 218 индивидуальных профилей дипломатов.

Каждая из использованных нами исходных баз данных была построена на собственных принципах, работа с каждой из них отличалась своими особенностями, велась в определенном ключе, специфичным по отношению к другим исходным базам образом. При построении просопографического корпуса мы также опирались на несколько основных постулатов, позволяющих сохранять последовательность и логичность в процессе работы.

Главный из них – иерархия авторитетов при работе с исходными базами данных. При включении в сводную базу данных дипломатов Генриха VII по умолчанию мы следовали нашим собственным данным, Генриха VIII – данным Л. Мак-Махона, Эдуарда VI и Марии I – данным Г. Белла. В указанных случаях работы названных исследователей являлись основным источником для подбора материала, относящегося к правлению того или иного монарха.

Необходимость определить иерархию авторитетов связана с существующими расхождениями между содержащейся в разных исходных базах данных информацией. Будучи составлены в разное время и с привлечением разных источников, они содержат отличающиеся перечни дипломатов одного и того же периода, по-разному классифицируют дипломатические миссии, определяют срок их длительности и т. д. Для того, чтобы избежать влияющей на последующий

анализ данных многозначности, все расхождения между информацией соответствующих источников разрешались порядком установленной их иерархии.

При этом наше собственное исследование может условно рассматриваться как имеющее высший иерархический ранг. Это связано с тем, что во множестве случаев мы дополняли, корректировали или иным образом изменяли информацию, взятую из предшествующих трудов. База данных Мак-Махона, по сути, являлась для нас основной, послужив фундаментом для заполнения 114 позиций из 218 персональных профилей сводной базы данных. При этом нам пришлось внести собственные правки технического или даже содержательного характера. Безусловно, были исправлены явные опечатки в передаче имен собственных. Наконец, в отдельных случаях были уточнены факты, имеющие отношение к дипломатической карьере того или иного лица. Подобные корректировки осуществлялись и в отношении информации, заимствованной из книги Г. Белла.

Очевидным отличием исходных баз данных от составленного нами корпуса является заведомая их неполнота: ни один из названных источников не охватывает полностью очерченный в итоговой базе данных хронологический период.

Содержащиеся в исходных базах данных сведения были сверены, при необходимости – исправлены, а также дополнены с привлечением данных источников и исследований. Основным источником биографических сведений английских дипломатов, необходимых для заполнения граф раздела персональных данных, послужил «Оксфордский словарь национальных биографий» (OxDNB) [25]. По остроумному замечанию К. Китс-Рохан, первое издание этого словаря само по себе представляет собой блестящий пример просопографического исследования [26, с. 142]. По мере необходимости мы привлекали данные из других специализированных словарей, но во всех спорных случаях отдавали приоритет OxDNB.

Необходимость более глубокой проработки персональных профилей потребовала обращения к историческим источникам. В первую очередь это были многотомные издания, осуществленные Public Record Office, содержащие дипломатическую пере-

писку и иные государственные документы, а также материалы Национальных архивов Великобритании. Также при необходимости мы привлекали данные из исследований соответствующей тематики.

При составлении сводной базы нами соблюдались все основные принципы работы с просопографическим материалом и базами данных: аккуратное внесение записей; внесение максимального числа данных; обязательная фиксация источника происхождения данных (по крайней мере, через ссылку на исходную базу данных); разделение материала, который взят из источника, и того, который стал результатом вторичного анализа; постоянное осознание опасности объединения информации о двух индивидах в записи об одном и, напротив, внесения информации об одном лице в две разные записи; разделение данных на две записи при малейших затруднениях в отождествлении личности [8, с. 136–137].

Основным содержанием второго этапа просопографического исследования было внесение данных лиц – тюдоровских дипломатов – в сводную базу данных. Отводимое на каждое такое лицо в базе данных место мы условно называем персональным профилем; профили располагаются в алфавитном порядке. Таким образом, в основу базы данных положен персональный принцип. Каждый профиль включает одного человека, сколько бы раз он ни был направлен в дипломатические миссии. Так, хотя в одной специальной дипломатической миссии могло участвовать несколько послов, в базе данных эта миссия отмечалась для каждого ее участника.

Каждый профиль базы данных представляет собой своего рода досье, содержащее сведения, касающиеся персональных данных, карьерных предпосылок, государственной и церковной карьеры, уточняющих и количественных данных о выполненных дипломатических миссиях, а также направления миссий и дополнительную информацию. Каждый из обозначенных разделов представляет собой совокупность граф (от 2 до 15), содержащих, как правило, числовую либо закодированную информацию о дипломате. Принципы рубрикации просопографической базы данных были обоснованы нами в [27, с. 84].

Большое значение в просопографических исследованиях придается точности и единообразию, что особенно важно ввиду того, что сводная база данных содержит максимально формализованную информацию по референтной группе. Для соблюдения точности и единообразия мы установили ряд норм, которые носят вспомогательный или технический характер. В частности, при передаче имен собственных иностранцев на службе английской короне мы следовали следующему правилу: передавать фамилию на языке происхождения.

Некоторую трудность вызывает повторяемость имен в базе данных, как правило, хотя и не всегда, связанная с родственными отношениями. Во всех спорных случаях правильная идентификация участников дипломатических миссий облегчается присвоением всем профилям неповторяющегося персонального номера. Самый характерный пример – повторение сразу имени и фамилии – дают два представителя семьи Ховардов: 2-й и 3-й герцоги Норфолки, отец и сын (Thomas Howard). Дополнительным маркером для их идентификации служит указание в скобках порядкового номера герцогского достоинства, достигнутого его обладателем.

Самый большой по числу граф раздел сводной базы данных содержит информацию о направлениях дипломатических миссий. При его заполнении мы исходили из признания династического характера внешней политики и дипломатических сношений Нового времени, когда «договоры заключались не между государствами, а между правителями или, если более точно, между частными лицами и корпоративными структурами» [28, с. 343]. С учетом этого направление миссии мы понимаем не в топографическом, а в политическом смысле – как место пребывания монарха. Очевидно, что для республик эта оговорка бессмысленна. Она имеет значение прежде всего при анализе сношений английского короля с императором, который (особенно в случае с Карлом V, 1519–56 гг.) мог находиться на территории Испании, Нидерландов, Италии или где-либо еще, включая даже армейский лагерь. Поэтому в графе «Направления дипломатической миссии “Император”» всегда учитывалось прибытие посла к географическому месту пребывания главы Священной

Римской империи. То же справедливо и для прочих монархов.

В отдельных случаях резидентный посол на протяжении срока своего пребывания по месту аккредитации одновременно исполнял одну или даже несколько специальных миссий в других странах. Самый яркий пример дает биография Кристофера Монта, который одновременно с пребыванием при баварском дворе (1534–47 гг.) 6 раз исполнял дипломатические миссии во Франции, Саксонии и некоторых других германских княжествах. В этом и всех других подобных случаях мы подсчитывали резидентные и специальные миссии отдельно, разделяя в этом случае подход Л. Мак-Махона.

Иногда в ходе исполнения специальной миссии посол посещал не один, а несколько дворов (правительств). Как правило это происходило в регионах, отличавшихся политической раздробленностью (Германия, Италия). В таких случаях в базе данных при подсчете эти случаи всегда учитывались как одна специальная миссия; в графе «Направления дипломатической миссии» учитывалась основная точка, в которую направлялся посол согласно инструкции.

Следует также понимать, что представленная в базе данных информация о соотнесенности посольских миссий с правлением того или иного английского монарха формализована. Критерием отнесения к правлению монарха той или иной дипломатической миссии была дата ее начала. Случаи, когда миссия, будь то резидентная либо специальная, продолжалась при новом монархе в базе данных не учитывались. Отметим также, что подготовка миссии могла вестись при одном короле, а дата ее начала попадала на правление другого монарха.

Полагаем, что уже простое сведение вместе «воспросников» из различных предыдущих исследований позволяет достичь кумулятивного эффекта, объединив достижения предшественников. С другой стороны, некоторые блоки информации, содержащиеся в исходных базах данных, были нами опущены. В частности, для поставленной нами цели неважным является выяснение точных дат начала и окончания миссий

(исключая указанный выше случай), уточнение которых занимает значимое место в работах Г. Белла и Л. Мак-Махона. С другой стороны, по сравнению с предшествующими исследованиями сводная база данных содержит дополнительные графы, позволяющие формализовать дополнительную значимую информацию о тюдоровских послахах.

Заключение

Основной результат проведенной нами работы представляет собой коллективную биографию, составленную с использованием метода просопографии. Для конца XV – первой половины XVI в. (правления Генриха VII, Генриха VIII, Эдуарда VI и Марии I, с 22.08.1485 по 17.11.1558) нами было выявлено 218 человек, которых мы отнесли к дипломатическому корпусу. Это лица, служившие в качестве послов различного статуса: резидентных или специальных. Вероятно, этот список не является в полной мере исчерпывающим (особенно для конца XV в.) и, возможно, содержит определенные неточности. В то же время он отражает достигнутый к настоящему времени в историографии уровень исследований истории английской дипломатии и английского общества правления династии Тюдоров. Полагаем, что отдельные дополнения или уточнения не изменят общую картину.

Как было сказано выше, на последнем этапе просопографического исследования осуществляется анализ той информации, которая сведена в базу данных. Поскольку просопографический корпус представляет собой максимально формализованный источник информации, можно сказать, что на этом этапе происходит своего рода интерпретация – обратный перевод формализованных данных в расширенную, текстовую форму. Результаты этой работы будут представлять собой отдельное готовящееся нами обширное исследование.

Автор выражает благодарность профессору Университета Кента Дэвиду Поттеру за помощь в доступе к материалам OxDNB.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kershaw, I. *Biography and the Historian: Opportunities and Constraints* / I. Kershaw // *Biography: Between Structure and Agency: Central European Lives in International Historiography* ; ed.: V. R. Berghahn, S. Lässig. – New York ; Oxford : Berghahn Books, 2007. – P. 27–39.
2. Stone, L. *Prosopography* / L. Stone // *Historical Studies Today* / ed.: F. Gilbert, S. R. Graubard. – New York : W. W. Norton, 1972. – P. 107–140.
3. Mathisen, R. *Medieval Prosopography and Computers: Theoretical and Methodological Considerations* / R. Mathisen // *Medieval Prosopography*. – 1988. – Vol. 8, № 2. – P. 73–128.
4. Verboven, K. *A Short Manual to the Art of Prosopography* / K. Verboven, M. Carlier, J. Dumolyn // *Prosopography: Approaches and Applications. A Handbook* ; ed. by K. S. B. Keats-Rohan. – Oxford : Unit. of Oxford, 2007. – P. 35–69.
5. Stone, L. *Prosopography* / L. Stone // *Stone L. The Past and the Present*. – London : Routledge, 1981. – P. 45–73.
6. Bulst, N. *Prosopography and the Computer: Problems and Possibilities* / N. Bulst // *History and Computing* ; ed. by P. Denley. – Manchester : Manchester Univ. Press, 1989. – Vol. 2. – P. 12–18.
7. Смит, Д. *Просопография* / Д. Смит // *Оксфордское руководство по византистике* ; под ред. Э. Джеффриса, Дж. Хэлдона, Р. Кормака. – Харьков : Майдан, 2014. – Вып. 1. – С. 182–188.
8. Smythe, D. C. «A Winter Shade of Pale»: *Issues and Possibilities in Prosopography* / D. C. Smythe // *Prosopography Approaches and Applications: A Handbook* ; ed. by K. S. B. Keats-Rohan. – Oxford : Univ. of Oxford, 2007. – P. 127–137.
9. Keats-Rohan, K. S. B. *Historical Text Archives and Prosopography: The COEL Database System* / K. S. B. Keats-Rohan // *History and Computing*. – 1998. – Vol. 10. – P. 57–72.
10. Mathisen, R. W. *Where Are All the PDBs? The Creation of Prosopographical Databases for the Ancient and Medieval Worlds* / R. W. Mathisen // *Prosopography Approaches and Applications* ; ed. by K. S. B. Keats-Rohan. – Oxford : Univ. of Oxford, 2007. – P. 95–126.
11. Проскурякова, М. Е. *Просопографические базы данных как инструмент работы с массовыми источниками в современной историографии* / М. Е. Проскурякова // *Петерб. ист. журн.* – 2016. – № 3. – С. 190–198.
12. Beverley, T. *Venetian ambassadors 1454–94: An Italian Elite: PhD Thesis* / T. Beverley. – Warwick, 1999. – IX + 466 p.
13. Potter, D. *Diplomacy in the Mid-Sixteenth Century: England and France, 1536–1550 : PhD Thesis* / D. Potter. – Cambridge : Univ. of Cambridge, 1973. – 375 p.
14. Giry-Deloison, C. *Le personnel diplomatique au debut du XVIe siecle. L'exemple des relations franco-anglaises de l'avenement de Henry VII au camp du drap d'or (1485–1520)* / C. Giry-Deloison // *Journal des Savants*. – 1987. – № 3–4. – P. 205–253.
15. Bell, G. M. *A Handlist of British Diplomatic Representatives, 1509–1688* / G. M. Bell. – London : Offices of the Royal Historical Society, 1990. – 306 p.
16. MacMahon, L. *The Ambassadors of Henry VIII, the Personnel of English Diplomacy, c. 1500 – c. 1550 : PhD Theses* / L. MacMahon. – Canterbury, 1999. – 364 p.
17. Домнина, Е. Г. *Дипломатия в эпоху перемен. Тюдоры и римская курия (1485–1558 гг.)* / Е. Г. Домнина. – М. : Петроглиф, 2020. – 240 с.
18. Lazzarini, I. *Communication and Conflict: Italian Diplomacy in the Early Renaissance, 1350–1520* / I. Lazzarini. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2015. – 326 p.
19. *Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII. – 1509–1547* / ed. J. S. Brewer. – London : Longman and Co, 1872. – Vol. 4, part 2: 1526–1528. – P. 1057–2254.
20. Anderson, M. S. *Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919* / M. S. Anderson. – Harlow : Routledge, 1993. – 320 p.
21. Black, J. *History of Diplomacy* / J. Black. – London : Reaktion Books, 2010. – 312 p.
22. Sowerby, T. A. *Early Modern Diplomatic History* / T. A. Sowerby // *History Compass*. – 2016. – Vol. 14, № 9. – P. 441–456.
23. Iardi, V. *The First Permanent Embassy outside Italy: The Milanese Embassy at the French Court, 1464–1483* / V. Iardi // *Politics, Religion and Diplomacy in Early Modern Europe: Essays*

in Honour of De Lamar Jensen ; ed.: M. R. Thorp, A. J. Slavin. – Kirksville : Sixteenth Century Journal Publishers, 1994. – P. 1–18.

24. Мазарчук, Д. В. Методологические вопросы создания базы данных дипломатов Генриха VII / Д. В. Мазарчук // Подготовка научных кадров: опыт, проблемы, перспективы : материалы III Респ. науч.-практ. конф., Минск, 10 дек. 2021 г. ; под ред. М. Г. Жилинского. – Минск : ИВЦ Минфина, 2022. – С. 29–35.

25. Оксфордский словарь национальных биографий = Oxford Dictionary of National Biographies (OxDNB) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxforddnb.com/>.

26. Keats-Rohan, K. S. B. Biography, Identity and Names: The Pursuit of the Individual in Prosopography / K. S. B. Keats-Rohan // Prosopography Approaches and Applications ; ed. by K. S. B. Keats-Rohan. – Oxford : Univ. of Oxford, 2007. – P. 139–181.

27. Мазарчук, Д. В. Возможности и перспективы просопографического исследования английских дипломатов ранних и средних Тюдоров (1485–1558 гг.) / Д. В. Мазарчук // Подготовка научных кадров: опыт, проблемы, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6 дек. 2019 г. ; под ред. М. Г. Жилинского. – Минск : ИВЦ Минфина, 2020. – С. 82–85.

28. Тешке, Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Б. Тешке ; пер. с англ. Д. Кралечкина. – М. : Высш. шк. экономики, 2011. – 414 с.

REFERENCES

1. Kershaw, I. Biography and the Historian: Opportunities and Constraints / I. Kershaw // Biography: Between Structure and Agency: Central European Lives in International Historiography ; ed.: V. R. Berghahn, S. Lässig. – New York ; Oxford : Berghahn Books, 2007. – P. 27–39.

2. Stone, L. Prosopography / L. Stone // Historical Studies Today / ed.: F. Gilbert, S. R. Graubard. – New York : W. W. Norton, 1972. – P. 107–140.

3. Mathisen, R. Medieval Prosopography and Computers: Theoretical and Methodological Considerations / R. Mathisen // Medieval Prosopography. – 1988. – Vol. 8, № 2. – P. 73–128.

4. Verboven, K. A Short Manual to the Art of Prosopography / K. Verboven, M. Carlier, J. Dumolyn // Prosopography: Approaches and Applications. A Handbook ; ed. by K. S. B. Keats-Rohan. – Oxford : Unit. of Oxford, 2007. – P. 35–69.

5. Stone, L. Prosopography / L. Stone // Stone L. The Past and the Present. – London : Routledge, 1981. – P. 45–73.

6. Bulst, N. Prosopography and the Computer: Problems and Possibilities / N. Bulst // History and Computing ; ed. by P. Denley. – Manchester : Manchester Univ. Press, 1989. – Vol. 2. – P. 12–18.

7. Smit, D. Prosopografija / D. Smit // Oksfordskoje rukovodstvo po vizantinistiki ; pod ried. E. Dzheffrisa, Dzh. Kheldona, R. Kormaka. – Khar'kov : Majdan, 2014. – Vyp. 1. – S. 182–188.

8. Smythe, D. C. «A Winter Shade of Pale»: Issues and Possibilities in Prosopography / D. C. Smythe // Prosopography Approaches and Applications: A Handbook ; ed. by K. S. B. Keats-Rohan. – Oxford : Univ. of Oxford, 2007. – P. 127–137.

9. Keats-Rohan, K. S. B. Historical Text Archives and Prosopography: The COEL Database System / K. S. B. Keats-Rohan // History and Computing. – 1998. – Vol. 10. – P. 57–72.

10. Mathisen, R. W. Where Are All the PDBs? The Creation of Prosopographical Databases for the Ancient and Medieval Worlds / R. W. Mathisen // Prosopography Approaches and Applications ; ed. by K. S. B. Keats-Rohan. – Oxford : Univ. of Oxford, 2007. – P. 95–126.

11. Proskuriakova, M. Ye. Prosopograficheskiye bazy dannykh kak instrument raboty s massovymi istochnikami v sovremennoy istoriografii / M. Ye. Proskuriakova // Pietierb. ist. zhurn. – 2016. – № 3. – S. 190–198.

12. Beverley, T. Venetian ambassadors 1454–94: An Italian Elite: PhD Thesis / T. Beverley. – Warwick, 1999. – IX + 466 p.

13. Potter, D. Diplomacy in the Mid-Sixteenth Century: England and France, 1536–1550 : PhD Thesis / D. Potter. – Cambridge : Univ. of Cambridge, 1973. – 375 p.

14. Giry-Deloison, C. Le personnel diplomatique au debut du XVIe siecle. L'exemple des relations franco-anglaises de l'avenement de Henry VII au camp du drap d'or (1485–1520) / C. Giry-Deloison // Journal des Savants. – 1987. – № 3–4. – P. 205–253.

15. Bell, G. M. A Handlist of British Diplomatic Representatives, 1509–1688 / G. M. Bell. – London : Offices of the Royal Historical Society, 1990. – 306 p.
16. MacMahon, L. The Ambassadors of Henry VIII, the Personnel of English Diplomacy, c. 1500 – c. 1550 : PhD Theses / L. MacMahon. – Canterbury, 1999. – 364 p.
17. Domnina, Ye. G. Diplomatiya v epokhu pieriemien. Tiudory i rimskaja kurija (1485–1558 gg.) / Ye. G. Domnina. – M. : Pietroglif, 2020. – 240 s.
18. Lazzarini, I. Communication and Conflict: Italian Diplomacy in the Early Renaissance, 1350–1520 / I. Lazzarini. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2015. – 326 p.
19. Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII. – 1509–1547 / ed. J. S. Brewer. – London : Longman and Co, 1872. – Vol. 4, part 2: 1526–1528. – P. 1057–2254.
20. Anderson, M. S. Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919 / M. S. Anderson. – Harlow : Routledge, 1993. – 320 p.
21. Black, J. History of Diplomacy / J. Black. – London : Reaktion Books, 2010. – 312 p.
22. Sowerby, T. A. Early Modern Diplomatic History / T. A. Sowerby // History Compass. – 2016. – Vol. 14, № 9. – P. 441–456.
23. Ilardi, V. The First Permanent Embassy outside Italy: The Milanese Embassy at the French Court, 1464–1483 / V. Ilardi // Politics, Religion and Diplomacy in Early Modern Europe: Essays in Honour of De Lamar Jensen ; ed.: M. R. Thorp, A. J. Slavin. – Kirksville : Sixteenth Century Journal Publishers, 1994. – P. 1–18.
25. Mazarchuk, D. V. Mietodologichieskije voprosy sozdaniya bazy dannyykh diplomatov Gienrikha VII / D. V. Mazarchuk // Podgotovka nauchnykh kadrov: opyt, probliemy, pierspiektivy : materialy III Riesp. nauch.-prakt. konf., Minsk, 10 diek. 2021 g. ; pod ried. M. G. Zhilinskogo. – Minsk : IVTS Minfina, 2022. – S. 29–35.
26. Keats-Rohan, K. S. B. Biography, Identity and Names: The Pursuit of the Individual in Prosopography / K. S. B. Keats-Rohan // Prosopography Approaches and Applications ; ed. by K. S. B. Keats-Rohan. – Oxford : Univ. of Oxford, 2007. – P. 139–181.
27. Mazarchuk, D. V. Vozmozhnosti i pierspiektivy prosopografichieskogo issliedovaniya anglijskikh diplomatov rannikh i sriednikh Tiudorov (1485–1558 gg.) / D. V. Mazarchuk // Podgotovka nauchnykh kadrov: opyt, probliemy, pierspiektivy : materialy Miezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 6 diek. 2019 g. ; pod ried. M. G. Zhilinskogo. – Minsk : IVTS Minfina, 2020. – S. 82–85.
28. Tieshkie, B. Mif o 1648 godie: klass, gieopolitika i sozdaniye sovriemiennykh miezhdunarodnykh otnoshenij / B. Tieshkie ; pier. s angl. D. Kraliechkina. – M. : Vyssh. shk. ekonomiki, 2011. – 414 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 11.05.2022

УДК 94(746) «1921/1939»

Алена Мікалаеўна Абухава¹, Ганна Станіславаўна Касяноўская²

¹канд. гіст. навук, дац.,

дац. каф. гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін
Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы

²канд. гіст. навук, дац. каф. сацыялогіі і спецыяльных сацыялагічных дысцыплін
Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы

Elena Abukhava¹, Hanna Kasyanouskya²

¹PhD in History, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of History of Belarus, Archeology and Special Historical Sciences
of the Yanka Kupala State University of Grodno

²PhD in History, Associate Professor of the Department of Sociology and Special Sociological Sciences
of the Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail: ¹obuhova_en@grsu.by; ²Vojtexhik_AS@grsu.by

ГАСПАДАРЧАЕ І РЭКРЭАЦЫЙНАЕ ВЫКАРЫСТАННЕ КАНАЛА АГІНСКАГА Ў 1921–1939 ГГ.

Канал Агінскага быў адноўлены польскімі ўладамі ў 1923–1927 гг. пасля амаль поўнага разбурэння ў выніку баявых дзеянняў Першай сусветнай вайны. Асноўнымі мэтамі аднаўлення гэтага воднага шляху Заходняй Беларусі было яго выкарыстанне для сплаву лесу з ваколіц канала ў Піну і Шчару і далей на заходнія рынкі. Таксама канал Агінскага ў міжваенны час выкарыстоўваўся для перавозкі грузаў і пасажыраў у паўночныя рэгіёны Палескага ваяводства. У другой палове 1930-х гг. канал Агінскага стаў часткай водных турыстычных маршрутаў, злучаючы басейны Піны і Нёмана. Перамяшчэнне турыстаў у зоне канала Агінскага было досыць няпростым з-за ўплыву фізіка-геаграфічных умоў і праблем з абслугоўваннем канала пасля Целяхан.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь, водныя шляхі зносін, водны транспарт, каналы, водны турызм.

Economical and Recreational Using of the Oginski Canal in 1921–1939

The Oginski Canal was rebuilt by the Polish authorities in 1923–1927 after almost complete destruction during the First World War. The main purpose of the restoration of this waterway in Western Belarus was to use it for wood rafting to Pina and Shchara and further to the western markets. The Oginski Canal was also used in the interwar period to transport goods and passengers to the northern regions of Polesie Voivodeship. In the second half of the 1930s the Oginski Canal became part of the water tourist routes connecting the Pina and Neman basins, the movement of tourists in the Oginski Canal area was quite difficult due to the influence of physical and geographical conditions and problems with the maintenance of the canal after Teliakhany.

Key words: Western Belarus, waterways, water transport, canals, water tourism.

Уводзіны

Адной з малавывучаных тэм міжваеннай гісторыі Заходняй Беларусі з’яўляецца развіццё транспартнай сістэмы рэгіёна. Месца воднага транспарту ў пасажырскіх і грузавых перавозках Заходняй Беларусі 1930-х гг. было разгледжана ў публікацыях А. К. Гецэвіча [1; 2]. Сярод водных шляхоў Заходняй Беларусі ў міжваенны час важнае месца займалі такія каналы, як Аўгустоўскі, Каралеўскі (Днепра-Бугскі) і Агінскага. Найперш яны звязвалі рэкі рэгіёна з басейнам Віслы, даючы магчымасць перавозіць грузы ў межах Польшчы і на знешнія рынкі.

У артыкуле разгледжаны аднаўленне і функцыянаванне канала Агінскага ў 1921–

1939 гг., асабліваці яго выкарыстання ў гаспадарчых і рэкрэацыйных мэтах, дадзена ацэнка месца канала Агінскага ў гаспадарчым жыцці ўсходніх ваяводстваў Польшчы.

Асноўная частка

Канал Агінскага, пабудаваны яшчэ ў 1765–1768 гг. па ініцыятыве віленскага ваяводы Міхаіла Казіміра Агінскага, злучыў прытокі Нёмана і Прыпяці – Шчару і Ясельду адпаведна – і такім чынам зрабіў мажлівым сплаў дрэва як у порты Чорнага мора, так і Балтыйскага мора [3, s. 3]. Ён быў адным з пяці судаходных каналаў, што месціліся на тэрыторыі Рэчы Паспалітай, з якіх чатыры былі (цалкам ці часткова) на тэры-

торы сучаснай Беларусі [4, s. 425]. Перад Першай сусветнай вайной рух тавараў праз канал Агінскага (з Клайпеды на Прыпяць) быў досыць ажыўлены ў двух кірунках і дасягаў 50 000 т (найперш, гаворка ідзе пра сплаў лесу) [4, s. 429].

Канал Агінскага моцна пацярпеў у гады Першай сусветнай вайны [5, s. 640]. Службовыя і гаспадарчыя будынкi пры шлюзах і мастах, а таксама будынак кіраўніцтва канала ў Целяханах былі спалены. Самі шлюзы, а таксама дапаможныя гідратэхнічныя аб'екты канала былі ці спалены, ці ўзарваны. Правы бераг канала стаў лінійай абароны нямецкай арміі, там былі пабудаваны жалезабетонныя доты, акопы для стральбы. Вада з канала была спушчана на прылеглыя тэрыторыі, агароджа на левым беразе разбурана, каб не замінаць стральбе з дотаў на правым беразе. У самім канале пасля знікнення з яго вады нямецкімі ваеннымі былі зроблены перашкоды з калючага дроту. Дадатковы канал на правым беразе, дзе былі нямецкія пазіцыі, быў засыпаны. Як вынік, у 1918 г. канал выглядаў не як судходны водны шлях, а як роў, зарослы хмызняком і заплечены калючым дротам [3, s. 4].

Польскі ўрад ад пачатку ўсталявання ўласнай дзяржавы шмат высілкаў аддаваў на прывядзенне водных дарог ва ўсходніх ваяводствах краіны ў прыдатны для карыстання стан. Створанае ў 1919 г. Міністэрства грамадскіх работ імкнулася аднавіць водныя шляхі і іх інфраструктуру да перадваеннага стану [4, s. 429]. У 1921 г. была скончана адбудова двойчы знішчанага падчас Першай сусветнай вайны канала Каралеўскага (Днепра-Бугскага). У 1922 г. былі скончаны работы на Аўгустоўскім канале, рух па якім не спыняўся ў гады Першай сусветнай вайны, і пачалася рэканструкцыя цалкам разбуранага Агінскага канала, якая цягнулася 4 гады: з 1923 па 1927 [3, s. 4]. Было пабудавана 10 шлюзаў, канал быў ачышчаны ад завалаў і баявых умацаванняў, адноўлены адсутныя водаадводныя каналы. Усе працы былі завершаны на працягу чатырох гадоў, нягледзячы на вельмі складаныя (як тэхнічныя, так і фінансавыя) умовы і пытанні бяспекі. Таксама была ўмацавана прыстань і месца зімоўкі транспарту ў Пінску, пабудаваны месцы зімоўкі баркаў у Гродне і Пултуску [5, s. 642]. Аднаўленчыя працы праводзіліся таксама ў найбольш

значных партах на Агінскім канале і рацэ Шчыры – Целеханах і Слоніме, дзе былі ўзведзены металічныя масты: у першым выпадку – развадны для пропуску параходаў, у другім – чыгуначны [6]. Праз канал былі перакінутыя і драўляныя развадныя масты: каля вёсак Выганошчы, Вулька і мястэчка Целяханы. Неразвадным быў толькі чыгуначны мост для вузкакалейнай дарогі ў Целяханах [3, s. 16–17]. Нарэшце, цэлая серыя рачных участкаў Шчыры, Ясельды, Прыпяці, Стыры, Гарыні, Піны, Нёмана і Віліі была ачышчана ад перашкод для судходства ў выглядзе рэшткаў ваенных мастоў, меляў, зараснікаў і г. д. Такім чынам, сетка водных шляхоў у Заходняй Беларусі стала цалкам прыдатнай для выкарыстання ў гаспадарчых мэтах [5, s. 642].

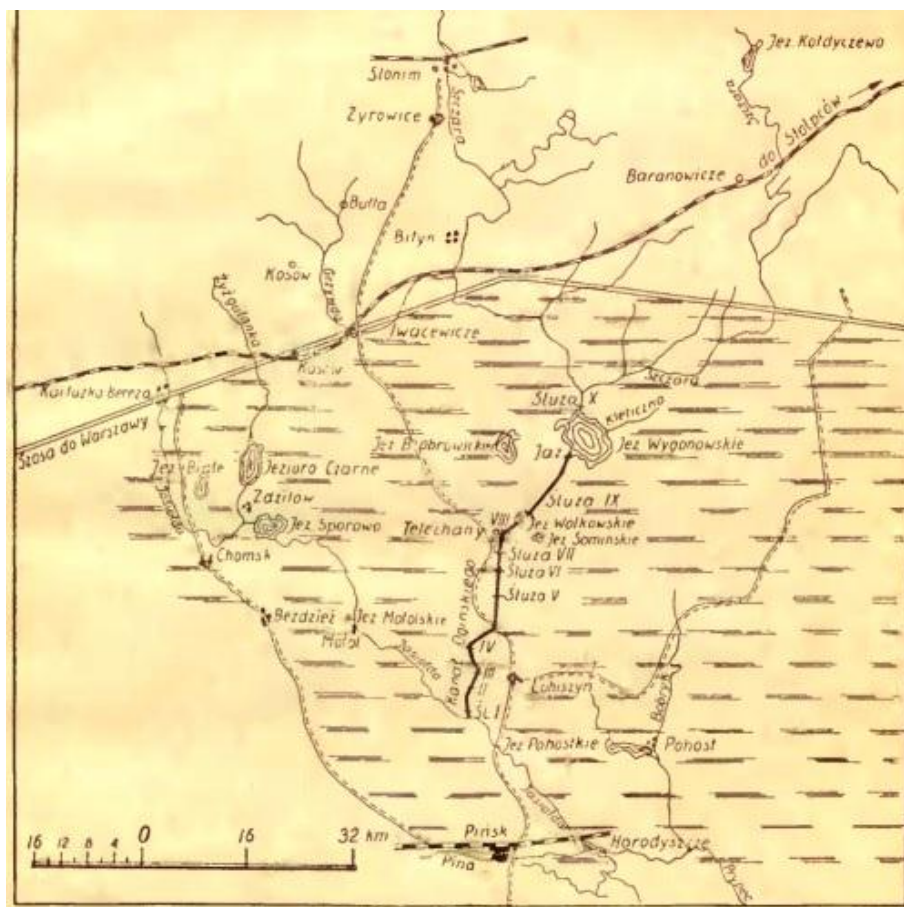
Урачыстае адкрыццё каналу Агінскага для судходства адбылося 9 ліпеня 1927 г. у прысутнасці вялікай колькасці людзей і міністра грамадскіх работ Е. Марацэўскага [3, s. 4]. Пасля афіцыйнага адкрыцця навігацыі па канале развіццё інфраструктуры канала не спынілася: у 1928 г. былі пабудаваны гаспадарчыя будынкi каля шлюзаў, таксама вяліся работы па паглыбленні русла, у выніку якіх глыбіня канала дасягнула аднаго метра.

Даўжыня канала Агінскага ад Ясельды да Шчыры складала 53,95 км (з улікам азёр Ваўкавыскага і Выганашчанскага, праз якія праходзіў шлях). Вада ў канал паступала з возера Выганашчанскага, якое размяшчалася на вадападзеле паміж басейнамі Чорнага і Балтыйскага мора. Дзевяць шлюзаў месціліся на адрэзку ад Ясельды да Выганашчанскага возера, у выніку караблі і плыты падымаліся на 17 метраў над узроўнем Ясельды і пры дапамозе аднаго шлюза пасля дадзенага возера спускаліся на адзін метр да ўзроўню ракі Шчыры. Шлюзы на канале былі адна-камерныя, драўляныя, мелі даўжыню 53 м і глыбіню 4 м. Вароты ў шлюзах таксама былі драўлянымі [3, s. 4–5].

Шчырыня канала складала каля 18 м, а на адрэзку ад шлюза нумар 9 да возера Выганоўскага – каля 12 м. Для рэгуляцыі ўзроўню вады ў канале былі пабудаваны абвадныя дапаможныя каналы, куды можна было спускаць ваду з асноўнага русла. Правы дапаможны канал цягнуўся ад Целяхан да Ясельды і меў даўжыню 29,8 км, левы пачынаўся паміж шлюзамі 6 і 7 і таксама

даходзіў да Ясельды [3, s. 7]. З кожнага боку канала цягнулася паласа каля 25 м шырынёй, прызначаная для людзей ці коней, што буксіравалі баржы. Таксама зімой там рабілі склады драўніны, якую збіраліся сплаўляць па канале летам. На канале было два прыстанкі: Целяханы і Агінскіх [2, с. 140].

Па інфармацыі Е. Вьндзінскага, судходства па канале пачалося ўжо восенню 1927 г. [3, s. 4]. На малюнку паказана траса канала Агінскага, дзе даецца прыкладнае размяшчэнне ўсіх шлюзаў і плацін канала, рачная сетка гэтай часткі Заходняй Беларусі, а таксама размяшчэнне канала адносна чыгуначных і шасейных дарог [3, s. 5].

Малюнак. – План канала Агінскага (аўтар – Е. Вьндзінскі)

Заканадаўства, што рэгулявала судходства па рэках і азёрах Польшчы, уключала ў сябе наступныя прававыя акты: Водны кодэкс ад 19.09.1922 г., распараджэнне Прэзідэнта Польшчы аб судходстве і сплаве ад 06.03.1928 г., распараджэнне міністра камунікацый ад 23.03.1934 г. аб рэгуляванні судходства і сплаву па водных шляхах [4, s. 440].

Канал Агінскага ўваходзіў разам з Каралеўскім каналам, Прыпяццю і прытокамі ў Пінскі водны вузел, працягласць судходных водных шляхоў якога складала 790 км. Усяго ў міжваеннай Польшчы па стане на 1939 г. судходнымі былі 6 267 км водных шляхоў [4, s. 433].

Па меркаванні М. Рыбчынскага, судходнасць Прыпяці можна было ацаніць у 200 т, не нашмат менш яна была і ў нізоўях Стыры і Гарыні, дзе пасажырскі і грузавы рух быў даволі ажыўлены [5, s. 641]. Прыпяць разглядалася як добры судходны шлях, але Буг, з якім яна была звязана Каралеўскім каналам, быў нават па стане на 1939 г. непрыдатны для судходства, таму тавары і пасажыры з Палесся не маглі водным шляхам трапіць да Віслы – асноўнай судходнай артэрыі міжваеннай Польшчы [4, s. 435].

У 1921–1930 гг. на Пінскім водным вузеле перавозілі 33 000 чалавек штогод, у

1932 г. паток пасажыраў знізіўся да 21 000, аднак у 1936 г. ён дасягнуў 106 300 чалавек.

Трэба адзначыць, што 70 % ад агульнай колькасці грузаў і пасажыраў, якія перавозіліся ў міжваеннай Польшчы водным транспартам, перамяшчаліся па Вісла, а доля Нёмана і іншых водных шляхоў усходніх ваяводстваў не перавышала 1 % ад агульнага аб'ёму водных перавозак [4, s. 438].

Рэкі і каналы Заходняй Беларусі актыўна выкарыстоўваліся ў міжваенны перыяд для транзіту лесу. Аб'ёмы сплаву моцна залежалі ад кан'юнктуры рынку. Так, па Прыпяці з прытокамі сплаўлялі ад 150 т бяровенняў у год у 1934 г. да 88 т у 1936 г. Для сплаву лесу выкарыстоўвалі ўсе тры

каналы (Каралеўскі, Аўгустоўскі і Агінскага) [2, с. 138, 140]. Яшчэ ў 1924 г. польскі ўрад перадаў англійскаму акцыянернаму таварыству права вырубкі лесу ў Белавежскай пушчы, на Гродзеншчыне і Слонімшчыне тэрмінам на 10 гадоў, а таксама здаў у арэнду лесапільныя заводы, за што атрымаў 2,5–3 млн фунтаў стэрлінгаў штогод. Пры гэтым англічане мелі права вырубачь да 720 тыс. м³ лесу ў год [6]. Вырублены лес было зручна перавозіць праз канал Агінскага, які пачаў выкарыстоўвацца для гэтых мэтай яшчэ да пачатку завяршэння аднаўленчых работ – у 1923–1926 гг. З 1927 г. па ім таксама пачалі перавозіць дровы, грузы і пасажыраў (табліца) [3, s. 29].

Табліца. – Гаспадарчае выкарыстанне канала Агінскага ў 1923–1929 гг.

Год	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929
Сплаў лесу, м ³	5 700	5 000	5 800	9 000	6 000	17 400	24 800
Перавозка дроў, т	–	–	–	–	96	385	2731
Перавозка пасажыраў, чалавек	–	–	–	–	100	600	788

Сярод грузаў, што перавозілі па канале, вызначаўся калючы дрот – яго ў 1929 г. перавезлі 645 т, гэта ў шмат разоў перавышала колькасць іншых тавараў: жалеза, цукру, збожжа, нафты, паперы і інш.

Ужо летам 1927 г., калі па канале Агінскага пачалася навігацыя, па ім перавозілі дровы на двух драўляных барках (з Целяхан да Ясельды) [3, s. 27]. Акрамя таго, па канале ў жніўні і верасні 1927 г. (2 разы ў месяц) і адзін раз у кастрычніку курсіравала барка, у якой перавозілі грузы ад Пінска да Целяхан і назад. Яе буксіравалі людзі, што ішлі па беразе, не толькі падчас праходжання па канале, але па рэчцы Ясельда [3, s. 30]. Пасажыры мелі мажлівасць даплыць да Целяхан з Пінска на невялікім (асадка да 50 см) параходзе «Секунда», які зрабіў у жніўні 1927 г. сем рэйсаў. У 1928 г. да «Секунды» дабавіліся параходы «Ладны» і «Арол». Навігацыя параходаў па канале была найбольш актыўнай з мая па жнівень. Ужо ў верасні параходы не маглі прайсці праз першы шлюз з-за зніжэння ўзроўню вады ў Ясельдзе. У 1929 г. акрамя драўляных барак па канале Агінскага курсіравалі параходы «Секунда», «Ладны» і «Вільня». Дзве вялікія баркі перавозілі дрэва, трэцяя барка і параходы – пасажыраў і тавары з Пінска да Целяхан. Згодна з прыведзенай Е. Вядзінскай інфармацыяй, «Ладны» і «Вільня»

летам 1928 г. зрабілі адпаведна 1 і 5 рэйсаў да Целяхан з Пінска і назад, «Секунда» ж – 44 рэйсы [3, s. 28]. Усе пералічаныя вышэй караблі былі прыватнымі. Аднак па канале Агінскага зрэдку хадзілі і дзяржаўныя маторкі «Кошарэк» «Галяруў» і інш.

Зімой навігацыі па канале Агінскага не было. Параходы і баркі, што курсіравалі з Пінска да Целяхан, становіліся на зімоўку ў Пінску, а тыя баркі, што выкарыстоўваліся пераважна на канале, зімавалі на ім жа каля шлюзаў.

Плыты з бяровенняў плылі па канале доўга. Па словах плытагонаў, якія перадаў падарожнік А. Шмук, ад Целяхан да Пінска яны праходзілі аж за 8 дзён. Прычынамі былі стаячая вада канала, слабае цячэнне Ясельды і далейшы сплаў супраць цячэння Піны. Шмат часу забірала шлюзаванне доўгіх звязак дрэва, якія перад шлюзамі дзялілі на больш кароткія кавалкі, а потым зноў збіралі ў доўгія плыты [6, s. 34].

З плытагонаў бралі грошы за сплаў па канале: за кожныя 10 м плыта, што праплыў 10 км, кіраўніцтва водных шляхоў у Целяханах брала 3 грошы і па 1 злотаму за шлюзаванне такой колькасці бяровення, што змяшчалася ў шлюз. Як вынік, 1 плыт дрэва пры сплаве па ўсіх 10 шлюзах каштаваў прыкладна 41 злоты [6]. Ваенныя караблі ад платы за шлюзаванне вызваліліся. Усяго

даходы дзяржавы ад аплаты сплаву, шлюзавання, дазволаў на рыбалоўства на канале складалі ў 1927 г. 5 240 злотых, у 1928 г. – 26 650 злотых, у 1929 г. – 24 740 злотых адпаведна [3, с. 36].

Такім чынам, канал прыносіў польскаму ўраду значныя даходы, якія ішлі з аплаты плытоў. Гэтая карціна азмрочылася ў час эканамічнага крызісу 1929 г., вынікам якога стала амаль поўнае спыненне сплаву лесу па канале, паступова адноўленага ў 1930-х гг. [6].

Пасажырскі маршрут Пінск – Целяханы – Пінск, які праходзіў праз рэкі Піна, Ясельда і канал Агінскага, працягваў дзейнічаць, хаця падарожнікі былі ў дарозе ад 9 да 11 гадзін па розных звестках [7, с. XLII; 8, с. 55]. Падарожнікі плылі 15 км па Піне, 39 па Ясельдзе і 29 км па канале Агінскага, усяго 83 км. Е. Вьндзіньскі слухна адзначыў, што для пасажыраў лепш было абіраць аўтобусны маршрут Пінск – Целяханы, рух па якім займаў усяго тры гадзіны, а адлегласць складала 55 км [3, с. 29]. Такі марудны рух па водным шляху да Целяхан быў абумоўлены тым, што параходам нельга было развіваць на канале хуткасць больш за 7 км у гадзіну, каб не падымаць хвалі, якія размывалі берагі канала [3, с. 30]. Таксама час займала шлюзаванне і чаканне сваёй чаргі да шлюза.

У Заходняй Беларусі міжваеннага часу адным з самых масавых відаў турызму быў водны (асабліва сплавы на байдарках), сапраўдны росквіт якога прыйшоўся на другую палову 1930-х гг. [8, с. 54]. Маршруты байдарачнікаў пралягалі і праз канал Агінскага. У 1933 г. у канцы чэрвеня з нагоды 150-годдзя функцыянавання канала Агінскага, 300-годдзя смерці гетмана Льва Сапегі, 400-годдзя атрымання Слонімам магдэбургскага права прадстаўнікі Польскага краязнаўчага таварыства і мясцовых клубаў аматараў грэблі вырашылі арганізаваць сплаў «Шляхам Сапегі і Агінскага». Маршрут павінен быў пачацца ў Пінску і скончыцца ў Аўгустове, прайсці па каналах Агінскага і Аўгустоўскім. Удзельнікі сплаву збіраліся трапіць на ўрачыстасці ў Слоніме (у гонар Сапегі) і ў Гродне (у гонар Стэфана Баторыя). Для арганізацыі сплаву быў створаны Міжклубны арганізацыйны камітэт, які абавязаўся падрыхтаваць на трасе каля 20 месцаў для начлегу ўдзельні-

каў. У час знаходжання ў Слоніме мясцовым аддзелам Польскага краязнаўчага таварыства планаваліся кароткія паездкі ўдзельнікаў сплаву ў яго ваколіцах: у Жыровічах, Быцені, Ружанах, Сынкавічах, Зельве, Дзярэчыне і інш. [9]. Аднак бліжэй да лета пачатак сплаву перанеслі на ліпень. Удзел у сплаве быў платным: за ўвесь шлях – 12 злотых, за ўчастак ад Пінска да Слоніма ці ад Слоніма да Аўгустова – 8 злотых. Па канале Агінскага ўдзельнікі сплаву мусілі прайсці 3 і 4 ліпеня, заначаваўшы ў Целяханах [10].

Апісанне сплаву па канале Агінскага ў 1936 г. пакінуў А. Шмук у кнізе «3 Пінска да Аўгустова на байдарцы» [11]. Разам з сябрамі ён пачаў водны паход у першай палове жніўня з Пінска на байдарцы «Воўк». Па Піне падарожнікі даплылі да Гарадзішча, а потым павярнулі на р. Ясельду. Адтуль яны трапілі ў канал Агінскага. Падарожнікаў уразіла прамая лінія канала, абал па якога праглядаліся рэшткі нямецкіх бетонных умацаванняў часоў Першай сусветнай вайны, пазначаныя знакамі Міністэрства вайсковых спраў (MSW) Рэчы Паспалітай і нумарам [6]. Іх напалохала першае шлюзаванне, калі байдарка з пасажырамі гоўдалася на дне чатырохметровай шлюзавай камеры, а зверху ліліся плыні вады, падымаючы невялікі караблік [11, с. 32]. Роўная паласа канала трымалася з двух бакоў землянымі валамі і драўлянымі сценкамі, што падпіралі валы. Дрэвы, пасаджаныя абал па уздоўж канала, упрыгожвалі краявід [11, с. 33]. Паколькі вада ў канале была нерухомая, то А. Шмуку з сябрамі даводзілася ўвесь час веславаць, каб рухацца наперад. На шчасце, іх узяў на буксір уладальнік маторнай лодкі і хутка дацягнуў да прыстанку ў Целяханах [11, с. 33, 36].

З запісаў работніка шлюза ў Целяханах А. Шмук даведаўся, з якіх мясцін былі спартсмены-весляры, што праязджалі каналам раней: з Познані, Сілезіі, Львова, Варшавы. Службовец паведаміў падарожным пра вельмі актыўны рух на канале ў ліпені, калі праязджала многа спартсменаў на байдарках, сплаўляліся плыты, ездзілі баржы з таварамі [11, с. 36]. У першай палове жніўня колькасць аматараў вандровак зніжалася. За Целяханамі канал зарос у 1936 г. водарасцямі, якія моцна перашкаджалі руху

байдаркі, але падарожныя даплылі да возера Выганашчанскага [11, s. 38].

Летам 1938 г. група навучэнцаў Львоўскага дзяржаўнага ліцэя на чале са студэнтам Станіславам Цвёрдахлебам вырашыла праплыць ад Луцка да Гродна. На маторнай лодцы «Крыся» яны плылі спачатку па Стыры, Струмені і Піне, спыніліся ў Пінску на два дні і пасля паплылі па Ясельдзе. Як і А. Шмук, яны апісвалі цалкам забалочаную мясцовасць у нізоўях Ясельды, дзе за дзень шляху можна было не ўбачыць ні квалка сухой зямлі, не гаворачы пра жыллё. За шлюзаванне на канале Агінскага падарожнікі заплацілі 41 злоты і прайшлі 10 шлюзаў. Пасля возера Выганашчанскага падарожнікі з Львова трапілі ў Шчару, дзе ім сустрэліся доўгія ланцужкі плытоў з бяровенняў. У Слоніме яны наведлі мясцовы музей, а Нёман уразіў высокімі берагамі і параходамі. З Гродна ў Львоў падарожнікі вярнуліся на цягніку [12, с. 63–66].

Заклучэнне

Такім чынам, канал Агінскага, адноўлены польскім урадам у 1923–1926 гг., выконваў у 1927–1939 гг. шэраг лагістычных функцый: сплаў лесу, перавозка грузаў, перавозка пасажыраў з Пінска ў Целяханы, выкарыстанне ў турыстычных мэтах. Асноўнымі былі лесасплаў і часткова груза-

перавозка, бо ў Палескім ваяводстве міжваеннага часу было няшмат магчымасцяў для перамяшчэння цяжкіх і буйнагабарытных грузаў. Як адзначаў у 1932 г. інжынер Валеры Сабалеўскі, значэнне канала Агінскага як артэрыі для сплаву лесу ў міжваенны час знізілася. Гэтаму было шмат тлумачэнняў. Па-першае, перасталі ісці плыты з Палесся да Нёмана з-за цяжкасцяў у адносінах Польшчы з Літвой і СССР. Лес цяпер вывозіўся з ваколіц канала да Пінска, і хуткасць вырубкі вяла да таго, што аб'ёмы лесу памяншаліся і сплаў таксама знізіўся.

Праблемай для плытагонаў было возера Выганашчанскае, вялікае воднае люстра якога, моцныя вятры і ілістае дно стваралі кепскія ўмовы для судходства. Расійскі ўрад да рэвалюцыі нават меў праект працягу канала збоку ад небяспечнай воднай перашкоды [3, s. 44].

Перавозка пасажыраў ажыццяўлялася на параходах з Пінска да Целяхан і мела лакальнае значэнне.

У другой палове 1930-х гг. актывізавалася турыстычна-рэкрэацыйнае выкарыстанне канала, праз які праходзілі маршруты байдарачнікаў. Перамяшчэнне турыстаў у зоне канала Агінскага было досыць няпростым з-за ўплыву фізіка-геаграфічных умоў і праблем з абслугоўваннем канала пасля Целяхан.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Гецэвіч, А. К. Транспарт і шляхі зносін у Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. К. Гецэвіч // Весн. ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. – 2015. – № 3 (203). – С. 6–12.
2. Гецэвіч, А. Транспартна-лагістычны і турыстычна-рэкрэацыйны патэнцыял воднага басейна Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд / А. Гецэвіч, В. Тарасаў // Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemności : матэрыялы XXIV Міжнар. навук. канф., Гродна, 26 кастр. 2018 г. / Гродзен. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Я. Панькоў [і інш.]. – Гродна, 2019. – С. 138–143.
3. Kanał Ogińskiego: Referaty na I Narodowy Kongres Żeglugi. – Warszawa, 1932. – 56 s.
4. 20-lecie komunikacji w Odrodzonej Polsce (1918–1939) / red. S. Faecher, dr. S. Peters. – Kraków, 1939. – 543 s.
5. Rybczyński, M. Drogi wodne w Polsce / M. Rybczyński // Przegląd techniczny. – 1927. – № 27–28. – S. 639–643.
6. Герасімчык, В. Агінскі канал у часы II Рэчы Паспалітай [Электронны рэсурс] / В. Герасімчык. – Рэжым доступу: <https://harodnia.com/be/sionnia/prabliemy-spadczyzny/579-vasil-gerasimchyk-chastka-iii-aginski-kanal-u-chasy-ii-rechy-paspalitaj>. – Дата доступу: 21.03.2022.
7. Przewodnik po Polsce : w 4 t. – Warszawa : Związek Polskich Towarzystw Turystycznych, 1935. – Т. 1. – 362 s.
8. Ганский, В. А. Основные направления развития туризма в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / В. А. Ганский // Наук. вісн. МНУ ім. В. О. Сухомлінскаго. Істор. науки. – 2017. – № 2 (44). – С. 53–59.
9. Szlakiem Sapielhy i Ogińskiego // Dziennik Białostocki. – 1933. – № 105. – S. 3.

10. Wielki spływ kajakowców, wioślarzy i żeglarzy «Szlakiem Sapiehy i Ogińskiego» na trasie Pińsk – Słonim – Grodno – Augustów // 7 groszy. – 1933. – № 155. – S. 6.
11. Schmuck A. Z Pinska do Augustowa kajakiem / A. Schmuck. – Lwów, 1937. – 87 s.
12. Павач, А. Гродзенскія гісторыі ад Андрэя Павача / А. Павач. – Гродна : ЮрсаПрынт, 2019. – 172 с.

REFERENCES

1. Hiecevich, A. K. Transport i shliakhi znosin u Zakhodniaj Bielarusi (1921–1939 hh.) / A. K. Hiecevich // Viesn. GrDU imia Janki Kupaly. Sier. 1, Historyja i arkhiealohija. – 2015. – № 3 (203). – S. 6–12.
2. Hiecevich, A. Transportna-lahistychny i turystychna-rekreacyjny patencyjal vodnaha basiejna Zakhodniaj Bielarusi w mizhvajenny pieryjad / A. Hiecevich // Shliakh da uzajemnasci = Droga ku wzajemności : materyjaly XXIV Mizhnar. navuk. kanf., Grodna, 26 kastr. 2018 g. / Hrodzien. dziarzh. un-t ; redkal.: Ya. Pan'kou [i insh.]. – Hrodna, 2019. – S. 138–143.
3. Kanał Ogińskiego: Referaty na I Narodowy Kongres Żeglugi. – Warszawa, 1932. – 56 s.
4. 20-lecie komunikacji w Odrodzonej Polsce (1918–1939) / red. S. Faecher, dr. S. Peters. – Kraków, 1939. – 543 s.
5. Rybczyński, M. Drogi wodne w Polsce / M. Rybczyński // Przegląd techniczny. – 1927. – № 27–28. – S. 639–643.
6. Hierasimchyk, V. Ahinski kanal u chasy II Rechy Paspalitaj [Elektronny resurs] / V. Hierasimchyk. – Rezhym dostupu: <https://harodnia.com/be/sionnia/prabliemy-spadczyzny/579-vasil-gerasimchyk-chastka-iii-aginski-kanal-u-chasy-ii-rechy-paspalitaj>. – Data dostupu: 21.03.2022.
7. Przewodnik po Polsce : w 4 t. – Warszawa : Związek Polskich Towarzystw Turystycznych, 1935. – T. 1. – 362 s.
8. Ganskij, V. A. Osnovnyje napravlenija razvitija turizma v Zapadnoj Bielarusi (1921–1939 gg.) / V. A. Ganskij // Nauk. visn. MNU im. V. O. Sukhomlins'kogo. Istor. nauky. – 2017. – № 2 (44). – S. 53–59.
9. Szlakiem Sapiehy i Ogińskiego // Dziennik Białostocki. – 1933. – № 105. – S. 3.
10. Wielki spływ kajakowców, wioślarzy i żeglarzy «Szlakiem Sapiehy i Ogińskiego» na trasie Pińsk – Słonim – Grodno – Augustów // 7 groszy. – 1933. – № 155. – S. 6.
11. Schmuck A. Z Pinska do Augustowa kajakiem / A. Schmuck. – Lwów, 1937. – 87 s.
12. Pavach, A. Hrodzienskija historyi ad Andreja Pavacha / A. Pavach. – Hrodna : JursaPrynt, 2019. – 172 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 11.05.2022

УДК 94(443.82)

Дмитрий Николаевич Черкасов*канд. ист. наук, доц., докторант каф. истории Древнего мира и Средних веков
Белорусского государственного университета***Dmitriy Cherkasov***PhD in History, Associate Professor,**Doctoral Candidate of the Department of History of the Ancient World and Middle Ages BSU**e-mail: dmcminsk@gmail.com***ЗАВОЕВАНИЕ ГЕРЦОГСТВА ЛОТАРИНГСКОГО КАРЛОМ СМЕЛЫМ
(СЕНТЯБРЬ–НОЯБРЬ 1475 г.)**

Рассматривается военная кампания Карла Смелого, герцога Бургундского, проведенная осенью 1475 г. против Рене II, герцога Лотарингского. Целью этой кампании было установление контроля над Лотарингией, которая должна была стать связующим звеном между Нидерландами и Бургундией. Военное превосходство Карла Смелого позволило ему в короткий срок завоевать Лотарингское герцогство и его столицу Нанси.

Ключевые слова: Карл Смелый, Рене II, Людовик XI, Лотарингия, Нанси.

Conquest of the Duchy of Lorraine by Charles the Bold (September–November 1475)

The article deals with the military campaign of the Duke of Burgundy, Charles the Bold, carried out in the autumn of 1475 against the Duke of Lorraine, Rene II. The purpose of this company was to establish control over Lorraine, which was to become a link between the Netherlands and Burgundy. The military superiority of Charles the Bold allowed him to conquer the Duchy of Lorraine and its capital, Nancy, in a short time.

Key words: Charles the Bold, Rene II, Louis XI, Lorraine, Nancy.

Введение

Лотарингская кампания Карла Смелого, предпринятая им осенью 1475 г., нашла отражение в значительном количестве работ, относящихся к истории Бургундского государства и, в первую очередь, к истории бургундских войн 1474–1477 гг. С XIX в. началось научное осмысление этого вопроса на основе не только нарративных источников, но и архивных документов. В качестве одного из наиболее удачных исследований в этом направлении можно указать работу немецкого историка Г. Витта «Лотарингия и Бургундия», опубликованную в 1890–1892 гг. (*Witte H. Lothringen und Burgund // Jahrbuch der Gesellschaft für Lothringische Geschichte. Bd. 2. 1890. S. 1–100; Bd. 3. 1891. S. 232–292; Bd. 4. 1892. S. 74–132*). Вместе с тем настоящая статья с учетом опыта предыдущих исследований является работой основанной на современном осмыслении данной проблемы.

Цель статьи – дать целостный анализ военной кампании Карла Смелого по завоеванию герцогства Лотарингия, проведенной им осенью 1475 г. против Рене II, выявить предпосылки этой кампании, рассмотреть предшествовавший ей этап военно-полити-

ческих событий, определить узловые моменты самого завоевания и его итоги.

Предпосылки бургундо-лотарингской войны

К началу правления Карла Смелого (1467–1477) в условиях усилившейся конфронтации с Францией, переросшей в 1470 г. в войну, значение Лотарингии как важного транзитного коридора стало для герцога Бургундского критически важным. Контроль над Лотарингией обеспечивал связь между бургундскими владениями в Нидерландах и собственно Бургундией, давал перспективу обретения контроля над Эльзасом. В этой связи 15 октября 1473 г. Карл Смелый и герцог Лотарингский Рене II (1473–1508) заключили договор о союзе, который предполагал свободный проход через земли обоих правителей. Герцог Бургундский обещал своему союзнику военную помощь против короля Франции. 18 ноября 1473 г. 84 представителя лотарингской знати гарантировали исполнение договора, скрепив его своими печатями. Под бургундский контроль был передан ряд мест Лотарингии: Дарне, Домпер, Эпиналь, Шарм и замок

Аманс. Позднее Домпер и Аманс были заменены на Нёшато и Прени [1, р. 390].

Однако размещение войск Карла Смелого в герцогстве стало причиной конфликтов с местным населением, которое жаловалось на грабежи и другие притеснения. Постепенно Рене II также стал тяготиться своей вассальной зависимостью от герцога Бургундского. Он начал втайне переговоры с королем Франции, приведшие к заключению 9 июля 1474 г. договора, по которому Рене II стал союзником Людовика XI против герцога Бургундского. Договор был ратифицирован сторонами в Шартре 15 августа 1474 г. [1, р. 394].

К этому времени (июнь 1474 г.) Карл Смелый вмешался в конфликт между горожанами Кёльна и местным архиепископом Рупрехтом на стороне последнего, осадив город Нойс. Это настроило против герцога Бургундского не только императора Фридриха III, но и значительную часть князей и городов империи, с тревогой смотревших на расширяющуюся бургундскую экспансию. Ситуацией воспользовалась подстрекаемая Людовиком XI швейцарская Конфедерация, которая 25 октября 1474 г. объявила Карлу Смелому войну [2, s. 515].

К Рене II было направлено посольство с целью вовлечь его в войну против герцога Бургундского, но герцог Лотарингский колебался всю зиму 1474–1475 гг. Только с приближением 1 мая, дня окончания франко-бургундского перемирия, Рене II сделал решительный шаг и 18 апреля вступил в созданный против герцога Бургундского Нижний Союз (включал герцога Сигизмунда Австрийского, епископов Страсбурга и Базеля, города Страсбург, Базель, Кольмар, Шлестагт, Оберне, Кайзерберг, Мюнстер, Росхайм, Тюркхайм) [3, s. 199].

9 мая 1475 г. в лагерь под Нойсом, осаждаемый войсками Карла Смелого, прибыл герольд Рене II, который от имени своего господина бросил вызов герцогу Бургундскому [4, р. CCCXLVII–CCCXLVIII]. В ответ на объявленную «огнем и кровью» войну герцог Бургундский поручил передать Рене II, что он скоро будет в Лотарингии и «за хорошие новости» подарил герольду одну из своих лучших одежд и 12 золотых флоринов [5, р. 147–148].

По другой версии (в соответствии с манускриптом, хранящимся в Британском

музее), Карл Смелый подарил герольду серебряный кубок с пятьюстами золотыми монетами (лиондорами) [6, р. 147–148].

После заключения антибургундского союза между королем Франции и императором Фридрихом III 17 мая 1475 г. в этот договор был включен и герцог Лотарингский, который обещал атаковать герцога Бургундского и закрыть ему проход через свои земли. 1 июня Рене II официально объявил о союзе с императором [7, р. 608]. Однако уже 12 июня, несмотря на обещания, данные ранее герцогу Лотарингскому, император заключил перемирие с герцогом Бургундским на 9 месяцев [8, р. 252].

Военные действия в мае–августе 1475 г.

Рене II начал военные действия еще до официального объявления войны. Уже в первые дни мая без боя был взят замок Пьерфор [9, р. 140]. Вскоре были возвращены все места, ранее отданные под контроль герцога Бургундского: Нёшато, Прени и др. Затем лотарингцы вступили на территорию принадлежавшего Карлу Смелому герцогства Люксембург, рассчитывая на поддержку французского контингента под командованием Жоржа де ла Тремойля, сира де Краона.

В июне 1475 г. де Краон пришел в Лотарингию. 12 июня 1475 г. он расположился в долине возле Меца, куда подошел и герцог Лотарингский. Их силы составляли около 8 тыс. воинов и 200 повозок с припасами и артиллерией. С земель Меца войска де Краона ушли 25 июня, войска герцога Лотарингского – несколько раньше, предварительно подвергнув население окрестных деревень грабежу [10, р. 74–76].

Сильные гарнизоны де Краон держал в Бар-ле-Дюк, Аттоншателе, Горзе и некоторых других местах. В первые дни июля 1475 г. он взял Данвилье, принадлежавший герцогству Люксембург. Оставив Данвилье к середине месяца, силы де Краона сконцентрировались вокруг Аттоншателя, в епископстве Верден [11, р. 76].

Карл Смелый предпринял ответные действия. Так, 3 июля 1475 г. он призвал лотарингских дворян, бывших гарантами договора от 18 ноября 1473 г., отказаться от повиновения герцогу Лотарингскому [4, р. CCCXLVII–CCCXLVIII]. В конце августа он направил в Лотарингию несколько

своих советников, чтобы потребовать у местной знати передать в его руки города и замки Лотарингии, в связи с тем что Рене II нарушил ранее заключенный договор [9, p. 148–149].

В конце июля – начале августа 1475 г. в Лотарингию было направлено около 500 «ломбардцев» и бургундцев под командой графа де Кампо-Бассо, которые взяли Гонд्रेкур и Ландр [5, p. 160; 10, p. 77]. Затем Кампо-Бассо во главе 6 тыс. воинов осадил Конфлан-ан-Жарнизи. Рене II укрепил гарнизон Конфлана, поставив во главе опытного военного, капитана Грасьена д'Агёrr. Маршал Лотарингии Жан VII, граф де Сальм, находился в Брие и делал вылазки, чтобы помочь защитникам замка [12, p. 102–103]. Рене II просил помощи у сира де Краона для деблокады Конфлан-ан-Жарнизи, но без приказа короля Франции тот отказался выступить. Тогда Рене II сам двинулся к Конфлану с имевшимися у него силами. При подходе его войск Кампо-Бассо отступил на территорию Люксембурга [5, p. 161].

В Лотарингии знали о том, что Карл Смелый готовит полномасштабное вторжение и предпринимали меры для защиты. В сложившейся ситуации прямую военную помощь Рене II готов был оказать только Нижний Союз, к которому он и обратился. Ему направили около 6 тыс. воинов под началом ландфогта Верхнего Эльзаса Освальда фон Тьерштайна. Войска прислали Страсбург, Шлештадт, Кольмар, Танн, Фрибург. Основные силы были направлены на защиту Эпиналя и Нанси – наиболее важных и укрепленных городов герцогства [5, p. 162–163]. Сам Рене II отправился ко двору короля Франции, которого 9 сентября застал в Санлисе и оттуда провожал до Дьеппа [1, p. 398].

Однако 13 сентября 1475 г. в замке Солёвр на территории герцогства Люксембург было заключено франко-бургундское перемирие на 9 лет [13, p. 409–418]. Людовик XI, который уже знал о его заключении, все же пообещал герцогу Лотарингскому помощь в 800 копий под командованием Луи, бастарда Бурбонского, но приказал последнему не предпринимать никаких действий против бургундских сил [1, p. 400; 5, p. 167].

В результате Рене II лишился военной поддержки своего самого важного союзника. Поддержка со стороны императора была символической: 23 сентября Фридрих III

написал во Франкфурт-на-Майне и другие города империи, чтобы те оказали помощь Рене II против герцога Бургундского, если будет таковая просьба самого Рене [14, s. 678].

Завоевание герцогства Лотарингского

В начале сентября граф де Кампо-Бассо осадил Брие, который сдался после непродолжительной осады. Дворяне из герцогства Бар, находившиеся там, были отпущены, а 80 «немцев» повешены (Молине сообщает о 120 повешенных «швейцарских и немецких кулевринерах») [5, p. 166; 15, p. 149]. Город заплатил 12 тыс. флоринов контрибуции [10, p. 78; 16, p. 419].

Герцог Бургундский, собиравший войска в Люксембурге, в конце сентября 1475 г. лично выступил в поход на Лотарингию. 24 сентября он подошел к аббатству Горз, которое под угрозой быть сожженным открыло свои ворота, а затем двинулся к Понт-а-Муссону, оставленному при его приближении войсками противника во главе с бастардом Лотарингским. В Понт-а-Муссоне к Карлу Смелому присоединился Федерико, принц Тарантский, сын Фернандо Арагонского, короля Неаполя, искавший руки дочери Карла [15, p. 149–150].

В Понт-а-Муссоне была сделана остановка на 5 дней. 29 сентября поход возобновился. Был взят замок Конде, переданный герцогом Бургундским одному из сыновей графа де Кампо-Бассо. 30 сентября бургундцы были возле Нанси, но прошли мимо к Ланёвилю. 1 октября у деревеньки Саффе, возле Розьер-о-Сален, был разбит бургундский лагерь, где разместился артиллерийский парк [5, p. 167]. В Ланёвиль 2 октября прибыл посол короля Франции, сеньор дю Бушаж, чтобы вести переговоры о выдаче коннетабля де Сен-Поля, предавшего короля. Взамен Людовик XI обещал вывести свои войска из Лотарингии [1, p. 400].

4 октября герцог Бургундский был в Оссонвиле, 5 октября он вошел в Байон. Замок Сен-Жермен, рядом с Байоном, был взят штурмом, сожжен и разрушен. Швейцарцы, защищавшие его, были повешены [15, p. 151]. 7 октября бургундцы осаждали Шарм, который защищал отряд из 40 «гасконцев». После взятия крепости все иностранные наемники: «французы, пикардийцы, гасконцы, швейцарцы, немцы» – в количестве 24 человек были повешены на одном дереве. Город

был разграблен, а жители пленены [5, р. 172; 15, р. 152].

9 октября Карл Смелый покинул Шарм и 10 прибыл в Домпер (Домевр-сюр-Дюрбьон), не оказавший сопротивления, но разграбленный и сожженный, жители которого были пленены. Также был разрушен Брюйер. Без сопротивления сдались Арш, Ремирмон и Сен-Дье [5, р. 173; 15, р. 152].

Затем герцог Бургундский подошел к Эпиналю, имевшему сильные укрепления и гарнизон из 800 воинов, в т. ч. 600 «немцев». Общее командование обороной города осуществлял бастард де Водемон. Однако узнав, что помощи со стороны короля Франции не будет, 17 октября горожане предпочли сдаться на почетных условиях: гарнизон свободно покинул город, а буржуа сохранили свои привилегии.

19 октября герцог Бургундский въехал в город [5, р. 173–174; 15, р. 153]. Обладание Эпиналем позволило Карлу Смелому восстановить связь с Франш-Конте.

21 октября в результате внезапной атаки был взят город Водемон, жители которого принесли клятву верности герцогу Бургундскому перед его представителем, Жаном де Рюбанпре, сеньором де Бьевр [15, р. 153–154]. 22 октября герцог Бургундский расположился в Пон-Сен-Венсан, а 24-го подошел к Нанси во главе 900 копий, еще не намереваясь осаждать город, поскольку из артиллерии имел только 12 серпантин [15, р. 174]. К этому времени он контролировал почти все герцогство Лотарингское. На стороне Рене II остались Сарбург и графство Битш [5, р. 174–175].

По свидетельству «Журнала Жана д'Обриона», держался также замок Прени во главе с Грасьеном д'Агёрр: «Он (герцог Бургундский) назначил новых чиновников для всего герцогства Лотарингского, после чего Сирк подчинился ему и все другие земли, и славные города Лотарингии, за исключением Прене, который держал Грасьяль де Гёр» [10, р. 79–80].

Гарнизон Нанси, насчитывавшим около 3 тыс. воинов, командовал бастард Лотарингский. В основном это были эльзасцы из городов Нижнего Союза, а также 500 «гасконцев и французов» [1, р. 403].

При подходе бургундских войск к Нанси из города на вылазку вышли эльзасцы, но были оттеснены обратно за стены.

Герцог Бургундский сообщил бастарду Лотарингскому, что ввиду его действий он исключается из договора в Солёвре [15, р. 175–176]. В течение 8 дней вокруг Нанси бургундцы возвели земляные укрепления [5, р. 177].

В период осады города, помимо принца Тарантского, в бургундском лагере находились послы Венецианской республики, герцогов Юлихского и Миланского, пфальцграфа Рейнского, королей Арагона и Неаполя [17, р. 218]. 1 ноября в лагерь прибыли легат папы Сикста IV, Александр де Форли, послы императора и французского короля [15, р. 176].

Король Франции, добиваясь от герцога Бургундского выдачи коннетабля де Сен-Поля, документом от 12 ноября в Савиньи-сюр-Орж, фактически согласился на бургундскую оккупацию Лотарингии [13, р. 443–444]. В ответ на это Карл Смелый написал канцлеру Югоне и сеньору д'Эмберкуру, что, если до 24 ноября Нанси не падет, они должны передать коннетабля людям короля Франции. К 24 ноября Нанси еще держался, и коннетабль де Сен-Поль был выдан. 19 декабря 1475 г. он был казнен в Париже на Гревской площади [15, р. 184].

Император Фридрих III и герцог Бургундский 17 ноября 1475 г. заключили мирный договор и союз [13, р. 446; 14, s. 679]. В результате император перестал поддерживать Рене II. Более того, при его посредничестве герцог Бургундский начал переговоры с Нижним Союзом и швейцарской Конфедерацией, с которой заключил перемирие до 1 января 1476 г. [18, р. 491].

Между тем к концу ноября в Нанси стали испытывать нехватку продовольствия. Рене II конец октября – ноябрь 1475 г. провел во Франции, ожидая помощи от Людовика XI. Понимая, что ничем не может помочь, он разрешил защитникам Нанси пойти на переговоры с герцогом Бургундским о сдаче города. Сохранив свои привилегии, Нанси был сдан на почетных условиях. 27 ноября из него вышли 2 200 «немцев» и 500 «французов и гасконцев», составлявших основу гарнизона [5, р. 180].

Въезд Карла Смелого в Нанси был приурочен ко дню св. Андрея и состоялся 30 ноября под звуки труб. Рядом с герцогом следовали принц Тарантский, герцог Клевский, великий бастард Антуан Бургундский,

графы де Нассау, де Шиме, де Кампо-Бассо, де Марль, Жан де Рюбанпре и многие другие [5, p. 181].

18 декабря в Нанси в герцогском дворце были собраны Штаты Лотарингии, в присутствии которых Карл Смелый дал обещание защищать права и привилегии церкви и знати герцогства Лотарингского, а еще сделать Нанси столицей своего государства [5, p. 182–184]. Охрану города с гарнизоном в 100 копий и управление Лотарингией Карл Смелый «по просьбе знати земли» предоставил Жану де Рюбанпре [15, p. 177]. Значительная часть лотарингской знати, особенно из романоязычной части герцогства, поклялась в верности герцогу Бургундскому. Среди них были Гаспар де Равиль, Андре д'Арокур, сеньор де Бранденбург, Перрен, Эврар и Анри д'Арокур, Бальтазар д'Оссонвиль, Жан де Тулон, Симон дез Армуаз, Николя де Водонкур и др. На его службу перешел даже бастард Лотарингский [1, p. 409–410].

Заклучение

Таким образом, завоевание герцогства Лотарингского, предпринятое в течение осени 1475 г. герцогом Бургундским, Карлом Смелым, было обусловлено необходимостью иметь надежный транспортный коридор между Нидерландами и Бургундией.

Политика Карла Смелого, проводимая им с августа 1473 г. с целью утверждения прочного союза с герцогом Рене II, потерпела неудачу и привела к заключению франко-лотарингского союза в августе 1474 г., имевшего антибургундскую направленность. В мае 1475 г. герцог Лотарингский открыто выступил против Карла, увязшего при осаде Нойса, и при поддержке французских войск развернул военные действия на лотаринго-люксембургском пограничье.

Герцог Бургундский прекратил осаду Нойса и в июне 1475 г. заключил перемирие с императором Фридрихом III. В августе он направил в Люксембург часть освободившихся сил, чтобы противостоять действиям Рене II. После заключения франко-бургундского перемирия в Солёвре 13 сентября 1475 г. началось бургундское вторжение в Лотарингию, которое возглавил лично Карл Смелый.

Имея значительный перевес в силах, герцог Бургундский сумел организовать быстрый захват владений Рене II, лишившегося военной поддержки короля Франции. Почти вся территория лотарингского герцогства перешла под контроль бургундских войск. Кульминацией военной кампании Карла Смелого стала осада Нанси, который сдался в конце ноября 1475 г. В декабре 1475 г. Штаты Лотарингии признали власть герцога Бургундского.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pfister, Ch. Histoire de Nancy : en 3 t. / Ch. Pfister. – Paris : Nancy : Berger-Levrault et Cie, 1902. – Т. 1. – 774 p.
2. Die Eidgenössischen Abschiede ans dem Zeitraume von 1421 bis 1477 : in 2 bd. / Bearbeiter von A. Ph. Segesser. – Lucern : Meyer'sche Buchdruckerei, 1863. – Bd. 2. – 1054 s.
3. Monumenta Habsburgica. Sammlung von Actenstücken und Briefen zur Geschichte des Hauses Habsburg dem Zeitraume von 1473 bis 1576. Erst Abtheilung: Das Zeitalter Maximilian's I : in 2 bd. – Wien : Aus der kaiserlich-königlichen Hof- und Staatsdruckerai, 1854. – Bd. 1. – 691 s.
4. Plancher, Ur. Histoire générale et particuliere de Bourgogne : en 4 t. / Ur. Plancher. – Dijon : N.-L. Frantin, 1781. – Т. 4. – 1176 p.
5. La chronique de Lorraine // Recueil de documents sur l'histoire de Lorraine. – Nancy : L. Wiener, 1860. – 383 p.
6. Defi adresse par le duc de Lorraine au duc Charles de Bourgogne ; par le baron Kervyn de Lettenhove, membre de l'Academie // Bulletins de l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. – Bruxelles : F. Hayez, 1887. – Т. 13. – Sér. 3. – № 2. – P. 147–148.
7. Corpus universel diplomatique du droit des gens ; par Mr. J. Dumon, baron de Carels-Croon : en 8 t. – Amsterdam : Chez P. Brunel, R. et G. Wetstein, les Janssons Wacsberge et l'Honoré Chatelain; La Haye : Chez P. Husson et Ch. Levrier, 1726. – Т. 3. – Pt. 1. – 609 p.
8. Toutey, E. Charles le Téméraire et la ligue de Constance / E. Toutey. – Paris : Hachette et Cie, 1902. – 481 p.

9. Wurth-Paquet, Fr.-X. Table chronologique des chartes et diplômes relatifs a l'histoire de l'ancien pays de Luxembourg. Charles le Téméraire. Du 15 juin 1467 du 5 janvier 1477 / Fr.-X. Wurth-Paquet // Publications de la Section historique de l'institut Royale Grand-Ducal de Luxembourg. Année 1880. – Luxembourg : V. Bück, 1880. – T. 34. – P. 1–191.

10. Journal de Jehan de Aubrion bourgeois de Metz avec sa continuation par Pierre Aubrion (1465–1512). Publié en entiere pour la premier fois par L. Larchey. – Metz : F. Blanc, 1857. – 638 p.

11. Contamine, P. Un serviteur de Louis XI dans sa lutte contre Charles le Téméraire: Georges de la Trémoille, sire de Craon (vers 1437–1481) / P. Contamine // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France (1976–1977). – Paris : Boccard, 1978. – Vol. 97. – P. 63–80.

12. Clesse, L. Histoire de l'ancienne chatellenie et prévôté de Conflans en Jarnisy / L. Clesse. – Verdun : Ch. Laurant, 1872. – 292 p.

13. Memoires de messire Philippe de Comines, seigneur d'Argenton, où l'on trouve l'Histoire des Rois de France Louis XI et Charles VIII. Nouvelles edition par M. Godefroy. Augmentée par M. l'Abbé Lenglet du Fresnoy : en 4 t. – Londres-Paris : Rollin, 1747. – T. 3. – 672 p.

14. Regesta chronologico-diplomatica Friderici III. romanorum imperatoris (regis IV): Auszug aus den im k.k. geheimen Haus-, Hof- und Staats-Archive zu Wien sich befindenden Reichsregistraturbüchern vom Jahre 1440–1493: nebst Auszügen aus Original-Urkunden, Manuscripten und Büchern. Von J. Chmel. – Wien : Carl Gerold, 1859. – Bd. 2. – 522 s.

15. Chroniques de Jean Molinet, publiées, pour la première fois, d'après les manuscrits de la Bibliothèque du Roi ; par J.-A. Buchon. – Paris : Verdière, 1827. – T. 1. – 717 p.

16. Huguenin, J.-F. Les chroniques de la ville de Metz: 900–1552 / J.-F. Huguenin. – Metz : S. Lamort, 1838. – 896 p.

17. Extrait d'une ancienne chronique // Memoires de messire Philippe de Comines, seigneur d'Argenton, où l'on trouve l'Histoire des Rois de France Louis XI et Charles VIII. Nouvelles edition par M. Godefroy. Augmentée par M. l'Abbé Lenglet du Fresnoy : en 4 t. – Londres-Paris : Rollin, 1747. – T. 2. – P. 173–221.

18. Muller, J. de. Histoire de la confédération suisse / J. de Muller : en 18 t. – Paris : Ballimore; Genève : Cherbuliez et Cie, 1840. – T. 8. – 533 p.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 12.05.2022

УДК 94(476)

Александр Леонидович Даркович

канд. ист. наук, зав. сектором информационного и методического обеспечения
регионального развития Научно-исследовательского экономического института
Министерства экономики Республики Беларусь

Aleksandr Darkovich

PhD in History, Head of the Sector for Information and Methodological Support
of Regional Development of Research Economic Institute
of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus
e-mail: alexdarkovich@mail.ru

**ЗАПАДНОБЕЛОРУССКИЕ ГОРОДА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД:
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Анализируется динамика числа городов, а также численности их населения в Западной Беларуси в межвоенный период, обосновывается утверждение о том, что степень урбанизированности региона оставалась низкой, проявлением чего служило отсутствие крупных городов и низкий удельный вес горожан в общей численности населения. Представлена оценка национального состава городских жителей западнобелорусских городов, показано, что удельный вес поляков на протяжении 1920–30-х гг. увеличился, тогда как доля двух других крупнейших групп населения городов, белорусов и евреев, сокращалась.

Ключевые слова: Западная Беларусь, города, урбанизация, национальная структура населения.

West Belarus Towns During the Inter-War Period: Demographic Characteristics

The article analyzes the dynamics of the number of cities, as well as their population in Western Belarus in the interwar period. The author substantiates the assertion that the degree of urbanization of the region remained low, a manifestation of which was the absence of large cities and the low proportion of urban residents in the total population. An assessment of the national composition of urban residents is also presented, it is shown that the proportion of Poles increased during the 1920–1930s, while the proportion of the other two largest population groups in towns, Belarusians and Jews, decreased.

Key words: Western Belarus, towns, urbanization, national structure of the population.

Введение

Фактически неизученной темой межвоенной истории Западной Беларуси остается демографическое развитие ее городов. В статье анализируется динамика числа городов и численности их жителей, предложена оценка национальной структуры горожан, показано, что удельный вес городского населения оставался низким, не было крупных городов, что отражало запаздывание процессов урбанизации в регионе.

Основная часть

На оккупированных после начала польско-советской войны в 1919 г. белорусских землях польские власти сразу же приступили к организации гражданской администрации, в т. ч. к формированию городских и сельских органов местного самоуправления. Поэтому возникла потребность в разграничении городских и сельских поселений. При определении статуса населенного пункта был избран формальный критерий, а именно количество жителей. 16 августа 1919 г. Гражданским управлением вос-

точных земель, которое представляло собой управленческую структуру, существовавшую на захваченных польскими войсками белорусских территориях во время польско-советской войны, было издано распоряжение об устройстве местечек [1, л. 20]. В соответствии с ним населенные пункты, где проживало менее 2 тыс. жителей, были отнесены к разряду сельских, насчитывавшие от 2 до 4 тыс. получили статус местечек (в первой половине 1920-х гг. формальный статус местечек, определенный законом от 16 августа 1919 г., был упразднен, часть из них вошла в число сельских населенных пунктов, остальные получили городской статус; в дальнейшем местечки в качестве отдельной административной единицы в Западной Беларуси официально не существовали [2, с. 598]). Населенные пункты с количеством жителей более 4 тыс. человек, обьявлялись городами, также статус города мог быть предоставлен поселениям с меньшим количеством населения специальным решением. Всего в период польско-советской войны городской статус на оккупированных

польскими войсками белорусских земель был введен в 29 населенных пунктах.

При этом реализация законодательных актов, регулировавших правовой статус населенных пунктов в начальный период существования польской власти на западнобелорусских землях, очень часто отличалась от формальных предписаний. Во многих случаях невозможно установить критерии, по которым принимались конкретные решения об отнесении поселения к тому или иному типу населенных пунктов, нередко определение их формального статуса носило произвольный характер. В специальной заметке на тему правового статуса городов восточных воеводств, подготовленной Главным статистическим управлением Польши в 1924 г., указывалось: «Законодательство Гражданского управления Восточных земель только частично вошло в жизнь; были случаи не соответствующего его принципам решения спорных вопросов или прямо противоположные им действия». По этой причине составители «Указателя населенных пунктов Польской Республики» (*Skorowidz Miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej*), где были представлены результаты переписи 1921 г. в разрезе всех населенных пунктов страны, приняли решение не отражать в этом сборнике фактический правовой статус поселений на западнобелорусских землях, «не соответствующий законодательству и претерпевающий постоянные изменения», а сгруппировать их по не отражающим реальную ситуацию формальным предписаниям [3, с. 219].

Источники позволяют говорить о точном количестве населенных пунктов на западнобелорусских землях, имевших официальный статус городов, начиная с середины 1920-х гг., когда их насчитывалось 35.

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. городской статус получили Столбцы (1926 г.), Воложин (1929 г.), Молодечно (1929 г.) и Ляховичи (1931 г.). В итоге на момент переписи 1931 г. на западнобелорусских землях насчитывалось 39 городов: 6 в Белостокском воеводстве (Волковыск и Свислочь Волковысского повета, Гродно, Индура и Скидель Гродненского и Одельск Сокольского), 9 в Виленском воеводстве (Вилейка Вилейского повета, Дисна, Глубокое и Докшицы Дисненского, Молодечно, Радошковичи и Раков Молодечненского, Ошмяны и Сморгонь Ошмянского), 10 в Новогрудском воеводстве (Барано-

вичи и Ляховичи Барановичского повета, Воложин Воложинского, Лида Лидского, Несвиж и Клецк Несвижского, Новогрудок и Дятлов (до 1926 г. в составе Слонимского повета) Новогрудского, Слоним Слонимского, Столбцы Столбцовского), 14 в Полеском воеводстве (Брест-над-Бугом, Высоко-Литовск и Каменец-Литовск Брестского повета, Кобрин Кобринского, Коссово и Ружаны Коссовского, Лунинец Лунинецкого, Пинск и Логишин Пинского, Пружаны, Береза-Картузская и Шерешево Пружанского, Столин и Давид-Городок Столинского). В 1934 г. был ликвидирован городской статус Логишина, Одельска и Шерешево, до конца межвоенного периода количество городов в регионе равнялось 36.

В годы Первой мировой войны на западнобелорусских землях произошли серьезные демографические изменения. Высокая смертность, эвакуация с западных и центральных белорусских земель на восток на исходе лета 1915 г. приблизительно 1 130–1 320 тыс. человек [4, с. 443–445], вывоз немцами местных жителей на принудительные работы в Германию привели к тому, что большинство городов обезлюдели. В Бресте к 1919 г. по сравнению с 1913 г. количество жителей сократилось примерно в 4 раза, в Гродно – на 54 %, в Новогрудке – на 46 %, в Слониме – на 66 %, в Пинске – на 45 % и т. д. [5, с. 24–26; 6, с. 219–220].

Последствия военных лет и экономический застой 1920–1930-х гг. отразились на динамике численности городского населения. Двадцати межвоенных лет было недостаточно, чтобы восстановить довоенное число жителей многих городов. Так, Гродно, население которого накануне Первой мировой войны составляло 61,6 тыс. человек, в 1939 г. насчитывал 50–55 тыс. жителей, в Бресте проживало соответственно 57,3 и 53,3 тыс., в Пинске – 39 и 36,7 тыс. (1938 г.), в Барановичах – 30 и 27 тыс., в Волковыске – 18,9 и 14,9 тыс., в Дисне – 11,3 и 6,1 тыс., в Слониме – 28,4 и 26,7 тыс. [6, с. 219–220; 7, с. 197; 8, л. 12; 9, л. 1] Единственным городом, где имел место заметный прирост жителей по сравнению с довоенным временем, была Лида, население которой возросло с 13,1 тыс. в 1913 г. до 26,3 тыс. в 1939 г. Это объясняется положительной динамикой промышленного производства, что также заметно отличало ее от остальных западнобелорусских городов: если в 1927 г. в промышленности Лиды

было занято около 340 человек и по объемам промышленного производства в Новогрудском воеводстве Лида уступала Слониму и Барановичам, то к концу 1930-х гг. здесь трудилось почти 2,7 тыс. промышленных рабочих, а город стал индустриальным центром воеводства [10]. Важнейшей причиной успешного развития Лиды являлось удачное расположение в качестве крупного железнодорожного узла: в 1884 г. через город прошла Вильно-Ровенская железная дорога, в 1907 г. – линия Бологое – Полоцк – Седлец.

В 1913 г. доля городского населения на белорусских землях в целом равнялась 11 % [6, с. 59], в 1921 г. жители западно-белорусских городов в общей численности населения региона составляли 11,3 % (в переписи 1921 г. в качестве городских поселений учитывались все населенные пункты, количество жителей которых превышало 2 тыс. человек, хотя многие из них в действительности не обладали городским статусом [3, с. 219–221], поэтому данные за 1921 г. приведены относительно тех населенных пунктов, которые являлись городами на 1931 г., за исключением не охваченных первой переписью Ошмян и Сморгони [11, с. 30, 71, 94; 12, с. 3, 10, 37, 46, 59, 72, 82; 13, с. 20, 39, 78, 90; 14, с. 3, 21, 30, 34, 43, 51; 15, с. 3; 16, с. 3; 17, с. 2; 18, с. 3]), в 1931 г. – 11,8 % (в т. ч. 21,5 % в Волковыском и Гродненском поветах Белостокского воеводства, 6,1 % в белорусских поветах Виленского воеводства, 9,7 % в Новогрудском и 14,4 % в Полесском воеводстве (без Камень-Каширского повета)) [19, с. 27, 29–31; 20, с. 20; 21, с. 21; 22, с. 12–13].

Как видно, степень урбанизированности края в межвоенные годы продолжала оставаться низкой. Для сравнения, в 1931 г. в Польше в городах проживало 27,2 % населения [23, с. 1]. По переписи 1921 г. население западнобелорусских городов составляло 253 тыс. человек, к 1931 г. эта цифра увеличилась до 378,7 тыс., т. е. примерно в полтора раза. Систематических достоверных данных о динамике изменения численности городского населения на западнобелорусских землях на протяжении 1930-х гг. не выявлено. Можно указать лишь на цифру, приведенную ПВУ со ссылкой на данные городских управлений, по которой в городах Полесского воеводства в 1939 г. проживало 171,8 тыс. человек, т. е. примерно на 15 % больше, чем в 1931 г. [24, с. 63].

Надо учитывать, что в 1920–1930-е гг. количество населенных пунктов с городским статусом в регионе значительно увеличилось: накануне Первой мировой войны их насчитывалось 19 [25, с. 126]. Еще одним источником роста числа городских жителей в межвоенные годы являлось территориальное расширение городов за счет включения в их состав близлежащих деревень. Так, за межвоенный период площадь Гродно увеличилась с 7,1 до 17,8 км² [7, с. 191–192], Бреста – с 5,3 до 25 км² [26, л. 7–9]. При расширении городов принимались во внимание не только экономические, но и политические мотивы. Включение в городскую черту деревень, где преобладали христианские жители, позволяло уменьшить удельный вес еврейского населения, что, могло серьезно влиять, например, на результаты муниципальных выборов. В одном из отчетов городских властей Бреста указывалось, что включение в черту города территории Брестской крепости в 1933 г. «заметно усилило польский элемент и его влияние на городские дела в общественно-политическом отношении» [8, л. 9].

В числе проявлений запаздывания процессов урбанизации на западнобелорусских землях было отсутствие крупных городов. По данным за 1931 г., 18 из 39 западнобелорусских городов насчитывали до 5 тыс. жителей (к примеру, в Одельске Гродненского повета проживало 1 370 человек), население 12 городов составляло от 5 до 10 тыс. человек, 6 городов – от 10 до 25 тыс. Сравнительно крупных городов, чье население превышало 25 тыс., что было основанием для выделения их из повета в отдельную административно-территориальную единицу, было лишь три: Брест (47,5 тыс.), Гродно (48,5 тыс.) и Пинск (32 тыс.) [26, с. 15–16]. Позже в эту категорию вошли Барановичи.

Между мелкими и более крупными городами существовали заметные различия, касавшиеся всех сторон их жизни. Во многих случаях мелкие города считались таковыми лишь в силу формальных предписаний, фактически по количеству и роду занятий населения, характеру застройки они ничем не отличались от окружавших их деревень. Образ жизни основной части их жителей оставался типично сельским. Любые удобства, ассоциирующиеся с городской жизнью: водопровод, канализация, освещение, вымощенные дороги, тротуары и другое – в тех западнобелорусских городах, где

они имелись, охватывали лишь их центральную часть. Незначительные бюджеты мелких городов практически целиком уходили на содержание самих муниципальных органов, которые проявляли минимальную активность в решении хозяйственных и социальных задач. Тяжелая финансовая ситуация, а также недовольство жителей, для которых содержание городских органов было непосильным бременем, стали причиной перевода в разряд сельских населенных пунктов Одельска, Логишина и Шерешево, поднимался вопрос ликвидации городского статуса Высоко-Литовска, Каменец-Литовска, Сморгони и др.

Принципиальным является вопрос о национальной структуре городских жителей, которая резко отличалась от национального состава региона в целом с преобладавшим сельским белорусским населением. Основным источником информации являются результаты польских переписей 1921 и 1931 гг., несмотря на фальсификации, имевшие место в ходе их проведения.

По официальным данным переписи 1921 г., 116,6 тыс. (46,1 %) жителей западно-белорусских городов относили себя к евреям, 99,4 тыс. (39,3 %) – к полякам, 32,3 тыс. (12,8 %) – к белорусам, 3,4 тыс. (1,4 %) – к русским, 0,3 тыс. (0,1 %) – к украинцам. Иудеями по вероисповеданию являлись 139,9 тыс. (55 %), католиками – 60,6 тыс. (24 %), православными – 50,5 тыс. (19,9 %).

Вопрос о национальной принадлежности в переписи 1931 г. не ставился, соответствующая информация отражена в рубриках о родном языке и вероисповедании. В соответствии с ней, 148 тыс. (39,1 %) жителей западнобелорусских городов родным языком считали польский, 142 тыс. (37,5 %) – идиш, 27,1 тыс. (7,2 %) – белорусский, 25,4 тыс. (6,7 %) – иврит, 16,4 тыс. (4,3 %) – русский, 1,1 тыс. (0,3 %) – украинский и др. В качестве родного языка 17,7 тыс. человек (4,7 %) был указан «тутэйший», т. е. местный (перепись 1921 г. в западнобелорусских городах зафиксировала лишь 6 «тутэйших»). Иудейского вероисповедания придерживались 170,8 тыс. (45,1 %) горожан, католического – 126,9 тыс. (33,5 %), православного – 76,3 тыс. (20,2 %).

Сегодня большинство исследователей национальной структуры населения Западной Беларуси в межвоенный период сходятся в том, что при определении национальной принадлежности следует основываться

на декларациях жителей о вероисповедании, а не о национальности или родном языке [27, s. 66; 28, s. 41–43]. Это позволит избежать искажений, связанных с тем, что многие смешивали понятия государственной и национальной принадлежности со стремлением части непольских жителей продемонстрировать лояльность польским властям и избежать возможных преследований с их стороны, указав принадлежность к польской нации или польский язык в качестве родного, прямыми подлогами при проведении переписей и др. Можно считать, что количество польского и еврейского населения соответствовало числу лиц католического и иудейского вероисповедания соответственно, тогда как православными являлись в основном белорусы, русские и украинцы. Такое допущение основывается на том факте, что в условиях несформированности национальной самосознания у большинства жителей региона важнейшим маркером национальной принадлежности выступало вероисповедание. Католическое вероисповедание традиционно воспринималось как указание на принадлежность к польской нации, тогда как православными в большинстве случаев являлись восточнославянские жители. Поскольку не стоит ожидать существенных искажений числа русских, чье национальное самосознание было четко оформленным, а доля среди горожан в любом случае невысока, число белорусов можно определить как разницу между количеством православных и русских и украинцев. В этом случае к ним будут относиться помимо тех, кто по национальности или родному языку значился по официальным результатам переписей как белорусы, также основная часть «тутэйших» и поляки-некатолики. Лица, считавшие родным языком «тутэйший», которые при проведении переписи 1931 г. были зафиксированы исключительно в Полесском воеводстве, говорили на местных диалектах белорусского или украинского языков. Они идентифицировали себя как местные жители, не поднимаясь до осознания своей национальности. Чтобы разделить данную категорию между белорусским и украинским населением, польский историк Е. Томашевский предложил допустить, что соотношение белорусов и украинцев среди «тутэйших» соответствовало их пропорции среди жителей, давших точный ответ относительно родного языка [28, s. 45–47; 29, s. 30–32].

Соответствующие расчеты по отдельным поветам Полесского воеводства позволяют предположить, что среди «тутэйших» приблизительно 16 тыс. человек являлись белорусами и 1,6 тыс. украинцами. Исходя из названных допущений можно считать, что в 1921 г. примерно 55 % жителей западнобелорусских городов являлись евреями, 24 % – поляками, 18,5 % – белорусами, 1,4 % – русскими, 0,1 % – украинцами. В 1931 г. еврейские жители составляли около 45 %, поляки – 33,5%, белорусы – примерно 15 %, русские – 4,3 %, украинцы – 0,7 % и т. д.

Налицо тенденция увеличения удельного веса поляков, связанная в первую очередь с прибытием в регион из этнически польских территорий польских чиновников, интеллигенции, военнослужащих и рабочих, оседавших в основном в городах. Одновременно сократилась доля двух других крупнейших групп населения – евреев и белорусов.

В 1931 г. основным видом деятельности для 12,7 % жителей западнобелорусских городов являлось сельское хозяйство, рыболовство и лесное хозяйство, в промышленности было занято 34,9 % горожан, в торговле и страховании – 17,1 %, коммуникации – 9,4 %, здравоохранении, образовании и культуре – 4,5 %, домашней службе – 2,6 %, к категории государственных и коммунальных служащих, а также священнослужителей относились 7,8 % [19, s. 70, 71; 20, s. 57; 21, s. 63; 22, s. 35]. В регионе имело место достаточно четкое разделение по характеру трудоустройства в зависимости от национальной принадлежности жителей. Наиболее высокооплачиваемую и престижную работу обычно получали поляки, в большинстве случаев прибывавшие из этнически польских регионов государства. Они, как правило, замещали должности в государственной администрации и полиции, на государственных предприятиях, в частно-

сти, на железной дороге и почте, в лесной администрации, а также на крупных фабричных производствах. В мелком кустарном производстве, торговле и ремесле абсолютно преобладали евреи. Поляки и евреи также составляли большинство среди интеллигенции, кроме того в этой группе сравнительно многочисленное представительство было у русских. Белорусы в городах преимущественно занимались земледелием и выполняли не требующую высокой квалификации работу на производстве и в домашнем хозяйстве, среди предпринимателей и интеллигенции их представители были малочисленны.

Заклучение

Таким образом, в статье отражены изменения числа городов и численности их населения в Западной Беларуси в межвоенный период, показано, что на фоне экономической стагнации в регионе большинство городов не смогли преодолеть демографические потери военных лет: в конце межвоенного периода численность их жителей была ниже, чем накануне Первой мировой войны. Одним из проявлений запаздывания процессов урбанизации являлся отсутствие крупных городов и низкий удельный вес городского населения в общей численности населения, который примерно соответствовал довоенному значению, притом что в межвоенный период число населенных пунктов с городским статусом значительно увеличилось, также польские власти активно расширяли административные границы городов за счет включения в их состав прилегающих деревень. Кроме того, представлена оценка национального состава городских жителей западнобелорусских городов, показано, что удельный вес поляков на протяжении 1920–30-х гг. увеличивался, доля двух других крупнейших групп населения, белорусов и евреев, сокращалась.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1.
2. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1927. – № 47. – Poz. 428.
3. Charakter prawny miast w województwach wschodnich // Kwartalnik statystyczny. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1925. – Z. 1. – S. 219–221.
4. Гісторыя Беларусі : у 6 т. – Мінск : Экаперспектыва. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.] 2005. – 519 с.
5. Studnicki, W. Kolonizacja i rozwój gospodarczy naszego Wschodu / W. Studnicki. – Warszawa : Wydaw. T-wa Straży Kresowej, 1921. – 26 s.

6. Шыбека, З. В. Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў) / З. В. Шыбека. – Мінск : ЭўроФорум, 1997. – 292 с.
7. Milewski, J. J. Grodno – miasto i ludność w okresie międzywojennym / J. J. Milewski // Grodno w XVIII wieku. Miasto i ludność (na tle trendów rozwojowych od średniowiecza do 1939 roku) ; pod red. A. Woltanowskiego i J. Urwanowicza. – Białystok : In-t Historii Filia UW, 1997. – S. 189–206.
8. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 1022.
9. ГАБр. – Ф. 2005. Оп. 1. Д. 126.
10. Ciechanowicz, L. Przemysł ludzki w dwudziestoleciu międzywojennym [Zasób elektroniczny] / L. Ciechanowicz // Ziemia Lidzka. – 2000. – № 1. – Tryb dostępu: http://pawet.net/zl/zl/2000_41/5.html. – Data dostępu: 15.06.2022.
11. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. V. Województwo Białostockie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1924. – 147 s.
12. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. VII. Cz. I. Województwo Nowogródzkie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1923. – 123 s.
13. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. VII. Cz. II. Ziemia Wileńska. Powiaty: Brasław, Duniłowicze, Dzisna i Wilejka. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1923. – 117 s.
14. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. VIII. Województwo Poleskie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1924. – 82 s.
15. Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 września 1921 roku. Mieszkania. Ludność. Stosunki zawodowe. Okręg Administracyjny Wileński. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1927. – 574 s.
16. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Białostockie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1927. – 272 s.
17. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Nowogródzkie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1926. – 208 s.
18. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Poleskie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1926. – 252 s.
19. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Białostockie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1938. – 381 s.
20. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Nowogródzkie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1938. – 238 s.
21. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Poleskie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1938. – 282 s.
22. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Wileńskie bez miasta Wilna. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1936. – 164 s.
23. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Polska. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1938. – 73 s.
24. Polski stan posiadania na Polesiu. – Brześć n/B., 1939.
25. Польскі, С. Нарысы геаграфіі гарадоў Беларускай ССР (1917–1941 гг.) / С. Польскі. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1973. – 136 с.
26. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Nieruchomości i budynki w miastach. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1935. – 59 s.
27. Eberhardt, P. Polska ludność kresowa. Rodowód, liczebność, rozmieszczenie / P. Eberhardt. – Warszawa : PWN, 1998. – 241 s.
28. Tomaszewski, J. Ojczyzna nie tylko Polaków. Mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939 / J. Tomaszewski. – Warszawa : Młodzieżowa Agencja Wydawnicza, 1985. – 224 s.
29. Tomaszewski, J. Rzeczpospolita wielu narodów / J. Tomaszewski. – Warszawa : Czytelnik, 1985. – 285 s.

REFERENCES

1. Gosudarstviennyj arkhiv Briestsoj oblasti (GABr). – F. 2001. Op. 1. D. 1.
2. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1927. – № 47. – Poz. 428.
3. Charakter prawny miast w województwach wschodnich // Kwartalnik statystyczny. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1925. – Z. 1. – S. 219–221.

4. Historyja Bielarusi : u 6 t. – Minsk : Ekapierspiektyva. – T. 4 : Bielarus' u skladzie Rasijskaj impieri (kaniec XVIII – pachatak XX st.) / redkal.: M. Kasziuk (hal. red.) [i insh.]. – 2005. – 519 s.
5. Studnicki, W. Kolonizacja i rozwój gospodarczy naszego Wschodu / W. Studnicki. – Warszawa : Wydaw. T-wa Straży Kresowej, 1921. – 26 s.
6. Shybieka, Z. V. Harady Bielarusi (60-ja hady XIX – pachatak XX stahoddziau) / Z. V. Shybieka. – Minsk, 1997. – 292 s.
7. Milewski, J. J. Grodno – miasto i ludność w okresie międzywojennym / J. J. Milewski // Grodno w XVIII wieku. Miasto i ludność (na tle trendów rozwojowych od średniowiecza do 1939 roku) ; pod red. A. Woltanowskiego i J. Urwanowicza. – Białystok : In-t Historii Filia UW, 1997. – S. 189–206.
8. GABr. – F. 1. Op. 1. D. 1022.
9. GABr. – F. 2005. Op. 1. D. 126.
10. Ciechanowicz, L. Przemysł ludzki w dwudziestoleciu międzywojennym [Zasób elektroniczny] / L. Ciechanowicz // Ziemia Lidzka. – 2000. – № 1. – Tryb dostępu: http://pawet.net/zl/zl/2000_41/5.html. – Data dostępu: 15.06.2022.
11. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. V. Województwo Białostockie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1924. – 147 s.
12. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. VII. Cz. I. Województwo Nowogródzkie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1923. – 123 s.
13. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. VII. Cz. II. Ziemia Wileńska. Powiaty: Brasław, Duniłowicze, Dżisna i Wilejka. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1923. – 117 s.
14. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. VIII. Województwo Poleskie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1924. – 82 s.
15. Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 września 1921 roku. Mieszkania. Ludność. Stosunki zawodowe. Okręg Administracyjny Wileński. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1927. – 574 s.
16. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Białostockie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1927. – 272 s.
17. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Nowogródzkie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1926. – 208 s.
18. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Poleskie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1926. – 252 s.
19. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Białostockie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1938. – 381 s.
20. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Nowogródzkie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1938. – 238 s.
21. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Poleskie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1938. – 282 s.
22. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Wileńskie bez miasta Wilna. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1936. – 164 s.
23. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. Polska. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1938. – 73 s.
24. Polski stan posiadania na Polesiu. – Brześć n/B., 1939.
25. Pol'ski, S. Narisy hieahrafiï haradoy Bielaruskaj SSR (1917–1941 hh.) / S. Pol'ski. – Minsk : Vyd-va BDU, 1973. – 136 s.
26. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Nieruchomości i budynki w miastach. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1935. – 59 s.
27. Eberhardt, P. Polska ludność kresowa. Rodowód, liczebność, rozmieszczenie / P. Eberhardt. – Warszawa : PWN, 1998. – 241 s.
28. Tomaszewski, J. Ojczyzna nie tylko Polaków. Mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939 / J. Tomaszewski. – Warszawa : Młodzieżowa Agencja Wydawnicza, 1985. – 224 s.
29. Tomaszewski, J. Rzeczpospolita wielu narodów / J. Tomaszewski. – Warszawa : Czytelnik, 1985. – 285 s.

УДК 343.82 (476)

Сергей Николаевич Чайкин

канд. ист. наук, преподаватель каф. правовых дисциплин

Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Sergey Chaikin

candidate of History, lecturer in the Department of Legal Disciplines

of Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

e-mail: chaikina9@gmail.com

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТЮРЬМАХ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. – 1870-х гг.

На основе изучения архивных данных исследуется процесс организации трудовой деятельности заключенных в тюрьмах на белорусских землях во второй четверти XIX в. – 1870-х гг.. Оценивается значение в развитии труда осужденных региональных подразделений общероссийской благотворительной организации – «Общества попечительного о тюрьмах». Исследуются основные направления организации труда заключенных на белорусских землях до тюремной реформы 1879 г. – осуществление работ в тюремных мастерских, а также работ, которые выполняли осужденные за пределами тюрем. Определяются причины, сдерживавшие развитие труда заключенных в тюрьмах.

Ключевые слова: Российская империя, белорусские земли, места лишения свободы, смотритель тюремного замка, арестантские работы, тюремные мастерские, «Общество попечительное о тюрьмах».

Organization of Work Activities of Prisoners in Prisons on Belarusian Lands in the Second Quarter of XIX Century – 1870s

Based on the study of archival data, the process of organizing prisoners' labor in prisons on Belarusian lands in the second quarter of the XIX century – 1870s is investigated. The importance of the all-Russian charity organization is assessed – «Prison Guardianship Society» in the development of the work of convicted. The main directions of organizing the work of prisoners on Belarusian lands before the prison reform of 1879 are examined – the implementation of work in prison workshops, as well as work performed by convicts outside prisons, and the reasons that restrained the development of the work of prisoners in prisons are determined.

Key words: the Russian Empire, the Belarusian lands, the prison system, a warder of a prison castle, the prisoners works, the prison workshops, the «Prison Guardianship Society».

Введение

Трудовая деятельность заключенных получила законодательное и организационное оформление, а также практическое развитие после тюремной реформы 1879 г. Вместе с тем начало регламентации пенитенциарным законодательством труда осужденных и первый опыт организации «арестантских работ» в Российской империи отмечены во второй четверти XIX в. – 1870-х гг. Организации трудовой деятельности заключенных в тюрьмах Российской империи со второй четверти до конца XIX в. были посвящены работы российских ученых как начала XX в. (С. К. Гогеля, Н. Ф. Лучинского, В. Н. Никитина, С. В. Познышева, Я. И. Фойницкого), так и современных (М. Г. Деткова, А. Г. Лисина, И. В. Упорова). Проблеме организации трудовой деятельности заключенных в Гродненской тюрьме была посвящена работа белорусского исследователя В. М. Лисицына. Однако комплексных ис-

следований процесса привлечения осужденных к труду на белорусских землях со второй четверти до конца XIX в. не проводилось.

Основная часть

Становление пенитенциарной системы на землях Беларуси во второй четверти XIX – начале XX в. наряду с обеспечением в местах лишения свободы соответствующих режимов отбывания наказания сопровождалось организацией привлечения заключенных к труду, или, по определению правовых актов того времени, «к арестантским работам». До конца XVIII в. труд осужденных являлся составной частью карательной политики государства и предназначался лишь для извлечения из него экономической выгоды. С начала XIX в. под влиянием научных идей и практического развития пенитенциарных систем стран Западной Европы основной целью привлечения осужденных к труду в Российской им-

перии впервые было определено исправление заключенных и приобщение их к законопослушному образу жизни после освобождения.

Юридически эта цель была определена учрежденной 19 июля 1819 г. негосударственной общероссийской благотворительной организацией – «Обществом попечительным о тюрьмах» (далее – «Общество»), которой с начала XIX в. была передана часть функций по управлению местами лишения свободы. В учредительном документе «Общества» – «Правилах для попечительного общества о тюрьмах» – отмечалось, что «обращение тюрем в дома работы есть великое средство к исправлению», поскольку именно праздность бывает «причиной большей части преступлений, соделываемых низшим классом людей» [1, с. 310]. Во второй четверти XIX в. необходимость привлечения осужденных к труду для их исправления, а также основы организации арестантских работ были определены и пенитенциарным законодательством Российской империи.

В отличие от большинства губерний Российской империи, где со второй четверти XIX в. были учреждены рабочие дома и арестантские роты гражданского ведомства, в которых наряду с тюрьмами осужденные также привлекались к труду, на белорусских землях система этих мест заключения создана не была. Исправительные арестантские отделения в регионе до открытия в 1908 г. Ошмянского исправительного отделения также не функционировали. В то же время в арестных домах, система которых на землях Беларуси была образована в конце XIX в., в соответствии с законом «О временных правилах, касательно помещений для подвергаемых аресту по приговорам мировых судов», «занятие арестантов работами» предусматривалось «лишь по их собственному желанию» [2, с. 878]. Поэтому со второй четверти XIX до начала XX в. развитие «арестантских работ» на белорусских землях происходило в тюрьмах.

Основы организации тюремного труда были регламентированы пенитенциарным законодательством начала 1830-х гг. «Инструкция смотрителю губернского тюремного замка» определяла цели привлечения осужденных к труду – «приучение их к порядку, подчиненности и повиновению,

дабы по возвращению в общество сделались они полезными сами себе и семействам своим и клонились бы к исправлению нравственности и привычке трудиться» [3, л. 16]. Для улучшения производительности труда заключенных «Инструкция» предписывала назначать осужденным работы с учетом их пола, возраста, физического состояния и «ремесла, к которому они были способны».

Определение видов работ осуществлялось по сословной принадлежности осужденных. Для «чиновных лиц» предусматривалось лишь «клеение пакетов, картонок и других общеупотребительных вещей», а для основного состава «арестантов простых сословий» был предусмотрен обширный перечень рекомендуемых работ, в качестве которых определялись «портное, сапожное, столярное, слесарное и токарное мастерство, плотничные и земляные работы, пиление досок, шлифование камня, рубка дров, плетение канатов, корзин и лаптей, трепание пеньки, шерсти и льна, а также занятия по содержанию чистоты во дворах» [3, л. 16–17].

Для стимулирования труда осужденных им начислялась заработная плата в размере двух третей от суммы, полученной от выполняемых работ. При этом одну половину этой суммы заключенному разрешалось использовать на собственные нужды при отбывании им наказания, а вторая половина этих денег выдавалась ему после освобождения. Для развития «арестантских работ» треть от суммы заработанных осужденными денежных средств поступала в распоряжение смотрителя тюремного замка «для покупки инструментов, материалов и на содержание работ» [3, л. 17]. С целью предотвращения злоупотреблений при привлечении осужденных к работам «Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею» 1832 г. «начальникам, в ведомстве коим состоят арестанты» запрещал «употреблять их в работы для собственной своей пользы, в противном случае они подвергались взысканиям» [4, с. 379].

Однако, несмотря на правовую регламентацию «арестантских работ», незначительная роль тюремного заключения в системе уголовных наказаний Российской империи, получение государством экономической выгоды за счет использования труда осужденных к каторжным работам и содержание в тюрьмах значительного количества

подследственных, не подлежавших привлечению к труду, обусловили отсутствие в пенитенциарном законодательстве 1830-х гг. определения труда осужденных к тюремному заключению в качестве обязательного, а также определения продолжительности рабочего времени для осужденных и порядка поступления заработанных ими денежных средств в государственную казну. В результате распространенным явлением при организации труда заключенных в тюрьмах Российской империи стало привлечение осужденных к труду лишь по собственному их желанию [5, с. 17].

Сдерживалось развитие труда заключенных и отсутствием в Министерстве внутренних дел структурных подразделений, предназначенных для осуществления централизованного руководства «арестантскими работами». Не были предусмотрены функции по организации труда заключенных и на местном уровне, в первую очередь губернаторами. В качестве направления деятельности тюрем, которая подлежала обязательному руководству и контролю со стороны губернаторов, регламентировавшим их деятельность «Общим наказом гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 г. организации труда осужденных не определялась. Обязанность непосредственной организации «арестантских работ» возлагалась на смотрителей тюремных замков, которые при отсутствии в штате тюремной администрации служащих, ответственных за это направление деятельности, не могли обеспечить качественного привлечения осужденных к труду.

В условиях несовершенства системы управления тюрьмами, не позволявшей организовать в них качественного осуществления «арестантских работ», со второй четверти XIX в. к организации труда осужденных были привлечены структурные подразделения – губернские комитеты и уездные отделения «Общества». Как отмечалось в ведомственных циркулярах, «нравственное исправление арестантов есть не только обязанность тюремного начальства, но и Попечительских комитетов, которые должны стараться, чтобы арестанты были заняты работами» [6, л. 2]. Это положение вошло в учрежденный 7 ноября 1851 г. Устав «Общества», в соответствии с которым «особенной заботливости комитетов и отделений

Общества» подлежало «занятие арестантов приличными их званию, полу и возрасту работами и разными рукоделиями за вознаграждение» [7, с. 101].

Со второй четверти XIX в. на белорусских землях комитеты «Общества» начали развитие «внешних арестантских работ», в основном сельскохозяйственных, производимых заключенными за пределами тюрем, для чего в аренду были взяты расположенные возле Витебской и Минской тюрем участки земли, на которых осужденные занимались огородничеством [8, л. 23; 9, с. 572]. К работам на тюремном огороде привлекались и заключенные Гродненской тюрьмы [10, с. 105]. Выводились осужденные и на другие работы. Например, с середины XIX в. Минским комитетом «Общества» были организованы работы осужденных по насыпке земляных валов вокруг кладбищ и ремонту мостовых, а Гродненским комитетом – подсобные работы при строительстве общественных зданий, работы по заготовке дров для частных лиц и по уборке городских улиц [11, с. 10; 10, с. 124–125]. Работы заключенных по очистке городских площадей, дворов и улиц проводились и в некоторых уездных тюрьмах [12, л. 2].

Осуществлялось комитетами «Общества» и развитие труда заключенных в тюремных мастерских. Для этого на средства губернских комитетов в тюрьмах Российской империи были организованы работы по изготовлению и ремонту «арестантской» одежды и обуви, производству сукна и холста, плетению лаптей и веревок, изготовлению мешков [9, с. 572].

В губернских тюрьмах на белорусских землях в основном осуществлялись помол муки на ручных мельницах, выпечка хлеба, а также починка одежды и обуви для заключенных [11, с. 18–19; 10, с. 123; 13, л. 6]. Иногда комитеты «Общества» организовывали и другие виды работ. Например, в 1850-х гг. в Гродненской тюрьме осужденные занимались изготовлением деревянной посуды, а в 1870-х гг. – распиловкой древесины, столярными работами, производством «арестантской» одежды и обуви и изготовлением перевязочного материала – корпии [10, с. 123, 218, 219]. В Минской тюрьме заключенные привлекались к изготовлению веревочных матов [11, с. 18].

Однако со второй половины XIX в. развитие труда заключенных в большинстве тюрем на белорусских землях прекратилось. Одной из причин этого являлась недостаточная для надзора за работами заключенных штатная численность тюремных надзирателей. В то же время управленческие полномочия в отношении осуществлявших охрану осужденных рядовых внутренней стражи как у начальников тюрем, так и у руководства комитетов «Общества» отсутствовали, а офицеры внутренней стражи не только отказывались привлекать рядовых к надзору за заключенными, но иногда даже препятствовали проведению внешних работ. Например, в апреле 1840 г. проверявший службу в Гродненской тюрьме командир местного войскового батальона после вывода заключенных смотрителем тюрьмы на внешние работы по заготовке дров для недопущения отвлечения служащих внутренней стражи от надзора за осужденными в тюрьме водворил заключенных обратно в камеры и запретил выводить их на работы [14, л. 30].

Со второй половины XIX в. на белорусских землях начали сокращаться даже объемы сельскохозяйственных работ, в связи с чем к концу 1870-х гг. администрация Минской тюрьмы была вынуждена сдать тюремный огород в аренду подрядчику, а из уездных мест лишения свободы Минской губернии осуществление сельскохозяйственных работ продолжалось лишь в Новогрудской и Слуцкой тюрьмах [11, с. 21; 15, л. 9, 33]. Кроме работ на тюремных огородах, внешние работы по уборке улиц, заготовке дров и переноске грузов осуществлялись только в Игуменской, Речицкой и Мозырской тюрьмах [15, л. 6, 13, 25].

Негативно влияла на развитие арестантских работ и низкая производительность труда заключенных. У большинства осужденных – представителей крестьянского сословия, отсутствовали профессиональные навыки, необходимые для работ в тюремных мастерских, а назначение им незначительных сроков тюремного заключения не позволяло осужденным научиться за время отбывания наказания каким-либо ремеслам. В то же время работа заключенных, не требующая особых навыков, практически не приносила прибыли.

С 1830 по 1867 г. суммы заработка осужденных всех тюрем Российской империи составляли от 6 611 до 17 356 руб. в год [9, с. 576]. Незначительными были и суммы заработанных осужденными средств на белорусских землях: в 1839 г. в Гродненской тюрьме осужденные зарабатывали всего 2 руб. 25 коп. в месяц [14, л. 21, 24]. Однако только на продовольственное обеспечение заключенных Витебского тюремного замка в 1833 г. было израсходовано 6 429 руб., а на питание заключенных Гродненской тюрьмы в 1858 г. – 8 000 руб. [16, л. 123; 10, с. 105]. Низкие заработки заключенных обусловили отсутствие их заинтересованности в результатах своего труда, что еще более снижало его производительность. Как отмечал правовед Н. Ф. Лучинский, в силу указанных обстоятельств «арестантам нельзя было поручить работы, требующие большого физического напряжения, усидчивости либо постоянного внимания» [17, с. 104].

Эти проблемы были актуальны и для региональных тюрем. Например, работы на тюремных огородах, принадлежавших Минской тюрьме, во второй половине XIX в. были прекращены из-за того, что «арестанты работали на них неаккуратно и крали овощи, что вводило комитет “Общества попечительного о тюрьмах” в убыток» [11, с. 19]. Организованные в тюрьме с 1837 г. работы по помолу ржаной муки на ручных мельницах также были прекращены в связи с тем, что «арестанты, тяготясь этой нелегкой работой, умышленно портили мельницы», которые администрация тюрьмы вынуждена была в 1852 г. продать [11, с. 19].

Попыткой организовать труд осужденных путем привлечения их в тюремных мастерских к работам, не требующим профессиональных навыков, стал проект установки в губернских тюрьмах т. н. «ступальных мельниц», распространенных к этому времени в странах Западной Европы и приводимых в движение мускульной силой (ногами) заключенных. К работам на мельницах могли одновременно привлекаться более 20 осужденных. Циркуляром от 11 декабря 1834 г. МВД предписало губернаторам «обеспечить устройство этих мельниц в подведомственных им тюрьмах», указав, что их использование их в Англии и Ирландии позволило снизить затраты на содержание заключенных более чем в два раза.

В циркуляре отмечалось, что «мельницы эти могли использоваться не только для помола муки, но и для валяния сукна, толчения крупы и дробления соли», а работы на мельницах «способствовали бы приведению к повиновению и покорности самых буйных и строптивых арестантов, большей частью не знающих мастерства» [18, л. 25]. В 1835 г. была предпринята попытка организации работ заключенных на ступальных мельницах в Гродненской и Витебской тюрьмах, для чего на местах были составлены соответствующие чертежи. Однако в 1838 г. в Гродненской тюрьме, а в 1839 г. – и в Витебской тюрьме строительство мельниц было прекращено в связи с отсутствием места для их установки, а также, как отмечалось в докладах смотрителей тюрем местным властям, «из-за «потребности для этого значительных издержек» и отсутствия денежных средств [10, с. 124; 6, л. 2].

Однако наиболее негативно на развитие «арестантских работ» со второй половины XIX в. повлиял рост численности в тюрьмах заключенных, обусловленный отменой крепостного права, определившей подсудность помещичьих крестьян государственным учреждениям, и определением «Уложением о наказаниях» 1845 г. приоритета назначения наказаний, связанных с лишением свободы. Переполненность тюрем на белорусских землях не позволяла размещать в них производственные мастерские, а денежных средств на постройку новых тюремных мастерских ни в государственной казне, ни в капиталах комитетов «Общества» не хватало. Например, в 1840-х г. на предписание гродненских властей «о занятии арестантов работами» четыре из шести уездных тюремных отделений «Общества» доложили, что «необходимыми для этого денежными средствами они не располагают» [14, л. 17].

К концу 1860-х гг. во всей Российской империи действовало всего 29 тюремных мастерских, организованных «Обществом», а в 1870-х гг., «отсутствие помещений для мастерских составило в тюрьмах почти повсеместное явление, и даже там, где в прежнее время существовали мастерские, их приходилось закрывать и обращаться в жилые помещения» [9, с. 576, 572; 5, с. 7].

Актуальной данная проблема являлась и для белорусских земель, в связи с

чем чиновники местных комитетов «Общества» сообщали властям, что «поскольку тюремные замки наполняются беспрестанно арестантами, возможности изыскать особых для работ комнат у них не имеется» и «за недостатком помещений дальнейшие попытки к заведению мастерских будут отложены до более удобного времени» [14, л. 21; 11, с. 22].

К началу тюремной реформы в Гродненской губернии мастерские продолжали действовать лишь в губернской тюрьме, где заключенные привлекались к распиловке древесины, а также к производству одежды и обуви для заключенных [10, с. 220]. В остальных тюрьмах Гродненской губернии осужденные привлекались лишь к хозяйственным работам для нужд тюрьмы: мытью полов, доставке воды, заготовке дров, починке «арестантской» одежды и обуви [10, с. 98].

В Минской губернии мастерские действовали лишь в трех тюрьмах, причем в Борисовской и Слуцкой тюрьмах заключенные занимались плетением лаптей, а также починкой деревянной посуды и мебели лишь для нужд тюрьмы, и только в Игуменской тюрьме осужденные изготавливали столярные и бондарные изделия на продажу [15, л. 11, 25, 33]. В большинстве же уездных тюрем заключенные не привлекались даже к выпечке хлеба, и местные власти «для прокормления арестантов» были вынуждены закупать его у подрядчиков, отмечая, что в уездных тюрьмах «арестанты никакими работами как не занимались, так и не занимаются» [14, л. 27].

Заключение

Таким образом, со второй четверти XIX в. создание системы мест лишения свободы на белорусских землях сопровождалось началом развития труда заключенных, организованного губернскими комитетами «Общества».

Во второй четверти XIX в. – 1870-х гг. пенитенциарным законодательством были регламентированы основы организации трудовой деятельности осужденных, началась организация деятельности тюремных мастерских, а также работ заключенных за пределами тюрем. Однако в связи с отсутствием в структуре управления тюрьмами органов, предназначенных для организации труда осужденных, недостаточным для привле-

чения заключенных к труду штатом тюремных надзирателей, отсутствием у начальников тюрем полномочий для привлечения военнослужащих внутренней стражи к надзору за трудом заключенных, отсутствием возможности открытия в переполненных местах лишения свободы производственных мастерских к концу 1870-х гг. в боль-

шинстве тюрем как на белорусских землях, так и в Российской империи в целом привлечение заключенных к труду прекратилось, что вызвало необходимость совершенствования организации труда осужденных и явилось одной из причин тюремной реформы 1879 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об учреждении в России Попечительного общества о тюрьмах : Высочайше утвержденный доклад министра Духовных дел и народного просвещения, 19 июля 1819 г., № 27895 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 36 : 1819. – С. 306–314.
2. О временных правилах касательно помещений для подвергаемых аресту по приговорам мировых судей : мнение Гос. совета, 4 июля 1866 г., № 43458 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 : в 55 т. – СПб., 1868. – Т. 41, отд. 1. – С. 876–879.
3. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка и планы Витебского тюремного замка // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2648. Оп. 1. Д. 2.
4. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный, изд. 1836 г. : в 15 т. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. – Т. 14 : Уставы благочиния. – 1325 с.
5. Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления: 1879–1889 гг. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1890. – 115 с.
6. Дело об использовании заключенных Витебской губернии на различных работах // НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 7880.
7. Устав «Общества попечительного о тюрьмах» : Сенат. указ, 7 нояб. 1851 г., № 25725 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 : в 55 т. – СПб., 1852. – Т. 26, отд. 1. – С. 97–106.
8. Отчет Минского гражданского губернатора о состоянии губернии за 1832 г. // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 322.
9. Никитин, В. Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времен возникновения русской тюрьмы до наших дней (1560–1880 гг.) / В. Н. Никитин. – СПб. : Тип. г. Шпарварт, 1880. – 797 с.
10. Лисицын, В. М. За тюремной стеной: история Гродненской тюрьмы (XIX век – 1939) / В. М. Лисицын. – Гродно : Гродн. тип., 2003. – 352 с.
11. Мудров, М. А. Материалы, касающиеся деятельности Минского комитета попечительства о тюрьмах, со времени его существования / М. А. Мудров. – Минск : Губерн. вед., 1869. – 34 с.
12. Дело о привлечении заключенных к уборке городских улиц в 1843–1844 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 37. Оп. 1. Д. 118.
13. Описи дел, книг и планов Витебского тюремного замка // НИАБ. – Ф. 2648. Оп. 1. Д. 1.
14. Дело об обеспечении работами заключенных губернии в 1838–1840 гг. // НИАБ в Гродно. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 17.
15. Дело о развитии арестантского труда в тюрьмах Минской губернии // НИАБ. – Ф. 29. Оп. 1. Д. 431.
16. Акты ревизий тюрем и больниц Витебской губернии чиновником особых поручений камер-юнкером Шишко // НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5287.
17. Лучинский, Н. Ф. Основы тюремного дела / Н. Ф. Лучинский. – СПб. : Изд-во журн. «Тюрем. вестн.», 1904. – 179 с.
18. Циркуляры МВД о введении принудительного труда в тюрьмах // НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 8542.

REFERENCES

1. Ob uchriezhdenii v Rossii Popiechitel'nogo obshchestva o tiur'makh : Vysochajshe utvierzhdionnyj doklad ministra Dukhovnykh diel i narodnogo prosvieshchienija, 19 ijulia 1819 g., № 27895 // Polnoje sobranije zakonov Rossijskoj impierii. Sobr. 1 : v 45 t. – SPb., 1830. – T. 36 : 1819. – S. 306–314.
2. O vriemiennykh pravilakh kasatiel'no pomieshchenij dlja podviergajemykh ariestu po prigovoram mirovykh sudiej : mnienije Gos. sovieta, 4 ijulia 1866 g., № 43458 // Polnoje sobranije zakonov Rossijskoj impierii. Sobr. 2 : v 55 t. – SPb., 1868. – T. 41, otd. 1. – S. 876–879.
3. Instrukcija smotritieliu gubernskogo tiuriemnogo zamka i plany Vitebskogo tiuriemnogo zamka // Nacional'nyj istorichieskij arkhiv Bilarusi (NIAB). – F. 2648. Op. 1. D. 2.
4. Svod zakonov Rossijskoj impierii, povielienijem Gosudaria Impieratora Nikolaja Piervogo sostavliennyj, izd. 1836 g. : v 15 t. – SPb. : Tip. Vtorogo Otdielienija Sobstviennoj J. I. V. Kanceliarii, 1836. – T. 14 : Ustavy blagochinija. – 1325 s.
5. Obzor diesiatiletnej diejatiel'nosti Glavnogo tiuriemnogo upravlienija: 1879–1889 gg. – SPb. : Tip. M-va vnutr. diel, 1890. – 115 s.
6. Dielo ob ispol'zovanii zakliuchionnykh Vitebskoj gubernii na razlichnykh rabotakh // NIAB. – F. 1430. Op. 1. D. 7880.
7. Ustav «Obshchestva popiechitel'nogo o tiur'makh» : Sienat. ukaz, 7 nojab. 1851 g., № 25725 // Polnoje sobranije zakonov Rossijskoj impierii. Sobr. 2 : v 55 t. – SPb., 1852. – T. 26, otd. 1. – S. 97–106.
8. Otchiot Minskogo grazhdanskogo gubernatora o sostojanii gubernii za 1832 g. // NIAB. – F. 295. Op. 1. D. 322.
9. Nikitin, V. N. Tiur'ma i ssylka. Istorichieskoje, zakonodatiel'noje, administrativnoje i bytovoje polozhenije zakliuchionnykh, pieriesyl'nykh, ikh dietiej i osvobozhdionnykh iz-pod strazhi so vremion vzniknovenija russkoj tiur'my do nashikh dneij (1560–1880 gg.) / V. N. Nikitin. – SPb. : Tip. g. Shparvart, 1880. – 797 s.
10. Lisicyn, V. M. Za tiuriemnoj stienoj: istorija Grodnienskoj tiur'my (XIX vek – 1939) / V. M. Lisicyn. – Grodno : Grodn. tip., 2003. – 352 s.
11. Mudrov, M. A. Materialy, kasajushchiesia diejatiel'nosti Minskogo komiteta popiechitel'stva o tiur'makh, so vremieni jego sushchestvovanija / M. A. Mudrov. – Minsk : Gubern. vied., 1869. – 34 s.
12. Dielo o privliechienii zakliuchionnykh k uborke gorodskikh ulic v 1843–1844 gg. // Nacional'nyj istorichieskij arkhiv Bielarusi v Grodno (NIAB v Grodno). – F. 37. Op. 1. D. 118.
13. Opisi diel, knig i planov Vitebskogo tiuriemnogo zamka // NIAB. – F. 2648. Op. 1. D. 1.
14. Dielo ob obiespiechienii rabotami zakliuchionnykh gubernii v 1838–1840 gg. // NIAB v Grodno. – F. 37. Op. 1. D. 17.
15. Dielo o razvitii ariestantskogo truda v tiur'makh Minskoj gubernii // NIAB. – F. 29. Op. 1. D. 431.
16. Akty rievizij tiuriem i bol'nic Vitebskoj gubernii chinovnikom osobykh poruchienij kamier-junkierom Shishko // NIAB. – F. 1297. Op. 1. D. 5287.
17. Luchinskij, N. F. Osnovy tiuriemnogo diela / N. F. Luchinskij. – SPb. : Izd-vo zhurn. «Tiuriem. viestn.», 1904. – 179 s.
18. Cirkuliary MVD o vviedienii prinuditel'nogo truda v tiur'makh // NIAB. – F. 1297. Op. 1. D. 8542.

УДК [94(476) + 355.231.1(476.7)(091)]«1842/1863»

Аляксандр Уладзіміравіч Ерашэвіч

канд. гіст. навук, дац., дац. каф. эканамічнай гісторыі
Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта

Aliaksandr Yerashevich

Candidate of Historical Sciences (Ph.D in History), Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economic History
of the Belarusian State Economic University
e-mail: erash06@rambler.ru

ФІНАНСАВАЕ ЗАБЕСПЯЧЭННЕ ДЗЕЙНАСЦІ БРЭСЦКАГА КАДЭЦКАГА КОРПУСА

Артыкул прысвечаны фінансаванню забеспячэнню дзейнасці і грашоваму ўтрыманню Брэсцкага кадэцкага корпуса. На аснове разнастайных апублікаваных матэрыялаў і неапублікаваных архіўных дакументаў раскрыты крыніцы фарміравання даходаў, разгледжаны спосабы іх выкарыстання, прыведзены колькасныя паказчыкі, ахарактарызаваны склад і структура выдаткаў Брэсцкага кадэцкага корпуса за ўвесь перыяд яго існавання ў 1842–1863 гг.

Ключавыя словы: Расійская імперыя, Брэст, кадэцкія корпусы, даходы, выдаткі, фінансаванне.

Financial Support for the Activities of the Brest Cadet Corps

This article is devoted to the financial support of the activities and monetary maintenance of the Brest Cadet Corps. On the basis of the extensive published literature and unpublished archival data, the sources of income formation are disclosed, the ways of their use are considered, the quantitative indicators, composition, and structure of expenses of the Brest Cadet Corps for the period of its existence in 1842–1863 are given.

Key words: Russian Empire, Brest, cadet Corps, income, expenses, financing.

Уводзіны

Вывучэнне дынамікі працэсу фінансавання розных па прызначэнні дзяржаўных устаноў і арганізацый перыяду ўваходжання беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі адносіцца да актуальных пытанняў беларускай гістарычнай навукі. У сучаснай беларускай гістарыяграфіі Брэсцкаму кадэцкаму корпусу прысвечаны некалькі навуковых даследаванняў, у якіх уздымаліся асобныя аспекты яго шматграннай гісторыі. У артыкуле С. Я. Куль-Сяльверставай ахарактарызаваны ўмовы навучання і знаходжання ў ім кадэтаў [1]. Нарыс гісторыі гэтай ваенна-навучальнай установы прадстаўлены ў [2], дзе распавядаецца аб падрыхтоўчых мерапрыемствах да адкрыцця Брэсцкага кадэцкага корпуса, разгледжаны яго кадравы афіцэрскі склад, прааналізаваны асаблівасці арганізацыі вучэбнага і выхаваўчага працэсу, прыведзены звесткі аб удзеле кадэтаў у грамадска-палітычным жыцці краю, а яго выпускнікоў у антыўрадавай дзейнасці ў імператарскай Расіі. Тым не менш асобныя аспекты тэмы яшчэ чакаюць больш падрабязных, глыбокіх навуковых даследаванняў з прыцягненнем новых фактычных звестак з

разнастайных крыніц, у тым ліку архіўных. Адным словам, айчынныя вучоныя не звярталі належнай увагі на фінансавое забеспячэнне дзейнасці Брэсцкага кадэцкага корпуса, таму гэты аспект навуковай праблемы ўяўляе сёння навуковую цікавасць. Наспела патрэба ў высвятленні механізму фарміравання, напрамкаў і тэндэнцыяў выкарыстання фінансавых сродкаў для стварэння больш поўнага і ўсебаковага ўяўлення аб гісторыі гэтай ваенна-навучальнай установы.

Мэта працы заключаецца ў тым, каб на аснове сістэматызаваных і абагуленых разнастайных апублікаваных і неапублікаваных гістарычных матэрыялаў раскрыць крыніцы фарміравання даходаў, разгледзець спосабы іх выкарыстання, ахарактарызаваць фарміраванне арганізацыйна-штатнай структуры, выявіць колькасць, структуру і дынаміку выдаткаў Брэсцкага кадэцкага корпуса за ўвесь час яго існавання ў 1842–1863 гг.

Для дасягнення мэты выкарыстаны як апублікаваныя нарматыўна-прававыя акты, так і пераважна неапублікаваныя афіцыйна-справодныя дакументы з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў Мін-

ску і Гродне, Дзяржаўнага гістарычнага архіва Літвы ў Вільнюсе, а таксама разнастайных статыстычных матэрыялаў.

Брэсцкі кадэцкі корпус – гэта сярэдняя ваенна-навучальная ўстанова закрытага тыпу для падрыхтоўкі дзяцей дваран, штаб- і обер-афіцэраў ва ўзросце ад 9 з паловай да 11 з паловай гадоў да ваеннай службы. У розныя гады корпус меў розныя афіцыйныя назвы: Аляксандраўскі Брэсцкі кадэцкі корпус (1842–1859), Аляксандраўскі кадэцкі корпус (25.04.1859–1860), Аляксандраўскі Віленскі кадэцкі корпус (1860–1863) – і месцы свайго размяшчэння. Спачатку корпус знаходзіўся ў Брэсце, але 16.06.1854 г. было прынята рашэнне, згодна з якім пасля абяшчэння Брэст-Літоўскай крэпасці на ваенным становішчы ў сувязі з пачаткам Усходняй (Крымскай) вайны і верагодным ваенным сутыкненнем з Аўстрыяй кадэцкі корпус быў пераведзены ў Маскву, а потым быў перанесены ў Вільню (1861–1863). Брэсцкі кадэцкі корпус быў створаны ў 1842 г., але ў 1863 г. быў расфарміраваны.

Падрыхтоўка да адкрыцця Брэсцкага кадэцкага корпуса: арганізацыйна-фінансавыя аспекты

Заснаванне Брэсцкага кадэцкага корпуса не прадугледжвалася папярэднімі планами ваеннага ведамства. Царскі ўрад і мясцовая грамадская дваранская супольнасць з радавітай знаці і шляхты прыйшлі да кампраміснага рашэння. Дваранства Віленскай, Гродзенскай, Мінскай губерняў і Беластоцкай вобласці жадала мець сваю ўласную ваенна-вучэбную ўстанову, якая б магла забяспечыць навучанне іх малалетніх дзяцей паблізу ад родных мясцін (адкрыты ў 1835 г. Полацкі кадэцкі корпус знаходзіўся ўдалечыні ад заходніх граніц Расійскай імперыі) і пазбавіць старшых сыноў дваранскіх сем'яў ад неабходнасці цяжкай павіннасці ваеннай службы радавымі з правам выслугі. Расійскі ўрад намагаўся выхаваць з паланізаванай дваранскай моладзі карысных «сыноў Айчыны». Выхаванне ў духу ідэалаў службовага доўгу, адданасці расійскаму трону было магчыма, на думку царскіх чыноўнікаў, толькі ў закрытай ваенна-навучальнай установе. Атрыбуты ваеннай арганізацыі (казарменнае становішча выхаванцаў, падтрымка дысцыпліны, парадку, субардынацыі) былі

неабходны, каб ізаляваць будучых кадэтаў ад выхаваўчага ўплыву мясцовага асяроддзя родных і блізкіх людзей (бацькоў, сваякоў, суседзяў, сяброў). Немалаважнае значэнне мела і гатоўнасць мясцовага дваранства да грашовых узносаў, якія былі неабходныя для арганізацыі ваенна-навучальнай установы і дазвалялі сэканоміць дзяржаўныя фінансавыя сродкі.

Падчас наведвання Брэсцкай крэпасці 13–15 жніўня 1840 г. імператар Мікалай I пагадзіўся з задумай стварэння Брэсцкага кадэцкага корпуса пры ўмове яго фінансавання за кошт дваранскіх ахвяраванняў.

У 1840 г. прадстаўнікі дваранства Віленскай губерніі выказалі прапанову, каб кадэцкі корпус, які павінны быў адкрыцца ў Брэст-Літоўску, у выніку адкрыўся ў Вільне і быў бы размешчаны ў будынках скасаванага ўніверсітэта і медыка-хірургічнай акадэміі. Значную ініцыятыву і ролю ў яго арганізацыі праявіў віленскі ваенны губернатар Ф. Я. Міркавіч, які лічыў неабходным адкрыццё Брэсцкага кадэцкага корпуса з мэтай выхавання малалетніх дзяцей мясцовых дваран у духу адданасці расійскаму прастолю ў Вільні ці Брэсце. Пытанне аб заснаванні кадэцкага корпуса было абмеркавана і падтрымана ў 1840 г. на дваранскіх сходах у Мінскай (28 верасня), Віленскай (10 кастрычніка) і Гродзенскай (25 кастрычніка) губернях [3, арк. 9; 4, с. 262].

Фінансаванне дзейнасці новай ваенна-навучальнай установы павінна было забяспечыцца за кошт штогадавых добраахвотных узносаў дваранства, прыпісаных да яго губерняў і Царства Польскага. На надзвычайных сходах дваран Віленскай, Гродзенскай, Мінскай губерняў і Беластоцкай вобласці ў лютым 1841 г. прадстаўнікі вышэйшага саслоўя бралі на сябе абавязак утрымання 300 кадэтаў, для забяспячэння якіх быў разлічаны штогадовы грашовы збор з уласных даходаў памешчыкаў у памеры па 6 кап. серабром з кожнай рэвізскай душы сялян мужчынскага полу, разлічаны для ўтрымання 313 выхаванцаў у Брэсцкім кадэцкім корпусе [3, арк. 20–20адв.]. Усяго было сабрана 58 914,48 руб. серабром, у тым ліку з Віленскай губерні паступіла 21 792,9 руб., з Мінскай – 20 581,2 руб., з Гродзенскай – 14 611,86 руб., з Беластоцкай вобласці – 1 928,52 руб.

Дваранства Мінскай губерні далучыла да грашовага ахвяравання і працэнты з капіталу ў 3 6724,3 руб. серабром, які быў сабраны раней для 8 выхаванцаў у Полацкім кадэцкім корпусе. Назбіраная дагэтуль дваранствам Мінскай губерні сума была далучана да капіталу Брэсцкага кадэцкага корпуса. Агульны збор з дваранства Віленскай, Гродзенскай, Мінскай губерняў і Беластоцкай вобласці разам з сумай, ахвяраванай дваранствам Мінскай губерні для ўтрымання ў кадэцкім корпусе 8 дадатковых выхаванцаў, склаў больш 60 тыс. руб. серабром [5, с. 237]. Мэталы фінансавы дваранскі ўзнос быў уключаны ў каштарысы земскіх павіннасцей, а грошы былі накіраваны ў прыказы грамадскай апекі для росту працэнтамі да запатрабавання [6, арк. 40–40адв.]. У далейшым сума з Гродзенскай губерні накіроўвалася ў Брэсцкае павятовае казначэйства, а не ў Гродзенскі прыказ грамадскай апекі, за выключэннем рэштку. Грошы з павятовых казначэйстваў Мінскай губерні высылаліся ў Брэсцкае павятовае казначэйства [7, арк. 39–40].

Адкрыццё Брэсцкага кадэцкага корпуса, вызначэнне правілаў прыёму выхаванцаў

Днём заснавання Брэсцкага кадэцкага корпуса лічыцца 16 красавіка 1841 г. – дзень шлюбу цэсарэвіча Аляксандра. Яго ўрачыстае адкрыццё адбылося 30 жніўня 1842 г. Ён размясціўся ў перабудаваным будынку былога бернардынскага манастыра на Валынскім умацаванні адбудаванай Брэст-Літоўскай крэпасці, але прыём выхаванцаў пачаўся за месяц да афіцыйнага адкрыцця [5, с. 260–266].

Навучэнцы ў кадэцкіх карпусах падзяляліся на казённа-коштных (былі на дзяржаўным забеспячэнні), пансіянераў, стыпендыятаў (вучыліся на кошт збораў дваранскіх супольнасцей, арганізацый і прыватных асоб), сваекоштных вольных слухачоў (утрымліваліся за кошт бацькоў).

У Брэсцкім кадэцкім корпусе было шэраг пансіянераў і стыпендыятаў. Трое выхаванцаў навучаліся за кошт працэнтаў з капіталу памешчыка Іосіфа Матэвуша Ждановіча. Паводле духоўнага тэстаментнага складзенага 4 снежня 1842 г. межавым судзей Бабруйскага павета І. М. Ждановічам, для выхавання яго сваякоў ці бедных два-

ран сыноў дачкі Варвары Марцынкевічавай (па мужу Ваяводскай), з мая 1849 г. адлічаліся працэнты з агульнай сумы ў 15 тыс. руб. серабром [8, арк. 17–17адв., 21, 23, 73–73адв.]. Пасля смерці І. М. Ждановіча ахвяраваная яго тэстаментам на карысць Брэсцкага кадэцкага корпуса сума была пацверджана Вышэйшым загадам ад 5 верасня 1853 г. [9, арк. 26–27адв.].

Плата за ўтрыманне малалетніх дваран у кадэцкіх карпусах прыпісаных губерняў вызначалася асобна. Для Аляксандраўскага Брэсцкага кадэцкага корпуса яна складала 220 руб. (Вышэйшы загад ад 27 мая 1847 г.) штогод за кожнага выхаванца. Сваекоштныя пансіянеры губернскіх кадэцкіх карпусоў маглі пераводзіцца на казённае ўтрыманне толькі ў асобных выпадках [10, т. 26-2, № 25623, с. 29].

З 5 лютага 1853 г. рэштка сумы ў 6 000 руб. серабром, якую граф Замоіскі ахвяраваў на ўтрыманне скасаванага Шчэбржэшынскага вучылішча ў Царстве Польшкім (на кадэцкі корпус было адлічана 5 225,83 руб.), пераводзілася для ўтрымання па аднаму з малалетніх сыноў дваран з Царства Польшкага ў Полацкім, Аляксандраўскім Брэсцкім, Уладзімірскім Кіеўскім кадэцкіх карпусах з выплатаю ім па 200 руб. серабром штогод на кожнага выхаванца. Рэштку сумы прадпісвалася захоўваць у Брэсцкім кадэцкім корпусе для назапашвання яе ў аб'ёме, дастатковым за кошт працэнтаў выхоўваць у гэтай ваенна-навучальнай установе яшчэ аднаго дваранскага пансіянера Польшчы [10, т. 28-1, № 26994, с. 43].

Да 1863 г. абавязковая колькасць пансіянераў – дзяцей дваран – у Аляксандраўскім кадэцкім корпусе складала 122 (68 з Мінскай губерні, 54 – з Гродзенскай), а сума на іх утрыманне складала 26 920,58 руб. з разліку 220 руб. за кожнага выхаванца [11, вед. с. 3].

Фінансавыя крыніцы ўтрымання Брэсцкага кадэцкага корпуса

Крыніцамі ўтрымання Брэсцкага кадэцкага корпуса былі дваранскія грашовыя ахвяраванні, казённыя сумы, асобныя ўзносы прыватных асоб, сродкі эканамічнага капіталу (рэшткі ад каштарысных асігнаванняў). У 1850 г. на Брэсцкі кадэцкі корпус адпускалася 86 929 руб.: 15 885 руб. (18,3 %) дзяржаўных сродкаў, 71 044 руб. (81,7 %) –

з іншых крыніц даходаў [12, с. 301]. Паводле зацверджанага 24 снежня 1850 г. палажэння Ваеннага Савета, у 1851 г. было прызначана выплаціць на ўтрыманне Брэсцкага кадэцкага корпуса 27 850,56 руб., у тым ліку за кошт працэнтаў з сабранага капіталу на карысць гэтай ваенна-навучальнай установы ў памеры 1 948,95 руб., які захоўваўся ў Гродзенскім прыказе грамадскай апекі, 25 901,61 руб. серабром штогадовых дваранскіх збораў (з Гродзенскай губерні – 11 949,9 руб., з Мінскай – 13 951,71 руб.) [13, арк. 1].

4 снежня 1853 г. было прынята рашэнне і прызнана, каб для прадухілення затрымак асігнавання для выдачы Аляксандраўскаму Брэсцкаму корпусу працэнты з капіталу і сумы графа Замойскага, якія захоўваліся ў мясцовых прыказах грамадскай апекі, паступалі для Брэсцкага кадэцкага корпуса з Маскоўскага павятовага казначэйства з наступным іх зваротам у Гродзенскае павятовае казначэйства з мясцовага прыказа грамадскай апекі. Паводле зацверджанага 2 снежня 1854 г. палажэння Ваеннага Савета, на ўтрыманне ў 1855 г. Аляксандраўскага Брэсцкага кадэцкага корпуса былі прызначаны для выдачы з Гродзенскага прыказа грамадскай апекі працэнты з капіталу кадэцкага корпуса 34 525,08 руб., у кошт якіх былі асігнаны для выдачы 2 623,47 руб. Яго аснову склалі 6 000 руб., перададзеныя графам Замойскім на ўтрыманне Шчэбржэ-шынскага вучылішча ў Царстве Польскім, і 25 901,61 руб. дваранскіх ахвяраванняў: 11 949,9 руб. з Гродзенскай губерні і 13 951,71 руб. з часткі Мінскай [14, с. 43–44].

Нядоімкі дваранскага збору на карысць Брэсцкага кадэцкага корпуса

Першапачаткова назапашаная дваранская ахвяравальная сума для патрэб Брэсцкага кадэцкага корпуса надалей не папаўнялася цалкам і ў належны тэрмін. Па стане на жнівень 1845 г. нядоімка земскага збору Мінскай губерні на Аляксандраўскі Брэсцкі кадэцкі корпус складала 10 423,42 руб. серабром [15, арк. 7, 10, 13]. На 1 кастрычніка 1855 г. недабор 6-капеечнага збору дваранства Гродзенскай губерні дасягаў 10 495,26 руб. [13, арк. 180–180адв.]. Аклад 1858 г. збору з Мінскай губерні на ўтрыманне Брэсцкага і Полацкага кадэцкіх карпусоў складаў

18 439,2 руб. з дадаткам 3 870,69 руб. запазычанасці [16, арк. 61].

Змены ў арганізацыйна-штатнай структуры Брэсцкага кадэцкага корпуса і памерах утрымання

Вышэйшы загад, выданы ў лютым 1842 г., вызначаў праекты часовага палажэння, штату і табелі Брэсцкага кадэцкага корпуса. Па ўзоры Наўгародскага графа Аракчэева кадэцкага корпуса ён меркаваўся на два гады.

Штогадавое ўтрыманне 400 выхаванцаў павінна было каштаваць 86 331,7 руб. серабром і пакрывацца за кошт дваранскіх ахвяраванняў і казённых сум. Потым тэрмін дзеяння часовых штатаў быў працягнуты да 1849 г. [10, т. 23-1, № 22676, с. 656–657; 5, с. 258–259].

Брэсцкі кадэцкі корпус уключаў пяць рот (грэнадзёрскую, дзве мушкецёрскія ранжыраваныя, неранжыраваную, служыцельскую). Кожная ранжыраваная і неранжыраваная рота мела ротнага камандзіра, капітана, штабс-капітана, трох паручнікаў, фельдфебеля, 9 унтэр-афіцэраў і 100 кадэтаў.

Склад служыцельскай роты быў такі: ротны камандзір, яго памочнік, обер-афіцэр, фельдфебель, «каптэнармус» (захоўванне і выдача маёмасці і харчавання), 10 унтэр-афіцэраў, 160 радавых, 16 «дзядзькаў» з ліку заслужаных адстаўных ці бестэрмінова-адпускных ніжніх чыноў. Яна камплектавалася з рэкрутаў і непрыгодных да страйвой службы. Уводзілася 40 штатных кадэтаў, уключаючы 4 фельдфебеляў і 36 радавых.

Неабходную суму для ўтрымання, за выключэннем адлічэнняў на выдачу заробку штаб- і обер-афіцэрам, медыцынскім і ніжнім ваенным чынам з Камісарыята, было прадпісана асігнаваць згодна з распараджэннямі Дэпартамента ваенных пасяленняў за кошт штогадавых ахвяраванняў прыпісаных да кадэцкага корпуса губерняў і вобласці, а таксама з працэнтаў з раней сабранага дваранствам Мінскай губерні капіталу і з сум Царства Польскага, штогод прызначаных для ўтрымання корпуса [10, т. 22-2, к № 21372, с. 238, 239, 241].

Паводле імяннага ўказу ад 5 лютага 1853 г. штаты Аляксандраўскага Брэсцкага кадэцкага корпуса сталі такімі, як і штаты 2-га Маскоўскага і Аляксандрынскага сіроцкага кадэцкіх карпусоў [10, т. 28-1,

№ 26994, с. 43]. Разлік сумы, прызначанай на ўтрыманне чыноў Александрынскага сіроцкага кадэцкага корпуса, сведчыць, што на гадавое ўтрыманне Аляксандраўскага Брэсцкага кадэцкага корпуса павінна было выдавацца 144 тыс. руб. З гэтай штатнай сумы ўтрыманне службовых чыноў павінна было каштаваць 48 тыс. руб. (33,3 %), а на забеспячэнне кадэтаў, прыслугі, утрыманне будынка належыла адпускаяць 96 тыс. руб. (66,7 %).

Склад і структура штатнага ўтрымання Брэсцкага кадэцкага корпуса

Згодна са штатным раскладам Аляксандраўскага Брэсцкага кадэцкага корпуса 1842 г. дырэктару-генералу плацілі 838,5 руб. заробку і 1 401 руб. сталовых, разам 2 239,5 руб. (6,3 %); на вучэбную частку адпускалася 14 514,39 руб. заробку і 560,4 руб. сталовых, разам 15 074,79 руб. (42,6 %); расходы на 45 адміністрацыйна-выхавальнікаў страявой службы складалі 7 988,55 руб. заробку і 2 661,93 руб. сталовых, разам 10 650,48 руб. (30,1 %); 16 «дзядькам» для нагляду за кадэтамі 1 344,96 руб. заробку і 800 руб. сталовых і на адзенне, разам 2 144,96 руб. (6,1 %); на канцылярыю, уключаючы 15 адміністрацыйна-канцылярскіх работнікаў, разам са справаводнымі выдаткамі – 1 493,37 руб. заробку (4,2 %); 174 ваеннаслужачых служыцельскай роты для ажыццяўлення гаспадарчых работ атрымлівалі 1 471,95 руб. заробку (4,1 %) (разам з абмундзіраваннем – 35 425,88 руб.), 11 медыцынскіх чыноў мелі 1 169,7 руб. заробку (3,3 %); пяць чалавек дапаможнага гаспадарчага персаналу кухні, пральні і пашывачнай мелі 660,21 руб. (1,9 %); чатыры свяшчэнна- і царкоўнаслужыцелі атрымлівалі 443,1 руб. заробку (1,2 %); 38 дзеншчыкоў – 79,8 руб. заробку (0,2 %). Разам для 734 служачых (за выключэннем настаўнікаў) трэба было выплачваць 35 425,88 руб.

На штатных 400 кадэтаў (300 з прыпісаных Віленскай, Гродзенскай, Мінскай губерняў, Беластоцкай вобласці, Царства Польскага, астатнія 100 вакансій – з унутраных расійскіх і прыбалтыйскіх губерняў) прыходзілася 334 штатных абслуговых асоб службовага персаналу.

Штатныя аклады заробку і сталовых выдаваліся, за выключэннем узаконеных вылікаў на шпіталь, медыкаменты, за павы-

шэнне чыноў, адлічэнняў у пенсійны і інвалідны капіталы. Заробак выкладчыкаў з агульнай штатнай сумы па меркаванні начальства залежаў ад «меры працы, здольнасцей і заслуг кожнага». Усе служачыя па вучэбнай частцы забяспечваліся казённымі кватэрамі ці кватэрнымі грашыма з дзяржаўнага казначэйства. Усе ніжнія чыны, а таксама кадэты акрамя заробку атрымлівалі бясплатна правіант і абмундзіраванне. Чыны страявога складу мелі грашовае ўтрыманне з Камісарыята.

Асобны роспіс размяркоўваў сумы забеспячэння асоб, якія знаходзіліся ў Брэсцкім кадэцкім корпусе, абмундзіраваннем, амуніцыяй, зброевымі рэчамі, харчаваннем, бытавымі прадметамі. Вылучаліся капіталы для падтрымкі будынкаў і іншых аб'ектаў, для задавальнення гаспадарчых патрэб.

Для харчавання 412 чалавек выдавалася 17 304 руб. (34 %); на забеспячэнне кадэтаў абмундзіраваннем, зброяй, рыштункам, прадметамі быта было прызначана 12 883,64 руб. (25,3 %); на ўтрыманне ў парадку кадэцкага дома, маставой і тратуараў, купальні, лазні і сада было адпушчана 11 720 руб. (23 %); на гаспадарчыя патрэбы (набыццё сталовых прыбораў і рэчаў у пакоях, мыцця бялізны) адпускалі 2 000,4 руб. (3,9 %); для ўладкавання лазарэта на 40 чалавек выдаткоўвалася 1 840,3 руб. (3,6 %); для забеспячэння абмундзіраваннем і рыштункам 20 страявых і 17 нестраявых ніжніх чыноў, 172 чалавек служыцельскай роты, 60 радавых і швейцара ішло 1 798,85 руб. (3,5 %); для набыцця навучальных дапаможнікаў адлічвалася 1 428,6 руб. (2,8 %); на экстраардынарныя расходы пералічвалася 1 000 руб. (2 %); для ўтрымання 14 коней асігнавалася 715 руб. (1,4 %); на ўтрыманне царквы давалі 215 руб. (0,4 %).

З вылічаных 50 905,82 руб. серабром штатных гаспадарчых сум з Камісарыята належала пералічаць 1 798,87 руб. серабром (3,5 %) [10, т. 22-2, к № 21372, с. 241–248].

Усяго з сумы ў 86 331,7 руб. серабром, вызначанай часовымі штатамі для Брэсцкага кадэцкага корпуса, на грашовую падтрымку дзейнасці службовых асоб (персаналу) адпускалася 35 425,88 руб. (41 %), а для іх забеспячэння рознымі рэчамі і для падтрымкі інфраструктуры – 50 905,82 руб. (59 %).

Адзначым, што вакантныя штатныя месцы цалкам не запаўняліся. Па стане на

17 мая 1850 г. у Брэсцкім кадэцкім корпусе было 356 выхаванцаў, у тым ліку 258 пансіонераў (72,5 %) (па 46 з Віленскай і Гродзенскай, 58 – з Мінскай, 48 – з Ковенскай губерняў, 60 – з Царства Польскага), 87 кадэтаў (24,4 %) на дзяржаўным утрыманні і 11 (3,1 %) сваекоштных [17, л. 95–95v].

У 1854 г. у Брэсцкім кадэцкім корпусе з 400 штатных месцаў былі запоўнены 385, а гадавы выдатак на кожнага складаў прыкладна 279,57 руб. [18, с. 90]. У 1861 г. на 383 выхаванцы ў Брэсцкім кадэцкім корпусе прыходзілася 161 869,55 руб. утрымання, ці прыкладна 422,64 руб. на кожнага [19, с. 152].

Асобныя выплаты на Брэсцкі кадэцкі корпус і іх кампенсацыя

Пастаянна ўдакладняліся памеры і крыніцы асобных выплат для патрэб Брэсцкага кадэцкага корпуса. Так, на пераезд у Маскву ў 1854 г., які з Брэста ў Маскву заняў больш чым месяц, было выдаткавана 10 тыс. руб. серабром [20, с. 85]. Дваранства Мінскай губерні асігнавала значную суму для прыёму, харчавання і начлегу служачых гэтай ваенна-навучальнай установы [21, с. 166, 167].

Да пераводу Аляксандаўскага кадэцкага корпуса ў 1854 г. у Маскву па табелі для ўтрымання кадэцкіх будынкаў у Брэсце адлічалася 16 715,11 руб., з якіх 9 802,61 руб. (58,6 %) прызначаліся на рамонтныя работы (5 145 руб. пастаянных і 4 657,61 руб. дадаткова атрыманых па загадзе ад 6 лістапада 1851 г.), 5 715 руб. (34,2 %) – на ацяпленне і асвятленне будынкаў і 337,5 руб. (2 %) для ацяплення казематаў, занятых для размяшчэння там чыноў корпуса, 860 руб. (5,1 %) асігнавалася на падтрымку чысціні, пажарных труб, выпраўленне маставой і тратуараў, для ўтрымання лазні, сада і інш.

У Маскве кадэцкія будынкi ўтрымліваліся за кошт інжынернага ведамства, з пераводам яму неабходнай сумы грошай.

У 1860 г., калі кадэцкі корпус быў перамешчаны з Масквы ў Вільню, паводле каштарысу на ўтрыманне будынкаў прадпісвалася вылучыць за другую палову 1860 г. 8 357,555 руб., а на 1861 г. – 1 6715,11 руб. У далейшым дырэктар корпуса генерал-маёр М. К. Баўмгартэн вылічыў патрэбы рамонту будынкаў у 5 500 руб., іх ацяплення і асвятлення – у

15 500 руб., уладкавання га-радскога вялікага сада – у 800 руб. Агульная сума ўтрымання будынкаў і сада Аляксандраўскага кадэцкага корпуса ў Вільні складала 21 800 руб., і таму на 1862 г., акрамя 16 715,11 руб., было яшчэ дадаткова асігнана 5 084,89 руб. на кошт рэшткаў сум на ўтрыманне ўпраўлення ваенна-навучальных устаноў.

З 1863 г. сума на падрымку будынкаў і на ўтрыманне сада павялічылася да 21 800 руб. [10, т. 37-1, № 37964, с. 133–134]. Калі кадэтаў размясцілі ў пераабсталяваных будынках Віленскага ваеннага шпіталю, то для ўладкавання новых будынкаў патрабавалася 75 тыс. руб. [2, с. 123].

Частка выкарыстаных сум кампенсавалася з розных крыніц. Так, па загадзе галоўнакамандуючага дзеючай арміі Брэст-Літоўская інжынерная каманда выкарыстала для ўладкавання будынкаў Брэсцкага кадэцкага корпуса з наяўных сум 16 969,52 руб. Гэтая сума ў адпаведнасці з загадам ад 29 лістапада 1841 г. папаўнялася Гродзенскім прыказам грамадскай апекі з капіталаў, ах-вяраваных дваранствам чатырох губерняў. На 1851 г. вылучаная дадатковая сума на ацяпленне і асвятленне будынкаў Брэсцкага кадэцкага корпуса складала 5 701,49 руб., у тым ліку 4 657,61 руб. было выкарыстана для падтрымкі ўласных будынкаў ваенна-навучальнай установы (кампенсацыя была ўскладзена на дзяржаўнае казначэйства) і 1 043,88 руб. для абслугоўвання памяшканняў для размяшчэння чыноў.

9 кастрычніка 1851 г. імператар пераклаў доўг у памеры 16 969,52 руб. з эканамічнага капіталу, прызначанага на ўтрыманне казарм, на кошт звароту з сум дваранскіх збораў чатырох губерняў. У Брэсцкае павятовае казначэйства былі вернуты сумы Дэпартаменту ваенных пасяленняў. 5 жніўня 1861 г. імператар распарадзіўся выключыць з рахункаў 16 969,52 руб. [13, арк. 5, 20, 70–70адв., 84, 275].

Пасля прынятага ў Санкт-Пецярбургу 14 мая 1863 г. рашэння аб скасаванні Брэсцкага кадэцкага корпуса, выхаванцы якога ўяўлялі сабою патэнцыяльную пагрозу падтрымкі пратэстаў час паўстання 1863 г. у заходніх губернях, 1 чэрвеня 1863 г. кадэтаў перавялі ў Санкт-Пецярбург, а маёмасць установы распрадалі.

Заклучэнне

Такім чынам, крыніцамі фарміравання даходаў для ўтрымання Брэсцкага кадэцкага корпуса выступалі не фінансавыя сродкі дзяржаўнага казначэйства, а пераважна дваранскія грашовыя ахвяраванні. Парадаксальна, але ваеннае ведамства імператарскай Расіі дабівалася перавыхавання шляхецкай моладзі ў належным ураду накірунку за кошт дваранскіх грашовых збораў, а не фінансавых рэсурсаў агульнадзяржаўнага казначэйства. Тым не менш дваранская ахвяравальная сума паступала са спазненнем і не ў поўным аб'ёме, таму назапашваліся нядоімкі дваранскага збору на карысць Брэсцкага кадэцкага корпуса. У штатнай структуры ўтрымання Брэсцкага кадэцкага корпуса, як у любой тагачаснай ваенна-навучальнай установе, значная частка грашовых сродкаў вылучалася для ўтрымання

абслугоўваючых кадэтаў чыноў дапаможнага адміністрацыйна-страявога, выхавачага, гаспадарчага персаналу. З штатнай сумы на грашовае забеспячэнне персаналу адлічвалася прыкладна 41 %, а для набыцця розных рэчаў і для падтрымкі ў належным стане інфраструктуры – 59 %. Штатная колькасць вакансій выхаванцаў цалкам не запаўнялася. Большасць кадэтаў адносілася да катэгорыі пансіянераў (вучыліся за кошт дваранскіх збораў) і толькі каля чвэрці з іх знаходзілася на ўрадавым утрыманні. Для прадухілення затрымак пільна неабходных выплат для фінансавання недкладных патрэб Брэсцкага кадэцкага корпуса ажыццяўляўся перавод грошай і практыкавалася іх выдача з іншых крыніц даходаў з наступным зваротам і кампенсацыяй за кошт зямскіх збораў і іншых крыніц.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Куль-Сяльверстава, С. Брэсцкі кадэцкі корпус / С. Куль-Сяльверстава // Беларус. гіст. часоп. – 1998. – № 3. – С. 48–53.
2. Бригадин, П. И. Мятёжний корпус: из истории Александровского Брестского кадетского корпуса (1842–1863 гг.) / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 182 с.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 320. Воп. 3. Спр. 77.
4. Федор Яковлевич Миркович. 1789–1866: его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. – СПб. : Воен. импография, 1889. – 6, III. – 424 с.
5. Мельницкий, Н. Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (сухопутного ведомства) : в 4 т. / Н. Н. Мельницкий. – СПб. : Тип. Гл. штаба е. и. в. по воен.-учеб. заведениям, 1857–1860. – Т. 2, ч. 4. – 1857. – 266 с.
6. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 1. Спр. 719.
7. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 1. Спр. 722 а.
8. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 2. Спр. 3488.
9. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 1. Спр. 360.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е : 1825–1881 гг. : в 55 т. – СПб. : Тип. 2-го отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1884.
11. Разная переписка по Министерству народного просвещения в 1862, 1863, 1864 гг. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1864. – 989 с.
12. Извлечение из краткого отчета о положении и ходе военно-учебных заведений в 25-летнее царствование Вашего императорского величества 1825–1850 гг. – СПб. : Тип. штаба воен.-учеб. заведений, 1850. – 304 с.
13. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна. – Ф. 1. Воп. 13. Спр. 1168.
14. Журн. М-ва внутр. дел. – 1855. – № 1. – Отд. 1.
15. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 3. Спр. 92.
16. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 1. Спр. 239.
17. Lietuvos valstybės istorijos archyvas. – F. 378. Ap. 53, 1845. V. 324.
18. Лалаев, М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. От основания в России военных школ до исхода первого 25-летия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1700–1880 : в 3 ч. / М. С. Лалаев. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1880–1892. – Ч. 2 : 1825–1880. – 1880. – 283, 22 с.

19. Сборник историко-статистических материалов по Виленской губернии / ред. М. Гусев. – Вильно : Тип. А. К. Киркора, 1863. – Ч. 1. – IX. – 262 с.
20. Из истории Брестского кадетского корпуса / подг. А. Смирнов // Гіст. брама. – 2002. – № 1–2.
21. Еленский, О. Р. Мои воспоминания о забытом корпусе (Брестский кадетский корпус) / О. Р. Еленский // Рус. старина. – 1895. – Т. 83, № 6. – С. 143–169.

REFERENCES

1. Kul'-Sial'vierstava, S. Brescki kadecki korpus / S. Kul'-Sial'vierstava // Bielarus. hist. chasop. – 1998. – № 3. – S. 48–53.
2. Brigadin, P. I. Miatiezhnyj korpus: iz istorii Alieksandrovsckogo Briestckogo kadietckogo korpusa (1842–1863 gg.) / P. I. Brigadin, A. M. Lukashevich. – Minsk : GIUST BGU, 2007. – 182 s.
3. Nacyjanal'ny histarychny arkhiu Bielarusi (NHAB). – F. 320. Vop. 3. Spr. 77.
4. Fiodor Yakovlievich Mirkovich. 1789–1866: jego zhiznieopisanije, sostavliennoje po sobstviennym jego zapiskam, vospominanijam blizkikh liudiej i podlinnym dokumientam. – SPb. : Vojen. impografiya, 1889. – 6, III. – 424 s.
5. Miel'nickij, N. N. Sbornik sviedenij o vojenno-uchiebnykh zaviedenijakh v Rossii (sukhoputnogo viedomstva) : v 4 t. / N. N. Miel'nickij. – SPb. : Tip. Gl. shtaba je. i. v. po vojen.-uchieb. zaviedenijam, 1857–1860. – T. 2, ch. 4. – 1857. – 266 s.
6. NHAB. – F. 333. Vop. 1. Spr. 719.
7. NHAB. – F. 333. Vop. 1. Spr. 722 a.
8. NHAB. – F. 299. Vop. 2. Spr. 3488.
9. NHAB. – F. 320. Vop. 1. Spr. 360.
10. Polnoje sobranije zakonov Rossijskoj impierii. Sobr. 2-je : 1825–1881 gg. : v 55 t. – SPb. : Tip. 2-go otd. sobstv. je. i. v. kancelarii, 1830–1884.
11. Raznaja pieriepiska po Ministierstvu narodnogo prosvieshchienija v 1862, 1863, 1864 gg. – SPb. : Tip. Imperat. akad. nauk, 1864. – 989 s.
12. Izvliechienije iz kratkogo otchiota o polozhenii i khode vojenno-uchiebnykh zaviedenij v 25-lietnieje carstvovanije Vashego impieratorsckogo vielichiestva 1825–1850 gg. – SPb. : Tip. shtaba vojen.-uchieb. zaviedenij, 1850. – 304 s.
13. Nacyjanal'ny histarychny arkhiu Bielarusi u h. Hrodna. – F. 1. Vop. 13. Spr. 1168.
14. Zhurn. M-va vnutr. diel. – 1855. – № 1. – Otd. 1.
15. NHAB. – F. 320. Vop. 3. Spr. 92.
16. NHAB. – F. 320. Vop. 1. Spr. 239.
17. Lietuvos valstybės istorios archyvas. – F. 378. Ap. 53, 1845. B. 324.
18. Lalajev, M. S. Istorichieskij ochierk vojenno-uchiebnykh zaviedenij, podviedomstviennykh Glavnomu ikh upravlieniju. Ot osnovanija v Rossii vojennykh shkol do iskhoda piervogo 25-lietija blagopoluchnogo carstvovanija gosudaria impieratora Alieksandra Nikolajevicha. 1700–1880 : v 3 ch. / M. S. Lalajev. – SPb. : Tip. M. Stasiulievicha, 1880–1892. – Ch. 2 : 1825–1880. – 1880. – 283, 22 s.
19. Sbornik istoriko-statistichieskikh materialov po Vilienskoj gubernii / ried. M. Gusiev. – Vil'no : Tip. A. K. Kirkor, 1863. – Ch. 1. – IX. – 262 s.
20. Iz istorii Briestckogo kadietckogo korpusa / podg. A. Smirnov // Hist. braма. – 2002. – № 1–2.
21. Yelienskij, O. R. Moi vospominanija o zabytom korpusie (Briestckij kadietckij korpus) / O. R. Yelienskij // Rus. starina. – 1895. – Т. 83, № 6. – С. 143–169.

УДК 271.2-774-46:365(476)«1839/1914»

Роман Валентинович Чуль

ст. преподаватель каф. истории Беларуси

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Roman Chul

Senior Lecturer of the Department of History of Belarus

of the Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: roma_relig.by@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЕЛЬНО-ЖИЛИЩНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Анализируются основные особенности обеспечения земельными наделами и жилищно-хозяйственными постройками православного приходского духовенства на территории Беларуси в 1839–1914 гг. Отмечается положительный опыт взаимодействия государственных и церковных органов управления в решении вопросов расширения, увеличения, переноса и аренды земельных наделов для местного духовенства в границах конкретных православных приходов Борисовского, Гродненского, Игуменского, Новогрудского, Пинского, Полоцкого и Речицкого уездов. Характеризуется роль губернских присутствий по обеспечению православного духовенства как основных органов, координировавших распределение земельных угодий для приходского духовенства и регламентировавших нормативную процедуру по строительству и ремонту жилых домов и хозяйственных построек для духовенства.

Ключевые слова: *Русская Православная Церковь, Святейший Синод, архиепископ, православное приходское духовенство, губернское присутствие, консистория, епархия, благочиние, уезд, церковный причт, церковные земли.*

Features of Land and Housing Provision of Orthodox Parish Clergy on the Territory of Belarus in the Mid XIX – Early XX Century

The article analyzes the main features of providing Orthodox parish clergy on the territory of Belarus in 1839–1914 with land plots and housing and utility buildings. The materials of the publication note the positive experience of interaction between state and church governing bodies in resolving issues of expansion, increase, transfer and lease of land plots for local clergy within the boundaries of specific Orthodox parishes of Borisov, Grodno, Igumen, Novogrudok, Pinsk, Polotsk and Rechitsa counties. The role of the provincial presences in providing Orthodox clergy is characterized as the main bodies coordinating the distribution of land for the parish clergy and regulating the regulatory procedure for the construction and repair of residential buildings and outbuildings for the clergy.

Key words: *Russian Orthodox Church, Holy Synod, archbishop, Orthodox parish clergy, provincial presence, consistory, diocese, deanery, county, church clergy, church lands.*

Введение

Особенно актуальным в Русской Православной Церкви на протяжении второй половины XIX – начала XX в. стоял вопрос материального обеспечения православного приходского духовенства (землей, жилищными постройками, денежными выплатами, пособиями). На белорусских землях процесс обеспечения духовенства земельными угодьями и жилищно-хозяйственными постройками шел во взаимодействии государственных и церковных структур всех уровней.

Со стороны церковных властей для более массового привлечения духовенства к земледелию еще с 1840 г. в семинарский

курс были введены такие учебные дисциплины, как естествоведение и сельское хозяйство [1, с. 329]. Важность лекционного курса по сельскому хозяйству, читавшегося в Витебской духовной семинарии, засвидетельствована в журнале № 13 заседания Полоцкого епархиального съезда духовенства от 4 сентября 1912 г.: «Лекции по сельскому хозяйству... в семинарии... бесплатно читались в 1911/1912 учебном году витебским губернским агрономом И. Н. Алексеевым в свободное от основных занятий время и, по отзывам участников съезда, должны быть признаны весьма полезными, как дающая много полезных знаний по ведению рационального сельского хозяйства» [2, л. 5].

Земельное обеспечение православного приходского духовенства

По общегосударственному положению «Об улучшении быта православного духовенства» от 1842 г. каждая сельская, а также городская церковь, прихожанами которой были сельские жители численностью не менее 10 ревизских душ, должна была иметь свою землю [3, с. 181]. Церковная земля должна была разделяться на три части: усадебную, пахотную и сенокосную. Из всей церковной земли 10 десятин принадлежало священнику. Ее обязаны были обрабатывать местные прихожане. Работы должны были осуществляться орудиями труда крестьян. По договоренности сторон вместо сельскохозяйственных или полевых работ прихожане могли рассчитываться с настоятелями церквей продуктами или деньгами, достаточными для найма рабочей силы. Отдельные церковные земли могли сдаваться в оброчное содержание местным прихожанам на срок до 12 лет. Если в аренду сдавалась часть земли, то на это достаточно было разрешения местного благочинного, если же вся земля, то условие найма надо было засвидетельствовать в уездном суде [4, с. 76–78].

В то же время видно, что в 1869 г. в нарушение запрета на аренду церковной земли в Пинском уезде Минской губернии был составлен контракт на 12 лет об аренде 12 квадратных сажней усадебной земли Велятичской церкви между местным приходским причтом и мещанином местечка Янов М. Фельдманом. Из прошения священника Велятичской церкви В. Когачевского в Минскую духовную консисторию за 1876 г. следует, что на церковной земле М. Фельдман построил жилые постройки, а согласованные контрактом суммы в размере 12 руб. серебром он не уплачивал [5, л. 1–5об.].

Попытки духовенства хоть немного заработать на содержание своих больших семейств неоднократно критиковались в Святейшем Синоде. Так, обер-прокурор К. П. Победоносцев в своем отчете за 1887 г. писал: «Некоторые священники увлекаются материальными интересами и даже вступают иногда в коммерческие предприятия и торговые подряды» [6, с. 41].

Тяжелый труд духовенства на земле очень ярко описан в работе И. Беллюстина: «Священник земледелец есть тот же кре-

стьянин, лишь только грамотный... вот он возит навоз... вот он подсушивает овин... вот он на пашне в смуром кафтанишке по колена... весь занятый уходом за скотом, за землей» [7, с. 73–74]. По подсчетам исследователя, в год для священника и содержания его семьи (жена, три сына и три дочери) необходима сумма в 650 руб. [7, с. 159–160].

Положительные действия по увеличению земельных владений практически в два раза (с 30 до 60 десятин) в ряде приходов Полоцкой епархии зафиксированы в начале 50-х гг. XIX в. [8, л. 27об.]. Это происходило благодаря выделению новых земель со стороны государства, а также путем присоединения земель от других приходов, ликвидированных ранее [9, с. 734]. Примером может служить получение в 1870 г. 36 десятин земли Сиротинским церковным причтом Полоцкого уезда Витебской губернии от соседнего, закрытого Черницкого прихода [10, л. 10об.].

В то же время даже к концу XIX в. на территории Беларуси существовали приходы, причты которых практически вообще не имели земельных владений. Так, в распоряжении причта Шатиловской Николаевской церкви Полоцкого уезда Витебской губернии в 1890-е гг. имелось только 3 десятины «огородней» земли. Скорее всего, из-за невозможности обеспечить местный причт землей Святейший Синод выделил в 1895 г. 3 000 руб. на постройку домов и надворных построек местному священнику Д. Никифоровскому и псаломщику А. Ишитовичу [11, л. 12об., 21].

А вот по свидетельствам Н. В. Павлюченко многие белорусские приходы значительно превышали установленную норму земельных владений. Так, он утверждает, что Брагинская церковь Речицкого уезда Минской губернии в начале XX в. имела 2 195 десятин земли, значительными были владения причтов в Гродненской епархии [12, с. 121–122].

В 1856–1857 гг. архиепископ Минский и Бобруйский Михаил (Голубович) предпринимал попытки расширения владения причта Щорсовской церкви Новогрудского уезда, состоящего из 7 человек во главе со священником А. Клицкевичем [13, л. 1–2об.]. Еще с 1843 г. предполагалось обменять церковные земли в имении Куль на земли в имении Щорсы графа М. Хрептовича, на-

ходившегося на государственной службе за границей [13, л. 5]. Однако вопрос был решен не в пользу духовенства: губернские власти признали невозможным обмен или передачу земли в пользу церковного причта без согласия графа Хрептовича [13, л. 22–23], сославшись на документ о разделении земли между подканцлером ВКЛ И. Хрептовичем и местным духовенством от 1786 г. [13, л. 14], а также на мнение уполномоченного представителя графа М. Хрептовича, что «духовенство не в состоянии будет обрабатывать эту землю» [13, л. 60б.]. По мнению же местного православного духовенства, эти земли принадлежали церковному причту еще с 1545 г. [13, л. 21].

В 1872 г. был утвержден документ Комитета министров «Правила для обеспечения земельным наделом и помещениями причтов православных сельских приходов в девяти западных губерниях» [14, с. 208]. Они распространялись на все сельские церковные приходы как бывших помещичьих, так государственных и других по принадлежности крестьян. Каждому причту предусматривалось выделять не менее 33 десятин земли в зависимости от наличия земельного фонда. В приходах, образованных после аграрной реформы 1861 г., церковные земли образовывались за счет помещичьих и крестьянских земель данного прихода «пропорционально количеству земельных владений помещиков и крестьян». Строительство и ремонт помещений причта в приходах бывших помещичьих крестьян возлагались на владельцев имений и крестьян-собственников также пропорционально их земельным владениям. В приходах, состоящих из бывших государственных крестьян, эта обязанность таким же образом распределялась между казной и прихожанами. Вся

распорядительная власть принадлежала губернскому присутствию по обеспечению православного духовенства. Составление проектов о земельном наделе приходских церквей, постройке помещений для причтов и наблюдение за выполнением этих решений находились в ведении мировых съездов. Окончательное решение по составленным мировыми съездами актам (решение после подписания акта можно было обжаловать в течение трех месяцев), жалобам, объяснениям, возражениям по земельным наделам и постройкам помещений для причтов выносило объединенное заседание губернского присутствия по обеспечению духовенства и присутствие по крестьянским делам. Мировые съезды путем получения «особых подписок» могли освобождать помещиков, прихожан или членов причта от начисленного взноса. Давая такую «подписку», местные жители брали на себя обязанность самостоятельного строительства, ремонта или перестройки причтовых зданий [14].

В 1893–1901 гг. Минское губернское присутствие по обеспечению православного духовенства активно рассматривало вопросы обеспечения земель причтов церквей по Новогрудскому уезду Минской губернии (таблица 1) [15–21]. Параллельно с приходами Новогрудского уезда губернским присутствием принимались конкретные меры по обеспечению земельными наделами приходских причтов Бобруйского [22–24], Борисовского [25], Игуменского, Мозырского [26; 27] и Пинского уездов [28; 29]. Из проведенного анализа можно сделать вывод, что церковные причты Новогрудского уезда наиболее массово были обеспечены земельными наделами в 1898 г., а причты Бобруйского уезда – в 1899 г.

Таблица 1. – Дела, рассмотренные Минским губернским присутствием по обеспечению православного духовенства, по наделению земель причтов церквей Новогрудского уезда

Церковь	Год рассмотрения
Ястревльская	1893
Городнецкая	1898
Кареличская	1898
Морозовичская	1898
Негневичская	1898, 1901
Полонковская	1898
Староельнянская	1898
Щорсовская	1898
Ятранская	1898
Городейская	1899

Окончание таблицы 1

Велико-Жарховичская	1899
Долматовская	1899
Мирская	1899, 1902
Новомышская	1899
Турецкая	1899
Черниховская	1899
Залужская	1901
Лавришевская	1901
Островская	1901
Сновская	1901

Со стороны государства выделенные в пользу приходского духовенства земельные участки были подвергнуты строгому учету. Об этом свидетельствуют геодезические описания церковных земельных угодий,

проведенные в 1870–1910 гг. (таблица 2) [30; 31]. Эти действия государственных органов подтверждают факт последовательной политики по обеспечению православного духовенства.

Таблица 2. – Геодезические описания церковных земельных угодий Бобруйского уезда Минской губернии

Церковь	Год составления описания
Турковская Троицкая	1877
Глусская Воскресенская	1878
Павловичская Николаевская	1878
Михалевская	1878
Шипиловичская	1878
Любанская Преображенская	1898
Бацевичская Петровавловская	1900
Горковская Николаевская	1900
Загальская Георгиевская	1900
Кобылянская Покровская	1900
Языльская Преображенская	1900
Королево-Слободская Благовещенская	1901
Осовецкая Рождество-Богородицкая	1901
Островицко-Рокшинская	1901
Замошская Рождество-Богородицкая	1903
Ольницкая Покровская	1909

Жилищное обеспечение православного духовенства

Не менее остро на протяжении исследуемого периода стоял вопрос обеспечения православного приходского духовенства жильем. На усадебных церковных участках настоятели и другие члены приходского церковного причта могли строить дома с возможностью сдачи их в аренду. Предполагалось также строительство подсобных помещений и других хозяйственных построек. Если служители церкви не имели возможности построить собственный дом, то они могли жить в церковных домах на правах временного владения. При переходе в другой приход (практика смены приходов священниками в XIX в. была очень распро-

странена) они могли проживать в них до двух месяцев. Земля при церкви составляла неприкосновенную церковную собственность, которую нельзя было продать, заложить или обменять на другую без разрешения губернского начальства. С 1868 г. церковную землю нельзя было сдавать в аренду [32, л. 81]. Церковная земля и причтовые дома по возможности располагались вблизи приходской церкви.

Не всегда у представителей православного духовенства была возможность иметь в пользовании собственное жилье. Поэтому очень часто священники просили епархиальные духовные консистории о наделении угодьями и обеспечении домами причта, затем эти заявления поступали в

губернские присутствия. Такие прошения, например, в Могилевской губернии во второй половине XIX в. исходили от настоятелей Барсуковской, Нежковской, Шернянской, Церковищенской и других церквей. Проекты на землю составлялись люстраторами и землемерами. Необходимость постройки домов для священно- и церковнослужителей определялась уездным предводителем дворянства и благочинным.

В 1850 г. к архиепископу Минскому и Бобруйскому Михаилу (Голубовичу) обратился священник Языльской Преображенской церкви И. Пигулевский с просьбой устроить священнический дом. Дело вскоре было передано в особый стол канцелярии начальника Минской губернии и получило дальнейший ход. Даже за аренду жилья для себя и своей семьи И. Пигулевский получил денежную компенсацию в размере 12 руб. серебром [33, л. 1–4]. В 1856–1866 гг. подобное прошение о постройке дома и хозяйственных построек архиерею писали священник С. Логовский и пономарь Я. Ясинский, служившие в Гребинской церкви Игуменского уезда [34, л. 1–17]. Временным местом пребывания священника и пономаря стали казенный дом бывшего лесничего и комната в волостном доме. Руководство присутствия распорядилось договориться с мировым посредником и удовлетворить просьбы обратившихся [34, л. 19].

Временное решение сложного вопроса обеспечения церковных причтов жилыми и хозяйственными постройками архиепископ Минский и Бобруйский Михаил (Голубович) предложил после посещения Минской епархии в 1852 г. Предложения по ежегодной выплате т. н. «квартирных денег» священнику, диакону и пономарю (соответственно по 30, 15 и 10 руб. серебром), проживавших в тех населенных пунктах, где отсутствуют дома для причта или находятся в ветхом состоянии, были поддержаны губернским начальством. Выплаченные деньги предполагалось направлять на начало строительства домов. Подобные предложения высказывал и митрополит Литовский Иосиф (Семашко) [14, с. 182]. Вскоре все епархиальные благочинные приступили к составлению списков тех приходов, где необходим ремонт или строительство причтовых построек [35, л. 1, 4, 7, 9об.]. Так, на 1877 г., только в Минской епархии было

составлено 209 осмотровых актов, в Полоцкой – 94, в Литовской – 185, а в Могилевской епархии они вообще не составлялись [3, с. 392–393].

В 1866 г. Минское губернское присутствие по обеспечению православного духовенства разослало по благочиниям циркулярные письма, в которых подробно была описана процедура строительства и ремонта жилых домов и хозяйственных построек духовенству с приложением проектов этих строений [36, л. 2–9об.]. Так, местные помещики должны были выделять свои средства на ремонт и постройку зданий для духовенства (имелась специальная форма «раскладки, по которой следовало взыскивать с помещиков деньги на устройство помещений для причта такой-то церкви, такого-то уезда»), а местным крестьянам вменялось в обязанность вырубка леса, доставка камня, производство черных работ, копка ям и др. [36, л. 2, 8об.]. По итогам осмотра причтовых построек составлялся по форме акт, где определялась сумма, необходимая для производства работ [36, л. 3].

В безвыходных ситуациях духовенство вынуждено было самостоятельно обращаться в вышестоящие инстанции за помощью. В 1868 г. управляющий Борисовским благочинием священник И. Проволович и прихожане Волосовичской церкви ходатайствовали перед Минским губернским присутствием и Минской духовной консисторией по обеспечению православного духовенства о возможности постройки дома и хозяйственных построек для новорукоположенного священника Волосовичской церкви Борисовского уезда Минской губернии Ф. Богдановского. В письме от 26 марта 1868 г. за подписью вице-губернатора духовенству было рекомендовано договориться о строительстве причетнических помещений с местными помещиками и прихожанами [37, л. 1, 2].

В фондах Минской духовной консистории сохранились сметы на строительство помещений для причта Островской Троицкой церкви Новогрудского уезда. Так, по состоянию на 1909 г. на дом и хозяйственные постройки для священника И. Рудаковского требовалось 1 836 руб. [38, л. 5об.]. После окончания строительства всех помещений священнику И. Рудаковскому и псаломщику Н. Гладкову в д. Остров строительный

комитет в составе четырех священников (П. Лиходиевского, А. Быковского, А. Хильтова и Ф. Лисовского) составил акт, из которого видно, что строительство завершено успешно и общие расходы по объектам составили 3 083 руб. [38, л. 84–84об.]. Вопрос же очередности ремонта причтовых построек в конкретных приходах был в компетенции благочиннических съездов духовенства [39, л. 20].

Неоднократными были случаи строительства домов для священников местными прихожанами [3, с. 181–182]. Таким примером может служить Улазовичский приход в Витебской губернии, когда в 1861 г. сами прихожане построили для своего священника новый дом, а в 1889 г. – причтовые постройки [8, л. 27об., 28, 30].

Активное участие в системе земельного жилищного обеспечения православного духовенства во второй половине XIX в. принимал протоиерей А. Шеметилло (1820–1871), служивший в различных городских приходах Скиделя, Гродно, Вильно и выполнявший разнообразные общественно-церковные поручения. В 1864 г. по ходатайству А. Шеметилло было получено разрешение на доставку бесплатного леса из Кохановской и Дубницкой дач для постройки причтовых помещений священнику Д. Ястребову, настоятелю Коптевской Успенской церкви Гродненского уезда [40, с. 759–764].

Заключение

Таким образом, механизм земельного жилищного обеспечения православного приходского духовенства во взаимодействии государственно-церковного аппарата управления приносил конкретные доходы духовенству от обработки или сдачи в аренду земли, значительно улучшал хозяйственный быт больших священнических семей и всех причтов. Важно отметить объединенные усилия всей вертикали православного духовенства (от архиерея до приходского священника-настоятеля) по продвижению предложений, затрагивавших позиции общего материального обеспечения духовенства и частного решения земельных споров, строительства жилья и хозяйственных построек. Многовариантность решения проблемы земельного жилищного обеспечения православного духовенства не противоречила общегосударственным и церковным нормативным и епархиальным локальным документам. Во взаимодействии с губернскими и уездными государственными органами управления Российской империи на территории Беларуси руководители епархий и благочинные искали совместные механизмы финансирования приходского духовенства из средств государственной казны, личных средств императорского дома, бюджета Святейшего Синода, изыскивали средства из местных капиталов и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В. В. Яноўская [і інш.] ; навук. рэд. В. В. Яноўская ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2015. – 496 с.
2. Журналы заседаний Полоцкого епархиального съезда духовенства и церковных старост за сентябрь 1912 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 86.
3. Римский, С. В. Российская Церковь в эпоху великих реформ (церковные реформы в России 1860–1870-х годов) / С. В. Римский. – М. : Грааль, 1999. – 567 с.
4. Чуль, Р. В. Деятельность губернских комитетов и присутствий по обеспечению православного духовенства (1842–1885) / Р. В. Чуль // Белорусская государственность: истоки, становление, развитие (IX–XXI вв.) : материалы Респ. науч.-теорет. конф., Минск, 29 июня 2017 г. / редкол.: А. В. Касович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2017. – С. 76–79.
5. Дело о сдаче в аренду еврею М. Фельдману участка земли Велятичской церкви Пинского уезда (1869–1876) // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 33094.
6. Федоров, В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 / В. А. Федоров. – М. : Рус. панорама, 2003. – 480 с.
7. Беллюстин, И. Описание сельского духовенства / И. Беллюстин. – Лейпциг : Тип. Г. Бера, 1858. – 166 с.

8. Книга записи сведений по истории Улазовичской Параскевинской церкви Полоцкого уезда Витебской губернии за 1836–1899 гг. // НИАБ. – Ф. 2850. Оп. 1. Д. 1.
9. Вера и разум. – 1887. – № 9, май. – С. 691–748.
10. Книга записи сведений по истории Сиротинской Рождество-Богородицкой церкви Полоцкого уезда Витебской губернии за 1842–1898 гг. // НИАБ. – Ф. 2847. Оп. 1. Д. 1.
11. Книга записи сведений по истории Шатиловской Николаевской церкви Полоцкого уезда Витебской губернии за 1865–1895 гг. // НИАБ. – Ф. 2851. Оп. 1. Д. 1.
12. Павлюченко, Н. В. Экономическое и политическое положение православной церкви в Белоруссии в конце XIX – начале XX в. / Н. В. Павлюченко // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа : зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, ГрДУ імя Я. Купалы, Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; рэдкал.: С. В. Марозава [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2008. – С. 119–123.
13. О намежевании земли для причта Щорсовской церкви (1856–1857) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 3. Д. 4.
14. Извеков, Н. Д. Исторический очерк состояния Православной Церкви в Литовской епархии за время 1839–1889 гг. / Н. Д. Извеков. – М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1899. – 522 с.
15. Дело по земельному обеспечению причта Городейской церкви Новогрудского уезда (1899) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 2. Д. 28.
16. Дело по земельному обеспечению причта Мирской церкви Новогрудского уезда (1899) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 2. Д. 50.
17. Дело о земельном обеспечении причта Ястревльської церкви Новогрудского уезда (1893) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 2. Д. 6840.
18. Дело об обеспечении земель причта Городнецкой церкви Новогрудского уезда (1898) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 2. Д. 8340.
19. Дело об обеспечении земель причта Кореличской церкви Новогрудского уезда (1898) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 2. Д. 8342.
20. Дело об обеспечении земель причта Морозовичской церкви Новогрудского уезда (1898) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 2. Д. 8376.
21. Дело об обеспечении земель причта Негневичской церкви Новогрудского уезда (1898) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 2. Д. 8379.
22. Дело по земельному обеспечению причта Павловичской церкви Бобруйского уезда (1899) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 2. Д. 5.
23. Дело по земельному обеспечению причта Славковичской церкви Бобруйского уезда (1899) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 2. Д. 41.
24. Дело по земельному обеспечению причта Вязшской церкви Бобруйского уезда (1899) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 2. Д. 48.
25. Дело по земельному обеспечению причта Глусской Воскресенской церкви Борисовского уезда (1899) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 2. Д. 39.
26. Дело об утверждении акта о земельных владениях причта Лучицкой церкви Мозырского уезда (1891) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 2. Д. 5913.
27. Дело об обеспечении земель причта Старосельской церкви Мозырского уезда (1892) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 2. Д. 6820.
28. Дело об обеспечении земель причта Лемешевичской церкви Пинского уезда (1889) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 2. Д. 5872.
29. Дело об обеспечении земель причта Вуйвичской церкви Пинского уезда (1889) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 2. Д. 11151.
30. Геодезическое описание земельных угодий Глинянской церкви Пинского уезда за 1898 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 4. Д. 46.
31. Геодезическое описание земельных угодий Горковской Николаевской церкви Бобруйского уезда за 1900 г. // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 4. Д. 51.
32. Указы Синода за 1852–1873 гг. // НИАБ. – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 23.
33. Дело по прошению священника Языльской Преображенской церкви Бобруйского уезда И. Пигулевского о постройке для него дома (1850) // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 22769.
34. Об устройстве домов для причта Гребинской церкви Игуменского уезда (1856–1866) // НИАБ. – Ф. 309. Оп. 3. Д. 9.

35. Дело о производстве духовенству Минской епархии квартирных денег (1852) // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 23917.
36. Циркуляр Минского губернского присутствия по обеспечению православного духовенства от 2 сентября 1866 г. о постройке помещений для причтов и проект строений (1866–1876) // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 14. Д. 78.
37. Дело по отношению Минского губернского присутствия по обеспечению православного духовенства о необходимости строительства дома и других помещений для причта Вологовичской церкви Борисовского уезда (1868) // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 31970.
38. Дело о постройке помещений для причта Островской Троицкой церкви Новогрудского уезда (1909–1911) // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 11. Д. 69.
39. Журналы заседаний Полоцкого епархиального съезда духовенства и церковных старост за сентябрь 1912 г. // НИАБ. – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 86.
40. Литовские епархиальные ведомости. – 1871. – № 15. – С. 759–764.

REFERENCES

1. Kanfiesijny faktar u sacyjal'nym razvicci Bielarusi (kaniec XVIII – pachatak XX st.) / V. V. Janouskaja [i insh.] ; navuk. red. V. V. Janouskaja ; Nac. akad. navuk Bielarusi, In-t historyi. – Minsk : Bielarus. navuka, 2015. – 496 s.
2. Zhurnaly zasiedanij Polockogo jeparkhial'nogo sjezda dukhovienstva i cerkovnykh starost za sientyabr' 1912 g. // Nacional'nyj istorichieskij arkhiv Bielarusi (NIAB). – F. 2531. Op. 1. D. 86.
3. Rimskij, S. V. Rossijskaja Cerkov' v epokhu velikikh rieforn (cerkovnyje rieforny v Rossii 1860–1870-kh godov) / S. V. Rimskij. – M. : Graal', 1999. – 567 s.
4. Chul', R. V. Diejatiel'nost' gubernskikh komitetov i prisutstvij po obiespiechieniu pravoslavnogo dukhovienstva (1842–1885) / R. V. Chul' // Bieloruskaja gosudarstviennost': istoki, stanovlienije, razvitije (IX–XXI vv.) : materialy Riesp. nauch.-tieoriet. konf., Minsk, 29 ijunia 2017 g. / riedkol.: A. V. Kasovich (otv. ried.) [i dr.]. – Minsk : RIVSh, 2017. – S. 76–79.
5. Dielo o sdachie v ariendu jevrieju M. Fiel'dmanu uchastka ziemli Vieliatichskej cerkvi Pinskogo ujezda (1869–1876) // NIAB. – F. 136. Op. 1. D. 33094.
6. Fiodorov, V. A. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' i gosudarstvo. Sinoidal'nyj pieriod. 1700–1917 / V. A. Fiodorov. – M. : Rus. panorama, 2003. – 480 s.
7. Bielliustin, I. Opisanije siel'skogo dukhovienstva / I. Bielliustin. – Liejpcig : Tip. G. Bera, 1858. – 166 s.
8. Kniga zapisiej sviedienij po istorii Ulazovichskoj Paraskievinskej cerkvi Polockogo ujezda Vitiebskej gubernii za 1836–1899 gg. // NIAB. – F. 2850. Op. 1. D. 1.
9. Viera i razum. – 1887. – № 9, maj. – S. 691–748.
10. Kniga zapisiej sviedienij po istorii Sirotinskej Rozhdiestvo-Bogorodickoj cerkvi Polockogo ujezda Vitiebskej gubernii za 1842–1898 gg. // NIAB. – F. 2847. Op. 1. D. 1.
11. Kniga zapisiej sviedienij po istorii Shatilovskoj Nikolajevskoj cerkvi Polockogo ujezda Vitiebskej gubernii za 1865–1895 rr. // NIAB. – F. 2851. Op. 1. D. 1.
12. Pavliuchienko, N. V. Ekonomichieskoje i politichieskoje polozhenije pravoslavnoj cerkvi v Bielorusii v konce XIX – nachalie XX v. / N. V. Pavliuchienko // Khryscijanstva u histarychnym liosie bielaruskaha naroda : zb. navuk. art. / M-va adukacyi Resp. Bielarus', HrDU imia Ya. Kupaly, In-t historyi NAN Bielarusi ; redkal.: S. V. Marozava [i insh.]. – Hrodna : HrDU, 2008. – S. 119–123.
13. O namiezhevanii ziemli dlia prichta Shchorsovskoj cerkvi (1856–1857) // NIAB. – F. 309. Op. 3. D. 4.
14. Izviekov, N. D. Istorichieskij ochierk sostojanija Pravoslavnoj Cerkvi v Litovskoj jeparkhii za vrijeme 1839–1889 gg. / N. D. Izviekov. – M. : Piechatnia A. I. Sniegiriovoj, 1899. – 522 s.
15. Dielo po ziemiel'nomu obiespiechieniu prichta Gorodiejskej cerkvi Novogrudskogo ujezda (1899) // NIAB. – F. 309. Op. 2. D. 28.
16. Dielo po ziemiel'nomu obiespiechieniu prichta Mirskoj cerkvi Novogrudskogo ujezda (1899) // NIAB. – F. 309. Op. 2. D. 50.
17. Dielo o ziemiel'nom obiespiechieniu prichta Jastrievl'skoj cerkvi Novogrudskogo ujezda (1893) // NIAB. – F. 309. Op. 2. D. 6840.

18. Dielo ob obiespiechii ziemlioj prichta Gorodnieckoj cerkvi Novogrudskogo ujezda (1898) // NIAB. – F. 309. Op. 2. D. 8340.
19. Dielo ob obiespiechii ziemlioj prichta Korielichskoj cerkvi Novogrudskogo ujezda (1898) // NIAB. – F. 309. Op. 2. D. 8342.
20. Dielo ob obiespiechii ziemlioj prichta Morozovichskoj cerkvi Novogrudskogo ujezda (1898) // NIAB. – F. 309. Op. 2. D. 8376.
21. Dielo ob obiespiechii ziemlioj prichta Niegnevichskoj cerkvi Novogrudskogo ujezda (1898) // NIAB. – F. 309. Op. 2. D. 8379.
22. Dielo po ziemel'nomu obiespiechiiju prichta Pavlovichskoj cerkvi Bobrujskogo ujezda (1899) // NIAB. – F. 309. Op. 2. D. 5.
23. Dielo po ziemel'nomu obiespiechiiju prichta Slavkovichskoj cerkvi Bobrujskogo ujezda (1899) // NIAB. – F. 309. Op. 2. D. 41.
24. Dielo po ziemel'nomu obiespiechiiju prichta Viazshskoj cerkvi Bobrujskogo ujezda (1899) // NIAB. – F. 309. Op. 2. D. 48.
25. Dielo po ziemel'nomu obiespiechiiju prichta Gluskoj Voskriesienskoj cerkvi Borisovskogo ujezda (1899) // NIAB. – F. 309. Op. 2. D. 39.
26. Dielo ob utvierzhdienii akta o ziemel'nykh vladienijakh prichta Luchickoj cerkvi Mozyrskogo ujezda (1891) // NIAB. – F. 309. Op. 2. D. 5913.
27. Dielo ob obiespiechii ziemlioj prichta Starosiel'skoj cerkvi Mozyrskogo ujezda (1892) // NIAB. – F. 309. Op. 2. D. 6820.
28. Dielo ob obiespiechii ziemlioj prichta Liemieshevichskoj cerkvi Pinskogo ujezda (1889) // NIAB. – F. 309. Op. 2. D. 5872.
29. Dielo ob obiespiechii ziemlioj prichta Vujvichskoj cerkvi Pinskogo ujezda (1889) // NIAB. – F. 309. Op. 2. D. 11151.
30. Geodezicheskoje opisanije ziemel'nykh ugodij Glinianskoj cerkvi Pinskogo ujezda za 1898 g. // NIAB. – F. 136. Op. 4. D. 46.
31. Geodezicheskoje opisanije ziemel'nykh ugodij Gorkovskoj Nikolajevskoj cerkvi Bobrujskogo ujezda za 1900 g. // NIAB. – F. 136. Op. 4. D. 51.
32. Ukazy Sinoda za 1852–1873 gg. // NIAB. – F. 2531. Op. 1. D. 23.
33. Dielo po prosheniju sviashchiennika Jazyl'skoj Prieobrazhenskoj cerkvi Bobrujskogo ujezda I. Pigulievskogo o postrojkie dlia niego doma (1850) // NIAB. – F. 136. Op. 1. D. 22769.
34. Ob ustrojstvie domov dlia dlja prichta Griebionskoj cerkvi Igumienskogo ujezda (1856–1866) // NIAB. – F. 309. Op. 3. D. 9.
35. Dielo o proizvodstvie dukhovienstvu Minskoj jeparkhii kvartirnykh dienieg (1852) // NIAB. – F. 136. Op. 1. D. 23917.
36. Cirkuliar Minskogo gubernskogo prisutstvija po obiespiechiiju pravoslavnogo dukhovienstva ot 2 sentiabria 1866 g. o postrojkie pomieschchienij dlia prichtov i project strojenij (1866–1876) // NIAB. – F. 136. Op. 14. D. 78.
37. Dielo po otnosheniju Minskogo gubernskogo prisutstvija po obiespiechiiju pravoslavnogo dukhovienstva o nieobkhodimosti stroitel'stva doma i drugih pomieschchienij dlia prichta Volosovichskoj cerkvi Borisovskogo ujezda (1868) // NIAB. – F. 136. Op. 1. D. 31970.
38. Dielo o postrojkie pomieschchienij dlia prichta Ostrovskoj Troickoj cerkvi Novogrudskogo ujezda (1909–1911) // NIAB. – F. 136. Op. 11. D. 69.
39. Zhurnaly zasiedanij Polockogo jeparkhial'nogo sjezda dukhovienstva i cerkovnykh starost za sentiabr' 1912 g. // NIAB. – F. 2531. Op. 1. D. 86.
40. Litovskije jeparkhial'nyje vedomosti. – 1871. – № 15. – S. 759–764.

УДК 338.001.36

Антон Сергеевич Лемешевский
аспирант 2-года обучения каф. мировой экономики
Белорусского государственного экономического университета
Anton Lemeshevsky
2nd Year Postgraduate Student of the Department of World Economy
of Belarus State Economic University
e-mail: lemeshevsky95@gmail.com

ПРАВОВОЙ СТАТУС КРИПТОВАЛЮТ В СТРАНАХ БРИКС: ОПЫТ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Проведен анализ правового регулирования криптовалют в государствах – участниках БРИКС с учетом необходимости обмена опытом и изучения подходов к регулированию цифровой трансформацией экономик государств – членов БРИКС как одной из задач БРИКС и сотрудничеству в сфере цифровизации. Предметом исследования является правовой статус криптовалюты как цифрового актива, не предоставляющего ее владельцу каких-либо прав требования в отношении иных объектов гражданских прав. Анализируется действующее правовое регулирование криптовалюты в Республике Беларусь, предлагаются рекомендации по его развитию на основе изученного опыта.

Ключевые слова: БРИКС, криптовалюты, правовое регулирование, цифровые права, цифровая валюта.

Legal Status of Cryptocurrencies in the BRICS Countries: Experience and Opportunities for the Republic of Belarus

This article analyzes the legal regulation of cryptocurrencies in the BRICS member states, taking into account the relevance of the need to exchange experience and study approaches to regulating the digital transformation of the economies of the BRICS member states as one of the tasks of the BRICS and cooperation in the field of digitalization. The subject of the study is the legal status of cryptocurrency as a digital asset that does not provide its owner with any rights of claim in relation to other objects of civil rights. The author analyzes the current legal regulation of cryptocurrency in the Republic of Belarus and offers recommendations for its development based on the experience studied.

Key words: BRICS, cryptocurrencies, legal regulation, digital rights, digital currency.

Введение

Тенденции последних десятилетий, связанные с желанием стран укрепить экономические взаимосвязи, отражают вектор мирового развития на создание полицентричной системы международных отношений. Цифровые технологии в этом случае являются одним из связующих элементов такого процесса, как глобализация различных сфер человеческой деятельности. Несмотря на негативное влияние, вызванное пандемией Covid-19, страны БРИКС не утратили свою значимость как одну из главных движущих сил развития глобальной эко-

номики, обладая значительными человеческими и природными ресурсами [1].

На современном этапе Республика Беларусь развивает торгово-экономические отношения со всеми странами БРИКС. Два из пяти членов объединения – Россия и Китай – являются стратегическими партнерами Республики [2].

Внешнеэкономическое сотрудничество Беларуси со странами – участницами БРИКС представляет большой интерес, т. к. предоставляет определенные возможности для белорусской экономики, и недостаточный уровень цифровизации, связанный с криптовалютами, может сузить окно возможностей для развития сотрудничества.

Исследование правового статуса стран БРИКС

Согласно стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г. цифровые

Научный руководитель – Александр Леонидович Янчук, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой мировой экономики Белорусского государственного экономического университета

технологии, являются одним из определяющих факторов устойчивого экономического роста объединения. Разработка и внедрение этих технологий имеют первостепенное значение для населения стран БРИКС [1]. Бурное развитие технологий ставит перед странами объединения ряд вопросов, связанных с созданием эффективной модели правового регулирования с учетом зарубежного опыта. С учетом разного уровня цифрового развития стран БРИКС в рамках стратегии ставятся задачи, необходимые для обеспечения синергетического эффекта от цифровизации, обмена опытом и изучения подходов к регулированию цифровой трансформации экономики, совершенствования сотрудничества в рамках Партнерства БРИКС по новой промышленной революции и запуска под его эгидой перспективных проектов в целях ускорения цифровой трансформации экономики.

Создание и развитие технологии блокчейн и, как следствие, появление криптовалют играет особую роль в цифровой трансформации экономики как на государственном, так и на глобальном уровне [3].

Сущность криптовалюты в настоящее время недостаточно исследована, в результате чего поспешное формирование легального определения «криптовалюта» чревато негативными последствиями. Риски, связанные с обращением цифровой валюты, в т. ч. криминологические, многогранны, и их необходимо учитывать при выборе или модернизации модели правового регулирования цифровой валюты на основе изучения зарубежного опыта.

Российская Федерация

Первые попытки закрепить правовой статус криптовалют были приняты в начале 2018 г. 26 марта 2018 г. депутаты Государственной Думы В. В. Володин и П. В. Крашенинников внесли законопроект «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором было предложено внести изменения, согласно которым цифровые права признаются объектами гражданских прав с возможностью удостоверить лишь права на вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права. Также данный законопроект предлагал ввести понятие «циф-

ровые деньги». Под «цифровыми деньгами» предлагалось признавать «набор электронных данных (цифровой код или обозначение), не удостоверяющий право на какой-либо объект гражданских прав, созданный в информационной системе, отвечающей признакам децентрализованной информационной системы, установленной по закону, и применяемый пользователями этой системы для совершения платежей».

В пояснительной записке к законопроекту было указано, что электронные деньги не являются законным платежным средством, но в случаях и на условиях, установленных в будущем законодательством, электронные деньги могут использоваться физическими и юридическими лицами в качестве платежного средства в контролируемых объемах и в дополнительно урегулированном порядке. При этом уточняется, что правила о цифровых правах (т. е. об ином имуществе) применяются к обращению цифровых денег как средства платежа. Законопроект был принят 18 марта 2019 г., в нем сохранилась прежняя концепция, но были исключены специальные положения о цифровых деньгах [4].

Правовое регулирование статуса криптовалюты было продолжено в проекте Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (внесен в Государственную Думу Российской Федерации 28 марта 2018 г. группой депутатов), направленного на регулирование отношений, возникающих при создании, выпуске, хранении и обращении цифровых финансовых активов, а также при осуществлении прав и совершении обязательств по смарт-контрактам [5]. Данный законопроект сохранил понятия «криптовалюта» и «токен». Согласно предложенному законопроекту, как криптовалюта, так и токен являются собственностью, при этом определяющей ключевые различия между криптовалютой и токеном на основании признака одного эмитента (токена) и нескольких эмитентов/майнеров криптовалюты. Данный законопроект прямо устанавливает, что цифровые финансовые активы не являются законным платежным средством на территории Российской Федерации. Данный законопроект был принят 22 июля 2020 г. (вступил в силу с 1 января 2021 г.). В ходе принятия текст законопроекта был существенно пере-

работан, и понятия «криптовалюта» и «токен» были заменены на понятия «цифровой финансовый актив» и «цифровая валюта».

Понятие «криптовалюта» под определением «цифровая валюта» было закреплено в ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и подразумевалось как актив, который предлагается и (или) может быть принят в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной [6].

С учетом действующей редакции определения в законе «О цифровых финансовых активах» законодатель признает цифровую валюту особым объектом и видом платежного средства. Между тем законодатель не определяет места цифровой валюты в системе объектов гражданских прав, не определяет сферы допустимого использования цифровой валюты, не соотносит определение цифровой валюты с определением цифровых прав.

Окончательный вариант закона подвергся критике со стороны Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, в частности в связи с тем, что понятие цифровой валюты не в полной мере отражает технологические особенности цифровой валюты.

18 февраля 2022 г. Минфин России подготовил и внес в правительство Российской Федерации законопроект о регулировании криптовалют. Согласно этому законопроекту, использование криптовалют в качестве средства платежа на территории РФ будет по-прежнему запрещено, цифровые валюты рассматриваются исключительно в качестве инструмента для инвестиций. Кроме того, в России будет создан специальный реестр бирж и обменников, которые смогут вести деятельность, связанную с организацией оборота цифровых валют. Также Минфин предлагает для выхода на криптобиржу разделить инвесторов по уровню квалификации при помощи тестирования и установить порог инвестирования.

Вызывает сомнения правомерность выбора термина «цифровая валюта» применительно к определению криптовалют в связи с существованием концепции Банка России об эмиссии цифрового рубля как цифровой формы официальной валюты Российской Федерации и разделение понятий «валюта Российской Федерации» с появлением цифрового рубля, «цифровой валюты» (которая не является валютой Российской Федерации) и «цифрового рубля» (которой предположительно будет цифровой формой валюты Российской Федерации). Хотелось отметить, что отсутствие определения цифровой валюты в системе объектов гражданских прав вносит неопределенность и создает коллизии при отнесении криптовалюты к объектам абсолютного или относительного правоотношения, несмотря на то что, что правовой статус цифровой валюты как собственности уже урегулирован в целях обеспечения законодательства о банкротстве, исполнительного производства и антикоррупционного регулирования.

Китайская Народная Республика

В Китае правовой статус криптовалют не урегулирован на законодательном уровне. Регулирование осуществляется на уровне подзаконных нормативных правовых актов одновременно несколькими ведомствами, ведущую роль среди которых играет Народный банк Китая [7].

Первый шаг к регулированию правового статуса криптовалюты был провозглашен 3 декабря 2013 г., когда Народный банк Китая вместе с четырьмя министерствами и комиссиями выпустил Циркуляр о предотвращении рисков, связанных с биткоином, в котором говорится, что биткоином не выпускается эмитентом национальной валюты и не имеет денежных атрибутов законного погашения и принудительного исполнения. Таким образом, биткоин не рассматривался как истинная форма валюты, но он подтверждал использование в качестве «виртуального товара». Поскольку китайский рынок виртуальной валюты в то время еще не был зрелым, в документах того времени в основном использовался термин «биткоин» для обозначения криптовалюты.

4 сентября 2017 г. Народный банк Китая совместно с другими органами государственной власти КНР выпустил уведом-

ление «о предотвращении рисков, связанных с предложением токенов и финансированием». Главной его целью был запрет на проведение любых первичных размещений токенов в Китае. Уведомление также предписывало всем организациям и частным лицам, которые уже провели ICO в Китае, вернуть инвесторам собранные ранее средства.

1 октября 2017 г. вступил в силу Закон «Общая часть гражданского законодательства КНР», закрепивший в ст. 127 понятие «виртуальной собственности» и его охраны со ссылкой на специальное законодательство.

25 октября 2018 г. впервые в Китае Шэньчжэньский международный арбитражный суд вынес решение, определившее правовой статус криптовалюты в Китае как личного имущества, что было подтверждено судебной практикой 18 июля 2019 г. решением суда по иску о нарушении права собственности на биткоин. Суд пришел к выводу, что биткоин в данном случае следует рассматривать как виртуальную валюту, поскольку он имеет ценность, является дефицитным и может использоваться как средство передачи стоимости.

24 сентября 2021 г. на фоне тестирования национальной цифровой валюты Народный банк Китая заявил, что криптовалюты не должны циркулировать на рынках наравне с традиционными валютами и что иностранным биржам отныне запрещено предоставлять услуги материковым инвесторам.

Так, в Китае судебная практика признает за криптовалютой статус собственности, при этом специальный закон о его правовом статусе в настоящее время не принят.

Индия

В настоящее время в индийском законодательстве отсутствует определение криптовалюты, между тем выработка определения и отношения к обороту криптовалюты происходила с помощью правоприменительной и судебной практики и характеризуется диаметрально противоположными подходами различных органов власти.

Принимая во внимание риски оборота криптовалют, в апреле 2018 г. Резервный банк Индии (РБИ) выпустил циркуляр, запрещающий любому регулируемому РБИ субъекту работать с цифровыми валютами

или предоставлять услуги, которые помогают любому физическому или юридическому лицу иметь дело с цифровыми валютами [8]. В 2019 г. Межведомственный комитет Министерства финансов Индии представил законопроект «О запрете криптовалюты и регулировании официальной цифровой валюты», в котором предлагалось следующее определение криптовалюты:

1) любая информация, код, номер или токен, не являющийся частью какой-либо официальной цифровой валюты, который генерируется криптографическими средствами или иным образом;

2) предоставление цифрового представления стоимости, которая обменивается с встречным предоставлением или без него; с обещанием или гарантией того, что они имеют свою ценность;

3) в рамках любой деловой деятельности, которая может быть сопряжена с риском убытков или ожиданием прибыли или дохода, или функционирование в качестве средства сохранения стоимости или расчетной единицы, включая, помимо прочего, его использование в любой финансовой операции, или оказание услуги любому физическому или юридическому лицу, осуществляющему операции с криптовалютой.

Указанный проект критиковали за сомнительное определение криптовалюты, куда могли входить подарочные карты, купоны на скидку, баллы лояльности, в результате проект не был представлен в парламент.

4 марта 2020 г. Верховный суд Индии признал незаконным циркулярное письмо Резервного банка Индии в связи с нарушением принципа соразмерности применения превентивных положений закона риску возможного вреда. Проанализировав развитие позиции межправительственных организаций, а также органов государственной власти Индии в отношении оборота криптовалют в их исторической ретроспективе, Верховный суд Индии постановил, что, поскольку законодательство не регулирует вопрос о правовом статусе криптовалюты, запрет Резервного банка Индии для банков и финансовых учреждений в отношении операций с криптовалютой должен быть отменен.

Согласно уведомлению парламента, размещенному на официальном сайте, в хо-

де зимней сессии 2021 г. (29 ноября – 23 декабря 2021 г.) рассмотрен законопроект «О криптовалютах и регулировании официальной цифровой валюты», который содержал запрет обращения всех частных криптовалют в Индии, допуская при этом некоторые исключения, которые способствуют развитию технологии блокчейн, а также создают нормативную базу для цифровой валюты, которая будет выпущена Резервным банком Индии. Однако текст законопроекта не был опубликован.

Таким образом, правовой статус криптовалюты в Индии не определен на законодательном уровне, однако вполне вероятно, что парламент внесет правовую определенность на следующей сессии.

Бразилия

Несмотря на высокую долю электронных платежей и лояльность к внедрению современных технологий в финтех, в отношении криптовалюты Бразилия придерживается более сдержанного подхода [9]. Так, законопроект с целью правового регулирования оборота криптовалют впервые был внесен в Палату депутатов еще в 2015 г., правовой статус криптовалюты в настоящее время не определен.

Согласно действующему законодательству, бразильский реал является законным платежным средством, и все платежные обязательства на территории Бразилии должны быть номинированы в бразильских реалах. Любые соглашения, которые в любой форме ограничивают или запрещают использование законной валюты, являются недействительными.

Таким образом, криптовалюты не могут быть использованы в качестве платежного средства в Бразилии, и поэтому, как правило, в настоящее время криптовалюты отнесены к категории имущества, которое отнесено к общему режиму, установленному Гражданским кодексом.

В настоящее время нормативная база в сфере регулирования криптовалют и других цифровых активов включает в себя решения административных органов.

Так, в мае 2019 г. Секретариат федеральных доходов Министерства финансов Бразилии выпустил нормативную инструкцию о введении требований к отчетности по операциям, связанным с криптовалютой и

другими виртуальными активами [10]. Согласно ст. 5 указанной инструкции криптоактив представляет собой цифровое представление стоимости, выраженное в собственной расчетной единице, цена которого может быть выражена в местной или иностранной суверенной валюте, которое обращается в электронной форме с использованием криптографии и технологии распределенного реестра, используемых в качестве формы инвестиций, инструмента передачи стоимости или доступа к услугам и не являющихся законным платежным средством.

В августе 2019 г. Центральный банк Бразилии в отчете о статистике внешнего сектора рекомендовал учитывать операции с криптоактивами как операции с «производными нефинансовыми активами».

Законопроект № 2303/15 стал первой законодательной попыткой регулировать криптовалюты. Основной целью его внесения было решение проблем, связанных с использованием криптовалют в мошеннических схемах и необходимостью усиления мер по предотвращению отмыwania денег. Между тем в первоначальной версии законопроекта криптовалюты определялись как «электронная валюта» и предлагалось регулирование, аналогичное регулированию программ лояльности (например, программ начисления авиаперевозчиками бонусов за полеты).

Законопроект с изменениями, принятый 28 сентября 2021 г. в первом чтении, предлагает заменить понятие «криптовалюта» понятием «виртуальный актив», под которым понимается цифровое представление стоимости, которое может быть продано или передано с использованием электронных средств и использовано для осуществления платежей или с целью инвестирования. При этом согласно тексту законопроекта из понятия «виртуальные активы» исключены следующие значения:

- 1) национальная валюта и иностранная валюта;
- 2) электронная валюта (согласно Закону № 12.865 от 09.10.2013);
- 3) инструменты, предоставляющие держателю доступ к товарам или услугам, а также баллы и награды в рамках программ лояльности;

4) активы, которые регулируются законодательством (ценные бумаги и финансовые активы).

Таким образом, в Бразилии нет закона, который бы закреплял определение криптовалюты.

Южно-Африканская Республика

Первые шаги к определению правового статуса криптовалюты в Южной Африке были предприняты Южноафриканским резервным банком в 2014 г. с выпуском консультативного отчета, в котором было введено понятие «виртуальная валюта», что означало цифровое представление ценности, которое может продаваться в цифровом виде и функционировать в качестве средства обмена, расчетной единицы и/или сохранения стоимости, но не имеет статуса законного платежного средства.

В 2016 г. в Южной Африке была создана Межправительственная рабочая группа по финансовым технологиям (IFWG), в состав которой в настоящее время входят представители Национального казначейства, Южноафриканского резервного банка, Управления по надзору за финансовым сектором, Национального органа по регулированию кредитов, Центра финансовой разведки и Южноафриканской налоговой службы [11].

20 ноября 2020 г. Управление по надзору за финансовым сектором Южной Африки (FSCA) опубликовало проект декларации, в котором предлагается рассматривать криптоактивы как «финансовые продукты» в соответствии с Законом о финансовых консультационных и посреднических услугах (Закон FAIS), как и акции, деривативы и другие финансовые продукты. В частности, FSCA предлагает ужесточить регулирование финансовых консультационных и посреднических услуг в отношении криптоактивов, требуя, чтобы такие поставщики были лицензированы в качестве поставщиков финансовых услуг и соблюдали соответствующие требования FAIS.

Регуляторы финансового сектора ЮАР стремятся сохранять нейтралитет, чтобы создать условия для развития инновационной деятельности, обеспечивая при этом аналогичные условия как для существующих, так и для новых участников рынка. Поэтому, несмотря на отсутствие правовых актов, связанных с криптовалютами, регу-

лирование цифровых активов осуществляется на основании уже существующих законов – Закона о подоходном налоге 1962 г. и Положения о валютном контроле 1961 г., в которых упоминается валюта и Закон о биржах от 1933 г.

Республика Беларусь

В Республике Беларусь в 2017 г. был принят, а в марте 2018 г. вступил в силу Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» (Декрет № 8), значительная часть которого посвящена вопросам правового регулирования использования криптовалюты [12]. В приложении к декрету приводятся основные используемые в нем дефиниции, в т. ч. дается определение криптовалюты, под которой понимается биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена. При этом под токеном понимается запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой.

Такое определение криптовалюты критикуется белорусскими исследователями, которые отмечают, что «Декрет № 8 не учитывает, что в мировой практике существует множество видов токенов: пользовательские токены, токены-акции, токены-сертификаты, кредитные токены, лицензионные токены, долговые токены, токены капитала» [13]. Однако с такой точкой зрения вряд ли можно согласиться, ведь Декрет № 8 говорит о том, что только токены, которые могут быть использованы как средство обмена, являются криптовалютами, остальные вариации трактуются как иные объекты.

Несмотря на то, что в определении криптовалюты закреплено, что она является универсальным средством обмена в международном обороте, анализ п. 2.3 Декрета № 8 говорит об ограниченности ее оборота. Согласно указанной норме токены, а значит, и криптовалюта как их вид, могут обмениваться только на иные токены, белорусские рубли, валюту, электронные деньги. Как верно указывают исследователи, платежная функция криптовалюты при этом не реализуется, а новые виртуальные сущности во-

влекаются в оборот лишь как некий товар или финансовый актив.

В мае 2020 г. Закон № 165-3 «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» дополнили нормой, наделяющей администрацию Парка высоких технологий (ПВТ) полномочиями контролировать в пределах своей компетенции соблюдение законодательства о предотвращении легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения за деятельностью резидентов Парка высоких технологий в сфере криптовалют.

20 марта 2021 г. был опубликован декрет Президента Республики Беларусь «Об изменении декретов Президента Республики Беларусь» (Декрета № 1) [14]. Он изменил два нормативных акта из тех, что касаются резидентов ПВТ. Данный декрет внес изменения в работу ранее принятого Декрета № 8 и определил инструменты контроля согласно Закону № 165-3 для ПВТ, ограничив посреднические операции с цифровыми активами с использованием информационных сетей, систем и ресурсов национального сегмента сети Интернет. С принятием Декрета № 1 разрешение совершать операции с цифровыми активами получают только резиденты ПВТ. Также запрещается приобретение и (или) отчуждение, в т. ч. обмен, токенов, кроме случаев, предусмотренных декретом. До принятия Декрета № 1, такая деятельность не регулировалась за пределами ПВТ. Юридические лица могут владеть токенами, создавать и размещать их, но через резидента ПВТ. Можно также хранить токены в виртуальных кошельках, приобретать и отчуждать их, совершать с ними иные сделки (операции), но тоже только через операторов криптоплатформ, операторов обмена криптовалют, иных резидентов ПВТ. В свою очередь, физические лица вправе владеть токенами и с учетом особенностей, установленных Декретом № 8, хранить токены в виртуальных кошельках, менять их на иные токены, приобретать, продавать за рубли или валюту, электронные деньги, дарить и завещать. Основыва-

ясь на исследовании компании Chainalysis об отмывании денег по средствам криптовалют, можно сказать, что шаг по усилению контроля является чрезмерным, т. к. криптоинфраструктура Беларуси не была замечена в противоправных действиях [15].

Усиление контроля криптовалюты продолжилось в 2022 г. с принятием Указа № 48 «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты» от 14.02.2022 [16]. Документ принят, чтобы исключить случаи теневого финансирования незаконной деятельности, отмечают в комментарии к указу. В первую очередь он должен защитить участников рынка цифровых активов, причем не только от утраты имущества, но и от непреднамеренного вовлечения в запрещенную законом деятельность. Указ предусматривает формирование реестра адресов виртуальных кошельков, которые были замечены в противоправной деятельности.

Несмотря на наличие правовой базы для регулирования криптовалют, можно сделать выводы о чрезмерном контроле всех участников крипторынка, что может отпугнуть потенциальных инвесторов.

Заключение

Проанализировав подходы к правовому регулированию криптовалют в странах межгосударственного союза БРИКС, можно сделать вывод, что у всех стран – участниц БРИКС отсутствует правовая определенность на законодательном уровне относительно правового статуса криптовалют, что выгодно отличает правовое регулирование криптовалют в Республике Беларусь, в котором содержатся определение криптовалют, их статус и порядок использования.

В Бразилии текущая нормативная база для регулирования криптовалют и других цифровых активов состоит из указов, принятых административными органами. Правовой статус криптовалюты в Индии в настоящее время не определен на законодательном уровне. В Китае судебная практика признает за криптовалютой статус собственности, хотя специальный закон, касающийся ее правового статуса, в настоящее время не принят, а действующее правовое регулирование осуществляется только подзаконными актами. В ЮАР этот вопрос находится на стадии проработки квалифи-

кации криптовалюты и текущее регулирование осуществляется с помощью правовых актов, принятых в прошлом столетии.

В Российской Федерации хотя и принят закон, закрепивший понятие криптовалюты как цифровой валюты, существует правовая неопределенность в отношении правового статуса цифровой валюты как объекта гражданских прав, а также объекта налогообложения.

В рамках создания и улучшения правовой базы, направленной на регулирование криптовалют, нужно придерживаться принципа разумной сдержанности, что позволит более эффективно интегрироваться в сфере цифровизации, в частности криптовалют, между Республикой Беларусь и странами – участницами БРИКС.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Strategy for BRICS Economic Partnership 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eng.brics-russia2020.ru/images/114/81/1148155.pdf>. – Дата доступа: 15.03.2022.
2. Рутко, Д. Ф. Развитие внешнеэкономического сотрудничества Республики Беларусь со странами БРИКС / Д. Ф. Рутко // Россия: тенденции и перспективы развития – 2017. – № 12-1. – С. 365–370.
3. Мамаева, Л. Н. Блокчейн как новый этап в развитии цифровой экономики / Л. Н. Мамаева, Н. А. Гребенчиков // Направления развития экономики. – 2018. – № 4 (33). – С. 60–64.
4. О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 18 марта 2019 г., № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 12. – Ст. 1224.
5. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 31 июля 2020 г., № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31, ч. 1. – Ст. 5018.
6. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 30 июля 2020 г., № 259-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
7. Алексеенко, А. П. Регулирование отношений в сфере ICO и оборота криптовалюты в КНР и Макао / А. П. Алексеенко // Балт. гуманитар. журн. – 2019. – № 3 (28). – С. 209–212.
8. Saurav Sinha Prohibition on dealing in Virtual Currencies (VCs) [Electronic resource] : RBI/2017-18/154 (2018) // Saurav Sinha / Reserve bank of India. – Delhi, 2018.
9. БРИК: Бразилия – крупнейший карточный рынок Латинской Америки [Электронный ресурс] // Интернет-издание ПЛАС. – Режим доступа: <https://plusworld.ru/journal/2011/02-2011/art142025/>. – Дата доступа: 26.02.2022.
10. Instrução Normativa RFB nº 1888 [Electronic resource] : Instrução Normativa RFB nº 1888, de 03 de Maio de 07.05.2019. – NORMAS, 2019. – P. 14.
11. Dulatova, N. The Ecosystem of Cryptocurrency as an Object of Civil Rights in BRICS Countries / N. Dulatova, A. Razak // BRICS Law Journal. – 2020. – № 7 (2). – С. 37–65.
12. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // Официальный сайт Президента Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
13. Витушко, В. А. Понятие и особенности правового режима криптовалюты в гражданских правоотношениях Беларуси / В. А. Витушко // Актуал. проблемы гражд. права. – 2019. – № 1-2. – С. 7–27.
14. Об изменении декретов Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 18 марта 2021 г., № 1 // Официальный сайт Президента Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
15. 270 Service Deposit Addresses Drive 55 % of Money Laundering in Cryptocurrency [Electronic resource] // Chainalysis. – Mode of access: <https://blog.chainalysis.com/reports/cryptocurrency-money-laundering-2021/>. – Date of access: 03.03.2022.

16. О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 14 февр. 2022 г., № 48 // Официальный сайт Президента Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

REFERENCES

1. Strategy for BRICS Economic Partnership 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eng.brics-russia2020.ru/images/114/81/1148155.pdf>. – Дата доступа: 15.03.2022.
2. Rutko, D. F. Razvitije vneshnieekonomicheskogo sotrudnichestva Rjespubliki Bielarus' so stranami BRIKS / D. F. Rutko // Rossija: tendencii i pierspiektivy razvitija – 2017. – № 12-1. – S. 365–370.
3. Mamajeva, L. N. Blokchiejn kak novyj etap v razvitii cifrovoj ekonomiki / L. N. Mamajeva, N. A. Griebienichikov // Napravlienija razvitija ekonomiki. – 2018. – № 4 (33). – S. 60–64.
4. O vniesienii izmienienij v chasti piervuju, vtoruju i stat'ju 1124 chasti triet'jej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Fiedieracii [Электронный ресурс] : Fiedier. zakon, 18 marta 2019 g., № 34-FZ // Sobranije zakonodatel'stva Rossijskoj Fiedieracii. – 2019. – № 12. – St. 1224.
5. O cifrovyykh finansovykh aktivakh, cifrovoj valiutie i o vniesienii izmienienij v otdiel'nyje zakonodatel'nyje akty Rossijskoj Fiedieracii [Электронный ресурс] : Fiedier. zakon, 31 ijulia 2020 g., № 259-FZ // Sobranije zakonodatel'stva Rossijskoj Fiedieracii. – 2020. – № 31, ch. 1. – St. 5018.
6. O cifrovyykh finansovykh aktivakh, cifrovoj valiutie i o vniesienii izmienienij v otdiel'nyje zakonodatel'nyje akty Rossijskoj Fiedieracii [Электронный ресурс] : Fiedier. zakon, 30 ijulia 2020 g., № 259-FZ // Konsul'tantPlus. Rossija / ZAO «Konsul'tantPlus». – M., 2020.
7. Aliksiejenko, A. P. Riegunirovanije odnoszenij v sfierie ICO i oborota kriptovalyuty v KNR i Makao / A. P. Aliksiejenko // Balt. gumanitar. zhurn. – 2019. – № 3 (28). – S. 209–212.
8. Saurav Sinha Prohibition on dealing in Virtual Currencies (VCs) [Electronic resource] : RBI/2017-18/154 (2018) // Saurav Sinha / Reserve bank of India. – Delhi, 2018.
9. BRIK: Brazilija – krupnejshij kartochnyj rynek Latinskoj Amieriki [Электронный ресурс] // Internet-izdaniye PLAS. – Riezhim dostupa: <https://plusworld.ru/journal/2011/02-2011/art142025/>. – Data dostupa: 26.02.2022.
10. Instrução Normativa RFB nº 1888 [Electronic resource] : Instrução Normativa RFB nº 1888, de 03 de Maio de 07.05.2019. – NORMAS, 2019. – P. 14.
11. Dulatova, N. The Ecosystem of Cryptocurrency as an Object of Civil Rights in BRICS Countries / N. Dulatova, A. Razak // BRICS Law Journal. – 2020. – № 7 (2). – C. 37–65.
12. O razvitii cifrovoj ekonomiki [Электронный ресурс] : Diekriet Priezidenta Rjesp. Bielarus', 21 diek. 2017 g., № 18 // Oficial'nyj sajt Priezidenta Rjespubliki Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2017.
13. Vitushko, V. A. Poniatije i osobiennosti pravovogo riezhima kriptovalyuty v grazhdanskikh pravootnoshenijakh Bielarusi / V. A. Vitushko // Aktual. problimy grazhd. prava. – 2019. – № 1-2. – S. 7–27.
14. Ob izmienienii diekrietov Priezidenta Rjespubliki Bielarus' [Электронный ресурс] : Diekriet Priezidenta Rjesp. Bielarus', 18 marta 2021 g., № 1 // Oficial'nyj sajt Priezidenta Rjespubliki Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2021.
15. 270 Service Deposit Addresses Drive 55 % of Money Laundering in Cryptocurrency [Electronic resource] // Chainalysis. – Mode of access: <https://blog.chainalysis.com/reports/cryptocurrency-money-laundering-2021/>. – Date of access: 03.03.2022.
16. O riejestrie adresov (identifikatorov) virtual'nykh koshel'kov i osobiennostiakh oborota kriptovalyuty [Электронный ресурс] : Ukaz Priezidenta Rjesp. Bielarus', 14 fievr. 2022 g., № 48 // Oficial'nyj sajt Priezidenta Rjespubliki Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2022.

УДК 332.1

Валерий Михайлович Карпенко¹, Чжу Хао²¹канд. техн. наук, доц., доц. каф. инноватики и предпринимательской деятельности
Белорусского государственного университета²аспирант 2-го года обучения каф. международного менеджмента
Белорусского государственного университета**Valeri Karpenka¹, Zhu Hao²**¹PhD in Engineering, Associate Professor,
Associate Professor of Department of Innovation and Entrepreneurship
of the Belarusian State University²2nd Year Postgraduate Student of the Department of International Management
of the Belarusian State Universitye-mail: ¹vmkarpenka@gmail.com; ²zhuhao402@qq.com

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ КИТАЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ГЛАВНЫХ КОМПОНЕНТ И КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА

Разработана система показателей для оценки экономического регионального развития по трем аспектам: общий экономический рост, экономическая структура и экономическая эффективность. С помощью метода главных компонент и кластерного анализа разрабатывается региональная политика для каждого региона. Методика апробирована на тридцати одной провинции Китая.

Ключевые слова: региональная экономика, метод главных компонент, кластерный анализ, региональное неравенство, региональное экономическое развитие.

Comprehensive Assessment of Regional Economic Development in China Using Principal Component Method and Cluster Analysis

The article develops a system of indicators to assess economic regional development along three dimensions: overall economic growth, economic structure and economic efficiency. Using principal component method and cluster analysis, the regional policy is developed for each region. The methodology is tested on thirty-one Chinese provinces.

Key words: regional economy; principal component method; cluster analysis; regional inequality; regional economic development.

Введение

Несбалансированное региональное экономическое развитие является ключевой проблемой, ожидающей срочного решения на данном этапе развития Китая. В условиях «новой нормальности» экономического развития Китая стратегия скоординированного регионального развития, ядром которого является выделение четырех экономических зон, имеет большое значение. Национальные цели в данный момент заключаются в содействии региональному саморазвитию, взаимодополняемости региональных преимуществ и взаимовыгодного сотрудничества между регионами, избавлении от неэффективного строительства и предотвращения недобросовестной конкуренции. Однако для достижения вышеуказанных целей выделение четырех комплексных экономи-

ческих зон не всегда целесообразно. Необходим постоянный мониторинг и регулярная оценка каждой провинции и каждого региона, политика должна своевременно корректироваться по выявленным тенденциям, чтобы сделать развитие более скоординированным и полным, что связано с долгосрочными интересами страны.

Существуют различные методы комплексной оценки уровня экономического развития регионов. Например, Ван Цин и Цзинь Чунь использовали метод факторного анализа, коэффициент Джини и индекс Тейля для измерения степени неравенства экономического развития регионов, в качестве объектов исследования выступали восемь типичных городских агломераций Китая [1].

Гуань Хаомин и Чжай Миньвэй построили систему оценочных показателей,

разделив 30 провинциальных административных единиц страны на пять уровней, измерили экономическое развитие, используя данные за 2000–2011 гг., и проанализировали показатели регионального развития [2].

Ли Ци и Ху Шисянь провели комплексную оценку экономического развития городов провинции Шаньси на основе метода анализа главных компонент [3].

Гао Таосюань и Чэнь Минь использовали фиксированные веса для преобразования многоиндикаторных панельных данных в одноиндикаторные функциональные данные, а затем провели кластеризацию и экономическую оценку [4]. Проблему кластеризации также изучали Л. Хорват и П. Кокошка [5], Дж. О. Рамзи и Дж. Хукер Дж. [6], Вэй Яньхуа и Ма Липин [7]. Эти исследования стали теоретической базой для разработок авторов.

Целью статьи является разработка и апробация комплексной оценки регионального экономического развития регионов Китая. Для ее реализации следует решить следующие задачи: 1) проанализировать существующие подходы к оценке уровня экономического развития регионов; 2) определить авторский набор показателей и способ их обработки и последующего анализа; 3) оценить действующую региональную политику и ее эффективность.

Методы исследования и построение модели

Современными методами исследования, используемыми для изучения уровня регионального экономического развития, являются метод анализ главных компонент, метод Дельфи, метод анализа иерархий и метод кластерного анализа. Оценка уровня экономического развития региона – это непрерывный процесс, и особенно важно выбрать соответствующие показатели оценки, поскольку некоторые показатели имеют низкую релевантность данных и не могут дать достоверных данных, в то время как некоторые показатели имеют высокую релевантность данных и могут дать ценную справочную информацию. Поэтому в данной работе для изучения и построения комплексной оценки экономического развития каждой провинции Китая используется метод анализа главных компонент (РСА), основная идея которого заключается в прове-

дении анализа главных компонент дважды: в первом исследовании оценивают корреляцию между показателями, во втором – корреляцию между отдельными наблюдениями в разные моменты времени.

Авторский алгоритм исследования представлен ниже. Предполагается, что объект исследования представляет собой многоиндикаторные короткие панельные данные $\{x_{ij}(t)\}_{n \times p \times d}$, где $i = 1, 2, \dots, n$; $j = 1, 2, \dots, p$; $t = 1, 2, \dots, d$; $x_{ij}(t)$ обозначает данные наблюдения индикатора j для выборки i в момент времени t .

Первый РСА был выполнен следующим образом. Для данных $\{x_{ij}(t)\}_{n \times p \times d}$ сначала необходимо зафиксировать время t . Для каждого момента t выполнить РСА на данных поперечного среза $(x_{ij})_{n \times p}$ и определить $m_t (t = 1, 2, \dots, d)$ главные компоненты, обозначенные как $Z_{t1}, Z_{t2}, \dots, Z_{tm_t}$, соответствующие собственные значения $\lambda_{t1}, \lambda_{t2}, \dots, \lambda_{tm_t}$; соответствующие оценки главных компонент $ZS_{t1}, ZS_{t2}, \dots, ZS_{tm_t}$.

Пусть $\omega_{tk} = \frac{\lambda_{tk}}{\sum_{1 \leq k \leq m_t} \lambda_{tk}}$; $k = 1, 2, \dots, m_t$,

и затем комплексный балл индивидуума s_i в момент t получается согласно $\sum_{k=1}^{m_t} \omega_{tk} ZS_{tk}$, обозначаемый как z_{it} ; $i = 1, 2, \dots, n$. Если s_1, s_2, \dots, s_n в $T_1 \subseteq T = \{t_1, t_2, \dots, t_d\}$ в пределах наблюдений для анализа, можно записать $T_1 = \{t_1, t_2, \dots, t_{d_1}\}$, или $T_1 = \{1, 2, \dots, d_1\}$, то для индивидуума $s_i, i = 1, 2, \dots, n$, имеется

$$\{x_{i1}(t), x_{i2}(t), \dots, x_{ip}(t)\} \\ t \in T_1 \rightarrow (z_{i1}, z_{i2}, \dots, z_{id_1}).$$

Панельные данные временной размерности d_1 можно рассматривать как кросс-секционные данные показателей d_1 . Поскольку один и тот же показатель содержит различную информацию в разные моменты времени, разумно рассматривать время как показатель, следствием этого является возникновение сильной корреляции между показателями, и РСА может решить такие проблемы. Поэтому мы выполняем еще один РСА для $(z_{i1}, z_{i2}, \dots, z_{id_1})_{n \times d_1}$. Предполагая, что извлечено m главных компонент и соответствующие собственные значения $\mu_1, \mu_2, \dots, \mu_m$, индивид $s_i (i = 1, 2, \dots, n)$ и соответствующие оценки

главных компонент $(zz_{i1}, zz_{i2}, \dots, zz_{im})$, а затем можно вычислить композитный балл индивида s_i ($i = 1, 2, \dots, n$) по следующей формуле:

$$ZS_i = \sum_{k=1}^m \omega_k zz_{ik}.$$

В то же время был проведен кластерный анализ на основе метода кластеризации для 31 провинции Китая за 2015–2020 гг., которые формируют четыре основные экономические зоны Китая, по следующему алгоритму.

Предполагается, что регион r включает $s_{r1}, s_{r2}, \dots, s_{rk}$, всего n_r регионов; где $r = 1, 2, \dots, R$. Комплексные оценки $s_{r1}, s_{r2}, \dots, s_{rk}$ обозначаются как $ZS_{r1}, ZS_{r2}, \dots, ZS_{rn_k}$; соответствующая численность населения записывается как $ps_{r1}, ps_{r2}, \dots, ps_{rn_k}$; нормализовать соответствующий размер численности для по-

лучения веса $W_r = (w_{r1}, w_{r2}, \dots, w_{rn_k})$, итоговый балл зоны r :

$$ZS_r \sum_{i=1}^{n_k} w_{ri} ZS_{ri}.$$

Комплексная оценка экономического развития регионов Китая

Мы выбрали семь показателей в качестве показателей, отражающих уровень экономического развития региона (таблица 1), включая валовой региональный продукт (ВРП), располагаемый доход на душу населения, долю третичного сектора экономики, коэффициент урбанизации, инвестиции в основной капитал, поступление из общего бюджета и общий объем розничных продаж потребительских товаров, исследование охватывает период 2015–2020 гг., а данные, использованные в статье, взяты из провинциальных статистических ежегодников и Китайского статистического ежегодника.

Таблица 1. – Показатели для комплексной оценки экономического развития регионов Китая

Обозначение	Показатель
X_1	Валовой региональный продукт, 100 млн юаней
X_2	Располагаемый доход на душу населения, юаней/человека
X_3	Доля третичного сектора экономики, %
X_4	Коэффициент урбанизации
X_5	Инвестиции в основной капитал, 100 млн юаней
X_6	Поступление из общего бюджета, %
X_7	Общий объем розничных продаж потребительских товаров, 100 млн юаней

Первый PCA. Анализ главных компонент – это статистический метод интеграции исходного множества переменных в несколько комплексных показателей, он позволяет уменьшить размерность. В данной работе анализ главных компонент проходит с помощью программного обеспечения Stata17. Из таблицы общей дисперсии

выбирается количество главных компонент с суммарным процентом вклада более 85 % и рассчитывается комплексный показатель. Из статистических данных по 31 провинции Китая за 2015–2020 гг. были получены главные компоненты, и результаты показаны в таблице 2.

Таблица 2. – Первичный PCA

Year	КМО	p-value	Comp ₁		Comp ₂		Cumulative
			Eigenvalue	Proportion	Eigenvalue	Proportion	
2015	0,669	0,000	4,14274	0,5918	2,26444	0,3235	0,9153
2016	0,649	0,000	4,11373	0,5877	2,32117	0,3316	0,9193
2017	0,634	0,000	4,09388	0,5848	2,36649	0,3381	0,9229
2018	0,672	0,000	4,09564	0,5851	2,35741	0,3368	0,9219
2019	0,721	0,000	4,09608	0,5852	2,31671	0,3310	0,9161
2020	0,688	0,000	4,10374	0,5862	2,33976	0,3343	0,9205

Затем процент вклада дисперсии главных компонент в таблице 2 умножали на балл каждой главной компоненты. Таким образом, был получен сводный балл

за шесть лет; сводный балл шести лет рассматривался как шесть показателей оценки, и для этих показателей был проведен тест на корреляцию (таблица 3).

Таблица 3. – Коэффициенты корреляции

Год	2015	2016	2017	2018	2019	2020
2015	1					
2016	0,9987	1				
2017	0,9972	0,999	1			
2018	0,9958	0,9978	0,9992	1		
2019	0,9899	0,9904	0,9921	0,993	1	
2020	0,9876	0,9888	0,9907	0,992	0,9989	1

Из таблицы 3 видно, что коэффициенты корреляции шестилетних комплексных показателей 31 провинции очень велики: экономический уровень всех провинций относительно стабилен, и это сложилось благодаря политической стабильности и устойчивому развитию экономики в стране.

Второй PCA. Тест КМО и тест Бартлетта на сферичность был проведен на базе соответствующего сводного балла каждой провинции за 6 лет в качестве показателя

оценки, и КМО = 0,845, р-значение теста Бартлетта на сферичность составило 0,000, что было пригодно для повторного анализа главных компонент.

Согласно результатам анализа был извлечен один главный компонент с собственным значением 5,97042 и коэффициентом вклада 0,9951, и рассчитан окончательный сводный балл для каждой провинции на 2015–2020 гг., как показано в таблице 4.

Таблица 4. – Сводные баллы провинций Китая

Год							2015–2020	Рейтинг
2015	2016	2017	2018	2019	2020			
Пекин								
3,01823	3,07341	3,13194	3,13718	3,10901	3,12289	5,841511	1	
Шанхай								
2,85361	3,01571	2,98223	2,98732	2,97837	3,03099	5,607624	2	
Гуандун								
2,63301	2,57073	2,59825	2,57535	2,68256	2,66034	4,938896	3	
Цзянсу								
2,33523	2,16868	2,08137	2,04493	2,09941	2,0992	4,030074	4	
Чжэцзян								
1,61844	1,59638	1,65514	1,70994	1,70839	1,768	3,159523	5	
Шаньдун								
1,36232	1,2335	1,17463	1,11491	0,979665	0,951732	2,141234	6	
Тяньцзинь								
0,952695	1,07545	1,0244	0,931014	0,896616	0,908822	1,818726	7	
Ляонин								
0,406871	0,355936	0,305263	0,245104	0,024238	0,036048	0,4311517	8	
Фуцзянь								
0,15786	0,131288	0,169501	0,142662	0,166372	0,225962	0,3121462	9	
Хубэй								
0,058225	-0,006331	0,010387	0,000125	0,118413	-0,117669	0,0199652	10	
Сычуань								
-0,215788	-0,200171	-0,153117	-0,100957	-0,033643	-0,026441	-0,2291908	11	
Чунцин								
-0,193494	-0,18462	-0,187572	-0,113759	-0,11709	-0,093339	-0,2794994	12	
Хунань								
-0,223934	-0,213136	-0,163322	-0,110253	-0,097313	-0,156205	-0,3027107	13	
Хэнань								
-0,228811	-0,308757	-0,316851	-0,275364	-0,118818	-0,155289	-0,4410526	14	
Хэбэй								
-0,298568	-0,342368	-0,303664	-0,268342	-0,218508	-0,214004	-0,5168987	15	

Окончание таблицы 4

Внутренняя Монголия							
-0,336311	-0,290374	-0,216039	-0,253335	-0,455376	-0,497564	-0,6436684	16
Хэйлуцзян							
-0,30831	-0,265066	-0,264337	-0,254573	-0,760103	-0,807096	-0,8356961	17
Аньхой							
-0,577703	-0,578377	-0,581092	-0,519817	-0,225311	-0,195133	-0,8409843	18
Шаньси							
-0,356356	-0,349655	-0,525802	-0,46346	-0,675847	-0,66839	-0,9552683	19
Хайнань							
-0,735198	-0,674148	-0,630518	-0,6325	-0,70781	-0,615578	-1,255296	20
Шэньси							
-0,649818	-0,69169	-0,737068	-0,737009	-0,676403	-0,610122	-1,288931	21
Цзянси							
-0,746088	-0,714257	-0,753026	-0,707325	-0,62185	-0,582118	-1,29581	22
Цзилинь							
-0,766739	-0,718095	-0,718531	-0,649137	-0,752186	-0,802092	-1,384368	23
Гуанси							
-1,00353	-1,05493	-0,987015	-0,990738	-0,890142	-0,861348	-1,818285	24
Юньнань							
-1,03616	-1,03088	-1,04353	-1,113	-0,907832	-0,947377	-1,909762	25
Нинся							
-1,08012	-1,03353	-1,00973	-1,00544	-1,03559	-0,997981	-1,93599	26
Синьцзян							
-1,0213	-1,0557	-1,07613	-1,11866	-1,00462	-1,03877	-1,984127	27
Ганьсу							
-1,23061	-1,16839	-1,1183	-1,1094	-1,24052	-1,20179	-2,220806	28
Гуйчжоу							
-1,23332	-1,23901	-1,27004	-1,23433	-1,10316	-1,04885	-2,239648	29
Цинхай							
-1,39264	-1,33999	-1,24805	-1,24658	-1,23037	-1,19078	-2,402716	30
Тибет							
-1,7617	-1,76161	-1,82936	-1,98454	-1,89057	-1,97603	-3,520145	31

Согласно комплексному показателю Аньхой и Хэбэй имеют наиболее очевидный прогресс с точки зрения комплексного экономического развития.

Аньхой занял 22-е место в 2015 г. и 18-е в 2020 г. в основном благодаря своему особому географическому положению: Аньхой соседствует с провинциями Цзянсу и Чжэцзян, что привело к быстрому экономическому развитию в результате переноса производства в центр.

Провинция Хэбэй, которая с 2015 по 2018 г. занимала 19-е место в стране, поднялась на 16-е в 2019 г. и на 15-е в 2020 г., что обусловлено объявлением о создании особой экономической зоны в Сюньгане китайским правительством в 2017 г. Таким образом, это принесло значительные инвестиции и стимулировало экономику.

Наиболее значительный экономический регресс наблюдается в провинции Цзилинь, которая опустилась с 16-го места в

2015 г. на 23-е в 2020 г., причем основными причинами экономического регресса стали спад на государственных предприятиях, потеря динамизма рынка и, как следствие, уменьшение численности населения.

Кластерный анализ. Он был проведен на основе метода кластеризации по расстоянию ward для составных баллов за 2015–2020 гг., выборка была разделена на четыре категории в соответствии с дендрограммой кластерного анализа, а результаты кластерного анализа представлены в таблице 5.

Как видно, Пекин, Шанхай и Гуандун являются тремя наиболее развитыми регионами Китая, за ними следуют Цзянсу, Чжэцзян, Шаньдун и Тяньцзинь.

Все эти семь провинций и городов относятся к восточному региону Китая с развитой региональной экономикой.

Развивающиеся регионы включают относительно слаборазвитые восточные провинции, все центральные провинции и

некоторые относительно хорошо развитые западные провинции, в то время как все

провинции, относительно отстающие в развитии, из западной части Китая.

Таблица 5. – Результаты кластерного анализа

Кластер (район)	Провинции кластера
Развитый	Шанхай, Пекин, Гуандун
Менее развитый	Цзянсу, Чжэцзян, Шаньдун, Тяньцзинь
Развивающийся	Ляонин, Фуцзянь, Хубэй, Сычуань, Чунцин, Хунань, Хэнань, Хэбэй, Внутренняя Монголия, Хэйлунцзян, Аньхой, Шэньси, Хайнань, Шэньси, Цзянси, Цзилинь
Слаборазвитый	Гуанси, Юньнань, Нинся, Синьцзян, Ганьсу, Гуйчжоу, Цинхай, Тибет

Комплексная оценка экономического развития четырех экономических зон.

После расчета отношения средней общей численности населения каждой провинции к средней общей численности населения каждой зоны за период 2015–2020 гг. был

определен вес балла каждой провинции в оценке ареала, и, наконец, был рассчитан комплексный балл зоны, и комплексные баллы экономического развития четырех основных зон представлены в таблице 6.

Таблица 6. – Комплексная оценка экономического развития четырех экономических зон

Провинция	Комплексный балл	Рейтинг
Зона 1 – Восточный Китай		
Пекин, Тяньцзинь, Хэбэй, Шанхай, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Шаньдун, Гуандун, Хайнань	2,9012	1
Зона 2 – Северо-восточный Китай		
Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян	-0,435	2
Зона 3 – Центральный Китай		
Шаньси, Аньхой, Цзянси, Хэнань, Хубэй, Хунань	-0,563	3
Зона 4 – Западный Китай		
Внутренняя Монголия, Гуанси, Чунцин, Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Тибет, Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Нинся, Синьцзян	-1,3303	4

В сочетании с комплексными оценками каждой провинции текущая ситуация экономического развития четырех основных зон анализируется следующим образом.

Восточный Китай. Комплексный показатель восточного региона намного выше, чем в трех других крупных экономических регионах, причем в Пекине, Шанхае, Гуандуне, Цзянсу и Чжэцзяне комплексный показатель выше, чем в Восточном Китае в целом. Хэбэй и Хайнань – провинции, которые занимают низкие позиции в Восточном регионе, но они также могут занимать 15-е и 20-е места в национальном рейтинге. С тех пор как центральное правительство объявило о создании особой экономической зоны Сюньань в Хэбэе в 2017 г., в Хэбэе наблюдается существенный экономический рост, а год спустя, в 2018 г., генеральный секретарь Си Цзиньпин объявил, что весь остров Хайнань будет построен как пилотная зона свободной торговли. Можно предположить, что в ближайшие два десятилетия эти две провинции ожидает период бурного развития.

Северо-восточный Китай. Ляонин – единственная провинция на северо-востоке, превысившая комплексный балл северо-восточного Китая, в то время как Цзилинь – регион с наихудшим сводным баллом в этой экономической зоне и провинция с наибольшим экономическим регрессом среди 31 провинции Китая. Северо-восточная часть как старый промышленный район Китая долгое время отставала от средних темпов регионального развития из-за неэффективной экономической структуры, медленного развития сектора услуг, высокой доли традиционных отраслей, отставания в развитии инноваций, оттока населения и т. д. Даже в рамках национальной стратегии «Возрождение северо-востока» он может только замедлить свой экономический спад.

Центральный Китай. Центральная экономическая зона – это место с наименьшими внутри региональными различиями среди четырех основных экономических зон, за исключением провинции Цзянси, которая занимает 22-е место в стране, остальные пять провинций занимают места с 10-го

по 20-е. С тех пор как в 2004 г. была предложена стратегия развития центрального района, центральная зона воспользовалась возможностями и устремилась вперед, добиваясь ускорения экономического роста и постепенно увеличивая долю в общем объеме экономического производства страны.

Западный Китай. В западной экономической зоне насчитывается 12 провинций и городов, но только четыре провинции (Сычуань, Чунцин, Внутренняя Монголия и Шэньси) находятся выше сводного балла данной зоны, а остальные восемь провинций занимают места с 24-го по 31-е. Вследствие уникальной природной среды и условий развития западный район долгое время отставал от других районов в транспорте, связи и другой инфраструктуры. Благодаря продвижению стратегии развития Западного Китая, темпы экономического роста нескольких западных провинций и городов в последние годы превзошли темпы роста Восточного Китая.

Заключение

Чрезмерное региональное экономическое неравенство может привести к многим социальным проблемам, которые не только снижают индекс счастья людей в отстающих регионах, но и влияют на социальную стабильность.

Итак, существуют значительные различия в экономическом развитии внутри и за пределами четырех комплексных экономических зон, и предстоит пройти долгий путь, чтобы добиться качественного развития по всем направлениям на основе обеспечения общего экономического развития. Страна и регион должны придавать большое значение скоординированному региональному развитию, укреплять национальный механизм координации на высшем уровне и внутрирегиональный механизм координации, использовать целостный подход, корректировать политику в нужное время и принимать более эффективные меры для дальнейшего сокращения регионального экономического разрыва. В то же время необходимо усилить регулирование и контроль, чтобы проводить мониторинг и регулярную оценку регионов в долгосрочной перспективе, чтобы своевременно выявлять проблемы и находить пути их решения, а также сделать региональное экономическое развитие более скоординированным и полным.

Результаты комплексной оценки четырех основных экономических зон Китая показали, что экономическое развитие Западного Китая все еще отстает, а северо-восточная часть значительно регрессирует, и это основные проблемы нынешнего регионального экономического развития Китая.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wang, Q. A quantitative measure of the uneven level of economic development of urban agglomerations in China / Q. Wang, Ch. Jin // *The Journal of Quantitative & Technical Economics*. – 2018. – Nr 11. – P. 77–94.
2. Guan, H. Measurement of the process of transformation of China's regional economic development mode and analysis of its characteristics / H. Guan, M. Zhai // *Economic geography*. – 2014. – Nr 34 (6). – P. 16–24.
3. Li, Q. Evaluation of the comprehensive economic strength of cities in shanxi province based on principal component analysis / Q. Li, Sh. Hu // *Foreign Trade*. – 2021. – Nr 4. – P. 80–83.
4. Gao, T. Classification of China's economic zones based on function-based data / T. Gao, M. Chen // *Journal of Applied Statistics and Management*. – 2018. – Nr 37 (4). – P. 669–381.
5. Horvath, L. Inference for functional data with applications / L. Horvath, P. Kokoszka. – New York : Springer, 2012. – 422 p.
6. Ramsay, J. Functional data and analysis with R and Matlab / J. Ramsay, G. Hooker, S. Graves. – New York : Springer, 2009. – 214 p.
7. Wei, Y. Measurement and evaluation of economic development differences among China's eight comprehensive economic zones / Y. Wei, L. Ma. // *The Journal of Quantitative & Technical Economics*. – 2020. – Nr 6. – P. 89–108.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 12.08.2022

УДК 656.2 (476)

Светлана Федоровна Куган¹, Татьяна Викторовна Филиппова²¹канд. экон. наук, доц., доц. каф. экономики промышленных предприятий

Белорусского государственного экономического университета

²магистр экон. наук, ст. преподаватель каф. менеджмента

Брестского государственного технического университета

Svetlana Kugan¹, Tatyana Filippova²¹PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics of the Belarusian State Economic University²Master of Economics, Senior Lecturer of the Department of Management of the Brest State Technical Universitye-mail: ¹sfkugan@mail.ru; ²FTV_VVS@mail.ru

ТРАНСПОРТНЫЕ УСЛУГИ И ИХ МЕСТО В ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЯХ

Современные транспортные системы занимают значительное место в экономической системе города или любой рассматриваемой территории. И это связано не только с налоговыми выплатами в бюджет, но и с тем, какие транспортные услуги предоставляются и какие используются населением. Рассмотрение вопросов об эффективности использования транспортных систем в рамках городских агломераций, совершенствования транспортных услуг является весьма эффективным. Кроме того, степень развития транспортного обслуживания, обеспечивающего требуемую подвижность населения, косвенно влияет и на сферу производства определенной территории. Это позволяет говорить об актуальности указанных вопросов и необходимости проведения более глубоких исследований. В статье предпринята попытка анализа возможного варианта развития транспортных услуг и их значимости для малой городской агломерации.

Ключевые слова: городская агломерация, город-спутник, регион, территория, транспортные услуги.

Transport Services and Their Place in Urban Agglomerations

Modern transport systems occupy a significant place in the economic system of a city or any territory under consideration. And this is connected not only with tax payments to the budget, but also with what transport services are provided and what are used by the population. Consideration of questions about the efficiency of using transport systems within urban agglomerations, improving transport services is very effective. In addition, the degree of development of transport services that provide the required mobility of the population indirectly affects the sphere of production of a certain territory. This allows us to speak about the relevance of these issues and the need for more in-depth research. This article attempts to analyze a possible development of transport services and their significance for a small urban agglomeration.

Key words: urban agglomeration, satellite city, region, territory, transport services.

Введение

В современных условиях укрепления экономической самостоятельности регионов одним из важнейших направлений регионального экономического развития становится формирование эффективного рынка транспортных услуг. Транспорт как составная часть рыночной инфраструктуры оказывает существенное влияние на динамичность и эффективность социально-экономического развития регионов и страны в целом.

В системе рыночных отношений особе место занимают транспортные услуги. Это определяется не только их видовым многообразием (автомобильный, железнодорожный, водный, авиа- и др. транспорт),

но и тем, что транспорт объединяет две значительные сферы постиндустриальной экономики: производства и потребления. Необходимо отметить, что транспорт является связующим звеном между различными отраслями народного хозяйства, формируя таким образом отдельную сферу услуг – транспортные услуги. От качества, доступности и своевременности их реализации напрямую зависит эффективность национальной экономики, ее безопасность.

Основная часть

Рассматривая значимость транспортных услуг для потребителей, в нашем случае – населения городов и территорий, важно отметить доступность автомобильных и

железнодорожных перевозок, определяемую устойчивым и эффективным предоставлением услуг, что характеризует подвижность населения, формируя желаемый уровень транспортной деятельности, а также развитие производства и торговли.

В соответствие с Законом Республики Беларусь «Об основах транспортной деятельности» (№ 140-З от 05.05.1998 г. с изм. и доп.) транспортная деятельность представляет собой «совокупность организационных и технологических операций по перемещению грузов, пассажиров и багажа автомобильным, воздушным, железнодорожным, морским, внутренним водным, городским электрическим транспортом, метро и иным транспортом, а также транспортно-экспедиционная деятельность, другие связанные с перевозкой транспортные работы и услуги, выполняемые (оказываемые) на договорной основе или иных законных основаниях» [1]. Исходя из данной формулировки, транспортные услуги представляются как обширный комплекс услуг по удовлетворению потребностей пассажира, грузоотправителя и грузополучателя в перевозках в соответствии с установленными нормами и требованиями и является благом, в процессе предоставления которого меняется качество уже созданного продукта.

Учитывая возможности территорий и существующие виды транспортных услуг, представляется возможным выявлять особенности в потребностях региональных рынков транспортных услуг с точки зрения востребованности услуг данного вида в регионах или как частный случай в городских агломерациях.

Говоря о городских агломерациях, необходимо отметить, что данное понятие возникло не так давно и представляет собой одну из стадий урбанизации. Постепенное расширение территории городов и естественное поглощение ими территорий близлежащих населенных пунктов предопределило возникновение так называемого агломерационного эффекта в виде экономической и социальной выгоды за счет снижения издержек от пространственной концентрации производств и других экономических объектов в городских агломерациях. Характерными признаками агломераций является концентрация социальной инфраструктуры, высокая плотность населения. Еще одной из

определяющих характеристик городских агломераций является наличие массовых поездок (трудовых, учебных) части трудоспособного населения (порядка 15–20 %) от места проживания до места работы (учебы).

Мировая практика свидетельствует, что потребность в создании городских агломераций возникает при резком сокращении мест приложения труда в пригородной зоне крупных городов. При этом положительный экономический эффект имеет место при увеличении количества жителей до 150–400 тыс. человек. А развитие агломераций сопровождается определенными сложностями административного и жилищно-коммунального управления, проблемами транспортного обеспечения.

Для Республики Беларусь вопрос о транспортном обеспечении описываемых территорий не является слишком проблемным в связи с тем, что реальной городской агломерацией является Минск и его города-спутники. Другие областные центры по государственной градостроительной политике последних лет успешно развиваются на базе городов-спутников (например, для Бреста городом-спутников является Жабинка, для Гомеля – Добруш).

Транспортное обеспечение на территории страны обеспечивают субъекты сферы транспортных услуг (перевозчики, транспортные агенты и транспортные экспедиторы). Предоставляя свои услуги, они специализируются, как правило, на тех видах услуг, которые наиболее востребованы потребителями (пассажирами, грузоотправителями, грузополучателями). Предоставляемые транспортные услуги с точки зрения объекта перевозки делятся на грузовые и пассажирские (рисунок).

Практически все виды транспортных услуг присутствуют в транспортной сфере Республики Беларусь. Доминирующим видом транспорта при перевозке грузов и людей по территории страны и за ее пределами является железнодорожный. Также востребованным вариантом транспортных услуг являются автомобильные перевозки. В данной статье в качестве объекта исследования рассматривается Брестский регион и, в частности г. Брест. По территории региона проходит трансъевропейский коридор М1/Е30 и важные внутренние автомобильные (Е30/М1 Орша – Брест, М10 Брест –

Гомель, Е85/М11 Вильнюс – Лида – Слоним, М12 Кобрин – Луцк), железнодорожные (Москва – Минск – Берлин; Вильнюс – Ба-

рановичи – Ровно) и водные (Днепровско-Бугский канал) пути.

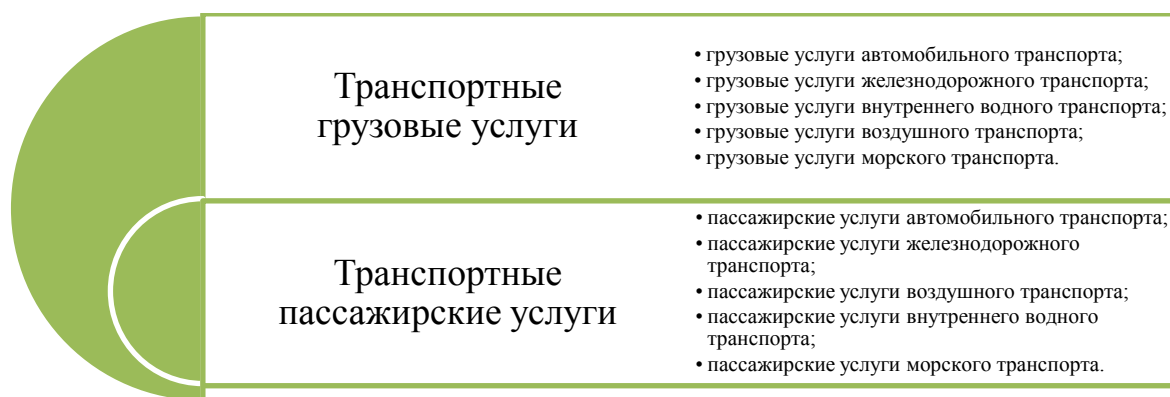

Рисунок. – Классификация транспортных услуг

Развитие областного центра тяготеет к линейному направлению, вдоль магистрали М1. Положительным фактором развития является тот факт, что Брест имеет уникальное местоположение, являясь городом в центре Европы и самым западным приграничным городом Республики Беларусь (на границе с Республикой Польша), т. е. это своеобразный «буфер» между Евросоюзом и Евразийским союзом. Транзитное положение города автоматически делает его одним из звеньев нового Шелкового пути – инициативы Китая «Один пояс – один путь», что дает большой потенциал для развития экономики, различных видов логистики (здесь соединяются автомагистраль, железнодорожный узел, водный путь, аэропорт). Брестский аэропорт после реконструкции в 2018 г. способен принимать всю линейку самолетов «Боингов», в т. ч. дальнемагистральные воздушные суда 667/300 ER.

Брест, являясь областным центром, главным городом Брестского региона, имеет хорошую транспортную (автомобильную, железнодорожную, воздушную) связь со столицей. Вокруг города расположены предприятия Свободной экономической зоны (СЭЗ), что достаточно привлекательно для инвестиций.

Плотность автомобильных дорог Брестского региона составляет 384 км на 1 000 км². Всего в области 13,4 тыс. км дорог общего пользования (из них 8,6 тыс. км с усовершенствованным покрытием).

Сеть железных дорог составляет 30,9 км на 1 000 км², что является самым высоким

показателем по республике (исключение – г. Минск). Пассажиропоток транспорта за 2021 г. составил 1 318,1 млн пасс.-км, грузооборот – 5 329 млн т-км.

Предлагаемая стратегия пространственного развития учитывает расширение города и пригорода за последние годы, что подтверждено активным ростом в заречной части (Южный район), где сегодня уже проживает чуть более третьей части населения города. При сохранении существующих границ города его развитие осуществляется преимущественно за счет усадебной, блокированной и малоэтажной застройки в прилегающих населенных пунктах в радиусе до 30 км, вдоль развитых транспортных коммуникаций (железной и автомобильной дороги) в виде изохрон транспортной доступности, или «пальцев», аналогично Стокгольмской агломерации (представляет собой пояс пригородов вокруг столицы Швеции). К сведению: «50 муниципалитетов стокгольмской агломерации производят 42 % ВВП Швеции и обеспечивают 29 % экспорта и 43 % импорта» [2].

Большое количество населенных пунктов в радиусе 5–15 км, а также наличие нескольких удаленных малых городов (Высокое, Каменец, город-спутник Жабинка) предопределяет необходимость создания системы удобного и быстрого перемещения людей в городе и районе, т. к. она включает не только автобусные маршруты городского сообщения, но и сеть автобусных маршрутов пригородного сообщения. В самом Бресте предполагается повысить подвижность

людей, измеряемую количеством перемещений пешком или на транспорте к месту назначения (например, работы или учебы).

Дальнейшее создание городов-спутников будет способствовать снижению концентрации промышленности и населения в крупном городе и позволит выровнять уровень жизни всей возглавляемой им агломерации. Поэтому наряду с размещением в них жилых кварталов необходимо предусмотреть строительство новых, а также развитие существующих предприятий, что позволит обеспечить занятость значительной части населения города-спутника и снижения потребности в выезде на работу в крупный город. Развитие городского пространства и пригорода возможно осуществить посредством комплексного взаимодействия транспортной инфраструктуры, транспортных услуг и среды для их реализации.

Транспортная инфраструктура является основополагающим структурным элементом города, базовыми функциями которого остаются удовлетворение спроса на транспортные услуги, в т. ч. пассажирские перевозки различных категорий населения, обеспечение доступности территорий и качества транспортно-логистических услуг в сфере грузовых перевозок.

Долгосрочное инновационное развитие города задает приоритеты управления вопросами энергии и климата, архитектуры и безопасности, мобильности и организации движения транспорта, водоснабжения и водоотведения, природных ресурсов и обращения с отходами. На уровне руководства г. Бреста активно обсуждается концепция создания транспортно-пересадочных узлов, предполагающая рациональное использование имеющихся возможностей парковочного пространства: не за счет их увеличения, в т. ч. и по причине отсутствия свободных площадей, а через рациональное использование существующих парковочных пространств.

Одной из существующих проблем является низкая пропускная возможность улиц города, иногда служащих местом парковки автомобильного транспорта, что не позволяет в часы пик справиться с потоком транспорта [3]. Поэтому для центральной части города важно исключить прохождение транзитного, а также городского транспорта, сделав упор на пешеходные зоны,

велоинфраструктуру, общественный транспорт. Для этого предлагается построить объездные маршруты, что позволит разгрузить центр и активно использовать Западный обход. Проектирование пешеходной многофункциональной формы застройки, расположенной вокруг остановочных пунктов общественного пассажирского транспорта, снизит проблемы реализации транспортных услуг при высокой плотности городской застройки и сделает общественный транспорт удобным для людей и увеличит объемы его использования [4].

Привлекательным направлением с точки зрения реализации транспортных услуг для населения является развитие наземного рельсового транспорта в границах, существующих ж/д коридоров от Центрального ж/д вокзала в восточном, южном и северном направлениях с формированием транспортно-пересадочных узлов. Это позволит в будущем увязать систему городского пассажирского транспорта с пригородом (при дальнейшем росте города), городом-спутником Жабинкой, аэропортом и другими поселениями в разных направлениях в зоне влияния г. Бреста.

Заключение

Развитие транспортных услуг агломерации г. Бреста позволит не только развивать регион, но и усилить связи внутри самой агломерации: повысить экономический потенциал территорий; расширить набор транспортных услуг; повысить уровень жизни населения; обеспечить высокую степень использования трудовых ресурсов за счет расширения подвижности населения; повысить мобильность каждого человека в отдельности; улучшить доступность городских объектов, в т. ч. мест работы или учебы и отдыха за счет их рационального размещения, связности и проницаемости территорий, исключая транзит; снизить негативное влияние транспорта на окружающую среду и здоровье людей; повысить скорости сообщения и уровня комфорта общественного транспорта; создать условия для удобных передвижений пешком и на велосипедах; использовать выгодное географическое положение и ресурсы данного региона.

Реализация транспортных услуг с учетом нового формата развития Брестского

региона дает новые возможности для создания интегрированной системы пространственного развития, рационального управления объектами транспортной инфра-

структуры, снижения потребления ресурсов, формирования удобной и эффективной транспортной системы, роста благосостояния общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об основах транспортной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 мая 1998 г., № 140-З : с изм. и доп. – Режим доступа: https://www.rw.by/uploads/userfiles/files/-transport_foundations.pdf. – Дата доступа: 10.03.2022.

2. Булатов, А. С. Роль глобальных городов Европы в притоке иностранных капиталов и трудовых мигрантов [Электронный ресурс] / А. С. Булатов, А. А. Габарта, Е. А. Сергеев // Современ. Европа. – 2021. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-globalnyh-gorodov-evropy-v-pritoke-inostrannyh-kapitalov-i-trudovyh-migrantov>. – Дата доступа: 24.07.2022.

3. Стратегия пространственного развития города Екатеринбурга : концепция / разраб. и рук. проекта: А. Головин [и др.]. – Екатеринбург : Tatlin, 2018. – 333 с.

4. Капский, Д. В. Транспорт в планировке городов : учеб.-метод. пособие для студентов специальности 1-44 01 02 «Организация дорожного движения», 1-44 01 06 «Эксплуатация интеллектуальных транспортных систем на автомобильном и городском транспорте» : в 10 ч. / Д. В. Капский, Л. А. Лосин. – Минск : БНТУ, 2021. – Ч. 2 : Транспортное планирование: проектирование сети городского пассажирского транспорта. – 85 с.

REFERENCES

1. Ob osnovakh transportnoj diejatiel'nosti [Elektronnyj riesurs] : Zakon Riesp. Bielarus', 5 maja 1998 g., № 140-Z : s izm. i dop. – Riezhim dostupa: https://www.rw.by/uploads/userfiles/files/-transport_foundations.pdf. – Data dostupa: 10.03.2022.

2. Bulatov, A. S. Rol' global'nykh gorodov Jevropy v pritokie inostrannykh kapitalov i trudovykh migrantov [Elektronnyj riesurs] / A. S. Bulatov, A. A. Gabarta, Ye. A. Siergiejev // Sovriem. Jevropa. – 2021. – № 4. – Riezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-globalnyh-gorodov-evropy-v-pritoke-inostrannyh-kapitalov-i-trudovyh-migrantov>. – Data dostupa: 24.07.2022.

3. Stratigija prostranstviennogo razvitija goroda Jekatierinburga : koncepcija / razrab. i ruk. projekta: A. Golovin [i dr.]. – Jekatierinburg : Tatlin, 2018. – 333 s.

4. Kapskij, D. V. Transport v plannirovkie gorodov : uchieb.-mietetod. posobije dlia studentov spicial'nosti 1-44 01 02 «Organizacija dorozhnogo dvizhenija», 1-44 01 06 «Ekspluatacija intielliek-tual'nykh transportnykh sistiem na avtomobil'nom i gorodskom transportie» : v 10 ch. / D. V. Kapskij, L. A. Losin. – Minsk : BNTU, 2021. – Ch. 2 : Transportnoje planirovanije: projektirovanije sieti gorodskogo passazhirskogo transporta. – 85 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 13.09.2022

УДК 338.761.1

Маргарита Петровна Мишкова

канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента

Брестского государственного технического университета

Margarita MishkovaPhD in Economics, Associate Professor of Management Department
of the Brest State Technical Universitye-mail: mishkova69@yandex.by**МЕТОДИКА ОЦЕНКИ НАДЕЖНОСТИ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК**

Одним из приоритетных направлений развития экономики Республики Беларусь является строительный комплекс и его основные составляющие – организации строительной сферы. Деятельность этих организаций во многом определяет состояние экономики и решение социальных задач общества. Наряду с положительными тенденциями в строительной отрасли существует ряд проблем, затрудняющих ее развитие. Реализация принятых нормативных документов, определяющих развитие строительной отрасли, требует перемен в методах управления цепями поставок и методике оценки их надежности. Результаты проведенных исследований позволят облегчить принятие решений по инвестированию в деятельность строительной организации с учетом ее экономической эффективности, оценивать состояние системы цепей поставок в строительстве и ее способности качественно осуществлять свои функции.

Ключевые слова: надежность, экономическая эффективность, цепи поставок, методика оценки надежности.

Methodology for Assessing the Reliability of Supply Chains

One of the priority directions of the development of the economy of the Republic of Belarus is the construction complex and its main components of the organization of the construction sector. The activity of these organizations largely determines the state of the economy and the solution of social problems of society. Along with the positive trends in the construction industry, there are a number of problems that hinder its further development. The implementation of the adopted regulatory documents defining the development of the construction industry requires changes in the methods of supply chain management and the methodology for assessing their reliability. The results of the conducted research make it possible to make decisions in the area of investing in the activities of a construction organization, taking into account its economic efficiency, to give an idea of the state of the supply chain system in construction and its ability to perform its functions qualitatively.

Key words: reliability, economic efficiency, supply chains, reliability assessment methodology.

Введение

Одним из приоритетных направлений развития современной экономики Республики Беларусь является строительный комплекс и его основные организации. Деятельность данных организаций во многом определяет состояние экономики и решение социальных задач общества. Как показал анализ, наряду с положительными тенденциями в строительной отрасли существует ряд проблем, затрудняющих ее дальнейшее развитие. За минувшую пятилетку уменьшился вклад отрасли в валовой внутренний продукт, допущено падение объемов подрядных работ и возведения жилья, обостряются проблемы неплатежей, ухудшается финансовое положение строительных организаций. Реализация принятых нормативных документов, определяющих развитие

строительной отрасли, требует перемен в методах управления цепями поставок и методике оценки их эффективности. Результаты проведенных исследований позволят облегчить принятие решений по инвестированию в деятельность строительной организации с учетом ее экономической эффективности, оценивать состояние системы цепей поставок в строительстве и ее способности качественно осуществлять свои функции

В результате проведенных исследований и анализа состояния, проблем и перспектив развития организаций строительного комплекса Республики Беларусь установлено, что эффективность цепей поставок зависит от результативности каждого звена цепи, а оптимизация исходящих финансовых потоков на каждом участке цепи поз-

волит получить максимальный суммарный эффект. Управление цепями поставок строительного комплекса позволяет увязать звенья цепи через финансовые и потоки, предусмотреть более эффективное выполнение функций координации на всех этапах их движения. Эффективность цепей поставок потоков можно оценить с позиции достижения результата поставленных целей по ряду определенных критериев.

В рамках оценки экономической эффективности цепей поставок строительного комплекса были изучены методика оценки результативности цепи поставок В. В. Чувиковой [1], методика оценки качества цепи поставок Д. В. Антипова [2], методики оценки надежности цепи поставок П. А. Бочкарева, Е. И. Зайцева, В. С. Лукинского, С. Н. Нагловской, В. И. Сергеева, Р. Чурилова [3–8], методики оценки результативности логистической системы А. Н. Авдеева [9].

Основная часть

В результате проведенного исследования В. В. Чувикова пришла к выводу, что результативность цепи поставок можно рассматривать с двух позиций: процессного и объектного подходов. В первом случае результативность цепи поставок понимается как степень выполнения поставленных целей логистических процессов в цепи при продвижении основных и сопутствующих потоков от первичного источника к конечному потребителю. Во втором случае результативность – это степень взаимодействия предпринимательских структур, составляющих систему по обслуживанию потоков от источника до конечного потребителя.

По мнению Д. В. Антипова [2, с. 46], система показателей качества управления цепью поставок состоит из двух групп показателей.

Первая группа – целевые показатели эффективности цепи поставок. Они характеризуют целевое назначение цепи. К ним относят генерируемый доход в цепи поставок; вложения, необходимые для функционирования цепи поставок; операционные расходы, включающие заготовительные расходы и затраты на содержание запасов; период оборота запасов в цепи поставок.

Вторая – ключевые операционные показатели цепи поставок, т. е. группа показателей, характеризующих качественное и

количественное достижение целей на операционном уровне. К ним относят уровень удовлетворенности спроса, мощность цепи поставок, точность выполнения заказа, объем продаж, объем запасов.

Существующие методики оценки результативности цепи поставок характеризуются отсутствием полного набора показателей для комплексной оценки цепей поставок различного уровня сложности (прямая, расширенная, максимальная), а также нечетким представлением цели оценки (для какой сферы деятельности производится эта оценка). Новизна представленной методики заключается в выборе пакета показателей для оценки экономической эффективности цепи поставок любой сложности: показатели оценки эффективности деятельности; показатели оценки эффективности управления; показатели оценки ликвидности и рыночной устойчивости цепей поставок в строительстве.

Сбор и аналитическую обработку исходной информации за анализируемый период времени для оцениваемых звеньев цепи целесообразно осуществлять на основании данных отчетности организаций, которая является в большинстве случаев общедоступной, что позволяет качественно осуществлять отбор наиболее перспективных участников. Точная и объективная оценка эффективности цепей поставок с позиции финансовых потоков не может базироваться на произвольном наборе показателей, поэтому выбор и обоснование исходных показателей осуществляется исходя из целей оценки, потребностей субъектов управления.

В первую группу включены наиболее обобщенные и важные показатели оценки прибыльности деятельности. Во вторую группу включены показатели оценки эффективности управления. В третью группу включены показатели оценки ликвидности и рыночной устойчивости. Поскольку все исходные показатели, включенные в таблицу, являются относительными, возникает необходимость обоснования порядка их расчета. Не имеет смысла осуществлять расчет этих показателей на начало периода, поскольку данные о прибыли имеются только за текущий отчетный период. В связи с этим показатели рассчитываются либо на конец периода, либо к усредненным значениям статей. Таким образом, за основу для

получения оценки эффективности принимаются не субъективные предположения экспертов, а сложившиеся в реальной рыночной конкуренции наиболее высокие результаты из всей совокупности сравниваемых объектов.

На основании исследований для оценки эффективности цепей поставок в строительстве можно использовать ограниченную группу таких показателей, как рентабельность, позволяющую оценить результативность с позиций достижения определенной экономической эффективности звена цепи и самой цепи; прибыль, дающую возможность оценки результативности с позиций достижения определенного экономического эффекта звена цепи и самой цепи; коэффициента текущей ликвидности; коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами; коэффициента обеспеченности финансовых обязательств активами; коэффициента соотношения дебиторской и кредиторской задолженности.

Коэффициент текущей ликвидности характеризует общую обеспеченность краткосрочными активами для погашения краткосрочных обязательств, звена цепи, оказывающая непосредственное влияние на качество, скорость и синхронизацию движения финансовых и материальных потоков в ней.

Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами характеризует наличие собственных оборотных средств, необходимых для финансовой устойчивости и, как следствие, выполнения договорных обязательств с поставщиками и подрядчиками, банком, логистическими операторами, производителями, лизинговыми и консалтинговыми компаниями – участниками цепи поставок. Коэффициент обеспеченности обязательств активами, характеризует способность звена цепи рассчитываться по своим обязательствам.

Для определения эффективности финансовых потоков в цепях поставок, кроме указанных коэффициентов, необходимо рассчитывать коэффициент соотношения дебиторской задолженности к кредиторской, который позволяет наглядно оценить организации для обеспечения будущей прибыли всей цепи, а также позволяет судить о результативности использования заемных средств. Выбор критериев для оценки не является окончательным, но позволяет при ог-

раниченном наборе показателей оценить эффективность цепей поставок любой сложности, для различных отраслей. Методика оценки проста и доступна, что является ее достоинством, она может быть с успехом применена не только для строительного комплекса Республики Беларусь.

Данная методика предполагает также проведение количественного анализа риска достижения поставленных целей для составления вероятного прогноза. Количественный анализ риска означает численное определение его размера. Одним из методов количественного анализа риска является статистический способ. Суть статистического способа заключается в том, что изучается статистика рисков и возможностей, имевших место в ретроспективе и перспективе, устанавливаются величина и частота получения той или иной экономической отдачи, составляется наиболее вероятный прогноз на будущее.

Методика оценки эффективности цепей поставок может быть представлена следующим образом:

Этап 1. Сбор и аналитическая обработка исходной информации за анализируемый период времени для оцениваемых звеньев цепи.

Этап 2. Обоснование системы показателей, используемых для оценки состояния организации строительства и возможности его участия в цепи поставок.

Этап 3. Оценка результативности с позиций достижения определенной экономической эффективности звена цепи.

Этап 4. Оценка результативности с позиций достижения определенного экономического эффекта звена цепи.

Этап 5. Результативность с позиций отдельных показателей платежеспособности и финансовой устойчивости: коэффициента текущей ликвидности, коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами, коэффициента обеспеченности финансовых обязательств активами, коэффициента соотношения дебиторской и кредиторской задолженности определенного звена цепи.

Этап 6. Значение параметра каждого критерия сравнивается с эталоном. Эталонные показатели определены по максимальному оптимальному значению показателей отрасли.

Этап 7. Определение рисков достижения поставленных результатов для каждого ключевого звена цепи и по эталонному звену.

Этап 8. Расчет коэффициента эффективности цепей поставок, который рассчитывается как сумма значений коэффициентов вариации, деленная на количество оцениваемых показателей.

Для интерпретации полученного значения коэффициента эффективности может быть использована следующая шкала:

- $Ke \leq 10\%$ – хорошо;
- $10\% \leq Ke \leq 25\%$ – удовлетворительно;
- $Ke \geq 25\%$ – плохо.

Этап 9. Разработка мероприятий по минимизации рисков достижения поставленных целей.

Изложенный алгоритм методики эффективности оценки может использоваться для сравнения организаций и цепей поставок

на дату составления отчетности (по данным на конец периода) или в динамике [10].

В первом случае исходные показатели, рассчитываются по данным отчетности на конец периода. Соответственно, и эффективность определяется на конец года. Во втором случае исходные показатели рассчитываются как темповые коэффициенты роста: данные на конец периода делятся на значение соответствующего показателя, на начало периода либо среднее значение показателя отчетного периода делится на среднее значение соответствующего показателя предыдущего периода (или другой базы сравнения).

Таким образом получаем не только оценку текущей эффективности на определенную дату, но и оценку возможностей по изменению этого состояния в динамике, на перспективу. В таблице представлена методика оценки надежности цепей поставок.

Таблица. – Методика расчета надежности цепей поставок

Этап	Показатели и формулы расчета
Этап 1. Сбор и аналитическая обработка исходной информации за анализируемый период времени для оцениваемых звеньев цепи	1) показатели оценки экономического эффекта деятельности; 2) показатели эффективности управления; 3) показатели ликвидности и платежеспособности; 4) показатели оценки финансовой зависимости
Этап 2. Обоснование системы показателей, используемых для оценки состояния организации и возможности его участия в цепи поставок	1) рентабельность продаж; 2) прибыль от реализации продукции; 3) коэффициент текущей ликвидности; 4) коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами; 5) коэффициент обеспеченности финансовых обязательств активами; 6) коэффициент отношения дебиторской задолженности к кредиторской задолженности
Этап 3. Оценка достижения цели для каждого участника звена цепи по обоснованным показателям	1) возможность достижения цели указывается в зависимости от выбранного показателя, млн руб., % или доли; 2) прогноз (оптимистический, реалистический, пессимистический) с учетом мнения экспертов о возможности достижения цели с различной прогнозной вероятностью
Этап 4. Сравнение значения параметра каждого критерия с эталоном	эталонные показатели определены по максимально оптимальному значению показателей отрасли промышленности строительных материалов, строительной отрасли и организаций этих отраслей
Этап 5. Расчет математического ожидания (среднее ожидаемое значение исследуемой величины) каждого показателя	$MO = \sum_{i=1}^n x_i p_i \quad (\sum p_i = 1),$ <p>где MO – математическое ожидание, x_i – прогнозная оценка случайной величины в i-м состоянии, p_i – вероятность i-й прогнозной оценки</p>
Этап 6. Расчет среднего квадратического отклонения ожидаемой величины δ	$\delta = \sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - MO)^2 p_i}$
Этап 7. Количественный анализ риска достижения поставленных целей K_v	$K_v = \frac{\delta}{MO},$ <p>где δ – среднеквадратическое отклонение;</p>

Окончание таблицы

Этап 8. Определение экспертным методом коэффициентов весомости (w_i) каждого i -го единичного показателя	$\sum_{i=1}^n w_i = 1,$ <p>где n – количество единичных показателей; i – порядковый номер единичного показателя</p>
Этап 9. Расчет коэффициента надежности, выраженного в эффективном и своевременном обеспечении выполнения организацией договорных обязательств K_{no}	$K_{no} = \frac{\sum 100 - w_i K_{vj}}{ni},$ <p>где w_i – коэффициенты весомости каждого i-го, K_{vj} – коэффициент вариации по показателям в группе, ni – количество оцениваемых групп показателей;</p> <p>0 % ≤ K_{no} ≤ 20 % – минимальная степень надежности, 20 % ≤ K_{no} ≤ 40 % – низкая степень надежности, 40 % ≤ K_{no} ≤ 60 % – средняя степень надежности, 60 % ≤ K_{no} ≤ 80 % – высокая степень надежности, 80 % ≤ K_{no} ≤ 100 % – максимальная степень надежности</p>
Этап 10. Определение экспертным методом коэффициентов значимости (k_i) каждого i -го участника цепи поставок в выбранной цепи поставок	$\sum_{i=1}^n k_i = 1,$ <p>где n – количество единичных показателей; i – порядковый номер организации</p>
Этап 11. Расчет интегрального коэффициента надежности заданной цепи поставок K_{nz}	$K_{nz} = \frac{\sum k_i K_{no}}{nj},$ <p>где K_{nz} – коэффициент надежности цепи поставок, k_i – коэффициенты значимости каждой i-й организации, nj – количество оцениваемых организаций;</p> <p>0 % ≤ K_{nz} ≤ 20 % – минимальная степень надежности, 20 % ≤ K_{nz} ≤ 40 % – низкая степень надежности, 40 % ≤ K_{nz} ≤ 60 % – средняя степень надежности, 60 % ≤ K_{nz} ≤ 80 % – высокая степень надежности, 80 % ≤ K_{nz} ≤ 100 % – максимальная степень надежности</p>
Этап 12. Разработка мероприятий по повышению надежности цепи поставок	<p>60 % ≤ K_{nz} ≤ 80 % – высокая степень надежности, 80 % ≤ K_{nz} ≤ 100 % – максимальная степень надежности</p>

Заключение

Разработанная методика (в отличие от существующих) базируется на оценке цепей поставок организаций строительного комплекса путем расчета коэффициента эффективности, что позволяет проводить оценку деятельности, управления и рыночной устойчивости, находить резервы, сравнения результативность работы отдельных звеньев цепи с эталоном, проводить количественный анализ риска достижения поставленных целей для составления вероятного прогноза.

Результаты проведенных исследований позволяют проводить оценку и анализ цепей поставок организаций строительного комплекса путем сравнения отдельных звеньев цепи, облегчить принятие решений по инвестированию в деятельность строительной организации с учетом ее экономической эффективности, оценивать состояние системы цепей поставок в строительстве и ее способности качественно осуществлять свои функции, совершенствовать критерии оптимальности затрат, минимизации риска и повышения экономической эффективности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чуви́кова, В. В. Оценка результативности функционирования прямой цепи поставок : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / В. В. Чуви́кова; Сибир. гос. автомобил.-дорож. акад. – Иркутск, 2012. – 20 с.

2. Антипов, Д. В. Оценка качества цепи поставок / Д. В. Антипов, Е. Г. Франковская // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Спец. вып. – 2010. – № 1. – С. 45–48.
3. Бочкарев, П. А. Управление надежностью цепи поставок в логистике снабжения : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / П. А. Бочкарев. – СПб., 2015. – 17 с.
4. Зайцев, Е. И. Методический подход к разработке типологии цепей поставок по критериям надежности и минимума затрат / Е. И. Зайцев, И. Г. Шурпатов // Вестн. ИНЖЭКОНа. Сер. Экономика. – 2011. – Вып. 2 (45). – С. 229–234.
5. Проблемы формирования прикладной теории логистики и управления цепями поставок : монография / О. В. Бадокин [и др.] ; под общ. ред. В. С. Лукинского, Н. Г. Плетневой. – СПб. : СПбНИЭУ, 2011. – 287 с.
6. Нагловский, С. Н. Экономика и надежность логистических контейнерных систем : монография / С. Н. Нагловский. – Ростов н/Д : РГЭА, 1996. – 139 с.
7. Сергеев, В. И. Терминологические аспекты понятия «устойчивости» цепей поставок в фокусе логистической интеграции / В. И. Сергеев, Е. А. Дорофеева // Логистика и упр. цепями поставок. – 2010. – № 3 (38). – С. 42–49.
8. Лукинский, В. Оценка надежности цепей поставок / В. Лукинский, Р. Чурилов // Логистика. – 2013. – № 4. – С. 36–39.
9. Авдеев, А. Н. Оптимальное планирование поставок в мультимодальных логистических системах : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / А. Н. Авдеев ; С.-Петербург. гос. инженер.-экон. ун-т. – СПб., 2008. – 18 с.
10. Мишкова, М. П. Управление цепями поставок в строительстве и оценка их надежности на основе финансовой логистики : автореф. дис. канд. экон. наук : 08.00.05 / М. П. Мишкова ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2021. – 25 с.

REFERENCES

1. Chuvikova, V. V. Ocenka riezul'tativnosti funkcionirovanija pryamoj cepi postavok : avtorief. dis. ... kand. ekon. nauk : 08.00.05 / V. V. Chuvikova ; Sibir. gos. avtomobil.-dorozh. akad. – Irkutsk, 2012. – 20 s.
2. Antipov, D. V. Ocenka kachiestva cepi postavok / D. V. Antipov, E. G. Frankovskaja // Vektor nauki Tol'jat. gos. un-ta. Spiec. vyp. – 2010. – № 1. – S. 45–48.
3. Bochkariov, P. A. Upravlienije nadiozhnost'ju cepi postavok v logistieke snabzhenija : avtorief. dis. ... kand. ekon. nauk : 08.00.05 / P. A. Bochkariov. – SPb., 2015. – 17 s.
4. Zajcev, Ye. I. Mietodichieskij podkhod k razrabotkie tipologii cepiej postavok po kriterijam nadiozhnosti i minimuma zatrat / Ye. I. Zajcev, I. G. Shurpatov // Viestn. INZhEKONa. Ser. Ekonomika. – 2011. – Vyp. 2 (45). – S. 229–234.
5. Problemy formirovanija prikladnoj tieorii logistiki i upravlienija cepiami postavok : monografija / O. V. Badokin [i dr.] ; pod obshch. ried. V. S. Lukinskogo, N. G. Plietniovoj. – SPb. : SPbNIEU, 2011. – 287 s.
6. Naglovskij, S. N. Ekonomika i nadiozhnost' logistichieskikh kontejniernykh sistiem : monografija / S. N. Naglovskij. – Rostov n/D : RGEA, 1996. – 139 s.
7. Siergiejev, V. I. Tierminologichieskije aspiekty poniatija «ustojchivosti» cepiej postavok v fokuse logistichieskoj integracii / V. I. Siergiejev, Ye. A. Dorofiejeva // Logistika i upr. cepiami postavok. – 2010. – № 3 (38). – S. 42–49.
8. Lukinskij, V. Ocenka nadiozhnosti cepiej postavok / V. Lukinskij, R. Churilov // Logistika. – 2013. – № 4. – S. 36–39.
9. Avdiejev, A. N. Optimal'noje planirovanije postavok v mul'timodal'nykh logistichieskikh sistiemakh : avtorief. dis. ... kand. ekon. nauk : 08.00.05 / A. N. Avdiejev ; S.-Pietierb. gos. inzhener.-ekon. un-t. – SPb., 2008. – 18 s.
10. Mishkova, M. P. Upravlienie cepiami postavok v stroitel'stvie i ocenka ikh nadiozhnosti na osnovie finansovoj logisstiki : avtorief. dis. ... kand. ekon. nauk : 08.00.05 / M. P. Mishkova ; Akad. upr. pri Pirezidentie Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2021. – 25 s.

УДК 339.54

Семен Владимирович Соркин*аспирант 3-го года обучения каф. международных экономических отношений
Белорусского государственного университета***Siamen Sorkin***Postgraduate Student 3 Years of Study of the Department of International Economic Relations
of the Belarusian State University
e-mail: siamen.sorkin@gmail.com*

МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ

Рассмотрены элементы и составные части организационно-экономического механизма государственного регулирования внешней торговли молочной продукцией крупнейших игроков мирового рынка молочной продукции, описаны применяемые инструменты, формы и методы регулирования. Изучено правовое и институциональное обеспечение. В результате проведенного сравнительного анализа выделены модели государственного регулирования внешней торговли молочной продукцией, определены их характерные черты, сходства и различия. Предложены возможные направления адаптации мирового опыта регулирования внешней торговли молочной продукцией в Республике Беларусь. Научная новизна проведенного исследования заключается в предложенной авторской классификации моделей государственного регулирования внешней торговли молочной продукцией. Полученные результаты могут быть использованы в отраслевых организациях и министерствах, в практической деятельности предприятий молочной промышленности Республики Беларусь, планирующих выход на зарубежные рынки, а также служить основой для дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: *организационно-экономический механизм, внешняя торговля, государственное регулирование, внешнеторговая политика, таможенный тариф, таможенная пошлина, нетарифное регулирование, молочная продукция.*

Models of State Regulation of Foreign Trade in Dairy Products

The article examines the elements and components of the organizational and economic mechanism of state regulation of foreign trade in dairy products of the largest players in the world dairy market, describes the tools, forms and methods of regulation. The legal and institutional support has been studied. As a result of the comparative analysis, the models of state regulation of foreign trade in dairy products are identified, their characteristic features, similarities and differences are determined. Possible directions of adaptation of the world experience of regulation of foreign trade in dairy products in the Republic of Belarus are proposed. The scientific novelty of the conducted research is explained by the author's proposed classification of models of state regulation of foreign trade in dairy products. The obtained results can be used in industry organizations and ministries, in the practical activities of dairy enterprises of the Republic of Belarus planning to enter foreign markets, and also serve as a basis for further scientific research.

Key words: *organizational and economic mechanism, foreign trade, state regulation, foreign trade policy, customs tariff, customs duty, non-tariff regulation, dairy production.*

Введение

Внешнеторговая политика государства играет важную роль в обеспечении эффективного функционирования экономики в целом. Различные формы и способы осуществления внешнеторговых операций волновали человечество с давних времен. Ис-

торически сложились два основных вида внешнеторговой политики: фритредерство (политика свободной торговли, которая предполагает минимальное государственное вмешательство) и протекционизм (государственная политика защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции путем использования тарифных и нетарифных инструментов торговой политики).

Ни политика протекционизма, ни фритредерство в чистом виде не проводятся. Часто могут встречаться различные степени протекционизма и зависят они от уровня экономического развития той или иной

Научный руководитель – Галина Александровна Шмарловская, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры международных экономических отношений Белорусского государственного университета

страны. Иногда могут одновременно проводиться политика свободной торговли и политика протекционизма, но в отношении различной продукции.

В отношении сельскохозяйственной (в т. ч. молочной) продукции необходимость регулирования не подлежит сомнению и применяется политика протекционизма. Классические теории международной торговли, которые продвигали тезис о «невидимой» руке рынка, о необходимости минимального государственного вмешательства в экономику и о свободной торговле как оптимальной торговой политики как для отдельной страны, так и для мировой экономики в целом, не являются убедительными в контексте их применения к сельскохозяйственному сектору.

Необходимость достижения национальных отраслевых целей в области сельского хозяйства, оптимального перераспределения доходов, развития сельских территорий и обеспечения продовольственной безопасности являются одними из наиболее важных объяснений причин и мотивов регулирования внешней торговли агропродовольственного сектора и сельскохозяйственного протекционизма.

Регулирование внешней торговли осуществляется на трех уровнях: национальном (в соответствии с нормами национального законодательства в области внешней торговли), наднациональном (в рамках региональных интеграционных объединений) и международном (в соответствии с нормами международного права на основе международных соглашений в рамках Всемирной торговой организации (ВТО)).

Регулирование внешней торговли на национальном уровне осуществляется путем проведения внешнеторговой политики государства, которая, в свою очередь, реализуется посредством организационно-экономического механизма государственного регулирования внешней торговли, включающего в себя следующие элементы:

1) инструменты: пошлины, квоты, лицензии, субсидии, налоги и др.;

2) формы: прямая (административная) и косвенная (экономическая);

3) методы (действия с инструментами): таможенные льготы, таможенные преференции, налоговые льготы;

4) правовое оформление (обеспечение) – нормативно-правовая база: законы, указы, декреты, постановления, – регулирующая внешнюю торговлю;

5) институциональное обеспечение: совокупность институтов, организаций, ведомств, министерств, занимающихся вопросами регулирования внешней торговли.

Важнейшим направлением государственного регулирования внешней торговли молочной продукцией является поддержка отечественных производителей и укрепление их позиций на мировом рынке. Это необходимо как для обеспечения продовольственной безопасности страны, так и для наполнения бюджета. Данные меры несут в себе и социальные цели – сохранение и расширение рабочих мест.

Для практической реализации данной цели государства часто прибегают к политике ограничения импорта, используя для этого как таможенно-тарифные методы, так и нетарифные ограничения (меры запретительного или ограничительного характера, препятствующие проникновению иностранных товаров на внутренние рынки или ограничивающие возможности их использования).

Важную практическую значимость имеет изучение зарубежного опыта государственного регулирования внешней торговли молочной продукцией с целью определения потенциально возможных направлений адаптации мирового опыта регулирования внешней торговли молочной продукцией в Республике Беларусь.

В этой связи видится целесообразным рассмотреть специфику и особенностей государственного регулирования внешней торговли молочной продукцией в странах – лидерах мирового рынка молочной продукции, занимающих лидирующие позиции в объемах внешней торговли молоком и молочной продукцией.

Из стран Северной Америки сюда можно отнести США и Канаду; государства Океании представлены Австралией и Новой Зеландией. В качестве объектов изучения из региона Юго-Восточной Азии выбраны Китай и Индия.

Основная часть

Изучение организационно-экономического механизма государственного регу-

лирования внешней торговли молочной продукцией вышеуказанных государств позволило выделить следующие модели регулирования:

- 1) восточноазиатская,
- 2) американская,
- 3) либеральная,
- 4) смешанная.

Первая модель характерна для Китая и Индии (назовем ее восточноазиатской). Для нее характерно повышенное внимание к качеству и безопасности молочной продукции. Это связано с тем, что на протяжении долгого времени китайская и индийская молочная продукция вытеснялась импортными аналогами, что заставило власти этих стран серьезно взяться за данный вопрос. Следовательно, предпочтение отдается прямой (административной) форме государственного регулирования с использованием таких инструментов, как санитарные, фитосанитарные меры, технические барьеры и регламенты, в то время как остальные нетарифные ограничения (квоты, экспортные субсидии) задействованы минимально (в т. ч. из-за требований ВТО).

Еще одной характерной чертой данной модели является высокий растущий внутренний спрос на молочную продукцию, что угрожает наплывом дешевого субсидируемого импорта и вынуждает правительства проводить активную государственную политику по регулированию внешней торговли молочной продукцией и отрасли в целом [1–3].

Импортный тариф, широко применяемый в качестве инструмента регулирования внешней торговли молочной продукцией, состоит из преференциальных ставок (применяемых по отношению к странам, с которыми заключены соглашения о свободной торговле, и наименее развитым странам) и непреференциальных ставок (используемых по отношению к остальным странам в рамках режима наибольшего благоприятствования).

Средние значения непреференциальных ставок таможенных пошлин при импорте молочной продукции (коды 0401–0406 Гармонизированной системы описания и кодирования товаров (далее – ГС)) на территорию Китая и Индии составляют 12,6 и 63,8 % соответственно [4].

Американская модель государственного регулирования внешней торговли молочной продукцией делает акцент на поддержании необходимого уровня конкуренции и доходности отечественных товаропроизводителей. Государство устанавливает гарантированные цены на молочную продукцию и обеспечивает в случае необходимости закупки продукции по этим ценам. Так происходит поддержка производителей в сложные экономические периоды.

Несмотря на отмену экспортных субсидий в 2015 г., США продолжает активно использовать такие инструменты защиты внутреннего рынка и отечественных производителей, как связанные кредиты и тарифные квоты.

Основными инструментами государственного регулирования внешней торговли молочной продукцией, используемыми в США, являются связанные кредиты и гарантии по кредитам, тарифные квоты, государственные закупки и интервенции, импортные пошлины.

Наиболее широко используемым методом государственного регулирования внешней торговли молочной продукцией в США является связанное кредитование, согласно которому импортеры получают в свое распоряжение денежные средства с последующим обязательством импортировать молочную продукцию, произведенную американскими производителями и фермерами [5].

Государственные закупки и интервенции предполагают установление гарантированных цен на молочную продукцию с последующей ее закупкой государственными структурами по установленным ценам.

В целях предотвращения перепроизводства долгое время активно применялся такой инструмент, как экспортная субсидия для поощрения экспорта. Однако в рамках обязательств по тарификации нетарифных мер и ограничений в рамках ВТО с 2015 г. данная мера больше не используется. Квотирование также не применяется в отношении импорта молочной продукции, а вот такой инструмент, как тарифная квота, продолжает широко применяться. В США она применяется ко всем товарным позициям молочной продукции (коды 0401–0406 Гармонизированной системы описания и кодирования товаров) [6].

Основным инструментом таможенно-тарифного регулирования внешней торговли молочной продукцией в США является импортный таможенный тариф.

Средняя ставка таможенной пошлины при импорте молочной продукции на территорию США (коды ГС 0401–04060) составляет 17,6 % [4]. Кроме того, у США заключено огромное количество соглашений о свободной торговле, согласно которым ввоз молочной продукции облагается по сниженным преференциальным ставкам таможенных пошлин.

Третья модель характерна для Австралии и Новой Зеландии и может быть охарактеризована как либеральная. Она предполагает минимальное государственное вмешательство и регулирование.

Эти страны являются мировыми лидерами по экспорту молочной продукции, объемы импорта относительно незначительны, средние ставки непреференциальных импортных таможенных пошлин на молочные продукты также невелики (3,6 % в Австралии, 10 % в Новой Зеландии [4], а в отношении стран – пользователей тарифными преференциями еще ниже: по многим молочным товарным позициям предусмотрен беспошлинный ввоз).

Представляется интересным рассмотреть опыт Новой Зеландии, которая практически полностью отказалась от нетарифных методов регулирования внешней торговли молочной продукцией, от субсидий производителям молочной продукции и регулирования цен административными методами.

До 2001 г. право на экспорт молочной продукции имели только предприятия, входящие в Новозеландский молочный совет. С 2001 г. эта мера отменена, и развитие молочной отрасли больше не зависит от внутреннего регулирования, а только от конъюнктуры мировых рынков [7, с. 60].

Среди мер нетарифного регулирования используются лишь санитарные и фитосанитарные меры (5 регламентов). Их применение связано с высоким качеством молочной продукции в Новой Зеландии и, соответственно, с повышенными требованиями к импорту. Ни тарифные квоты, ни дру-

гие количественные ограничения не применяются [4].

Отсутствие субсидий сильно повысило конкурентоспособность новозеландских производителей, что дало им возможность эффективно конкурировать с производителями из других стран, где традиционно велика роль государственной поддержки.

Альтернативой ценовому вмешательству в Новой Зеландии стали механизмы социальной поддержки, которые оказывают положительное воздействие на экспортные возможности новозеландских производителей молочной продукции [8–10].

Изучение организационно-экономического механизма государственного регулирования внешней торговли молочной продукцией Канады и Израиля позволило выделить четвертую смешанную модель, для которой характерен, с одной стороны, высокий уровень защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции и, как следствие, очень высокий уровень импортных таможенных пошлин (средние ставки импортной таможенной пошлины на молочные продукты в Канаде и Израиле составляют 222 и 170 % соответственно). С другой стороны, нетарифные методы регулирования используются в меньшей степени [11].

Отличительной чертой внешней торговли молочной продукцией в Канаде является тот факт, что значительные объемы молочных продуктов ввозятся в страну по программе реэкспорта (Import for Re-Export Program). Молочные продукты, импортируемые в рамках данной программы, в основном направляются на дальнейшую переработку, т. е. используются в производстве других пищевых продуктов, предназначенных для экспорта.

Импорт молочных продуктов в рамках данной программы позволяет канадским переработчикам данного вида продукции конкурентоспособно развивать экспорт в силу того, что уровень мировых цен ниже внутренних [12].

Составные части и элементы, а также сравнительный анализ выделенных моделей представлен в таблице.

Таблица. – Сравнительный анализ моделей государственного регулирования внешней торговли молочной продукцией

Модель	Восточноазиатская	Американская	Либеральная	Смешанная
Цель	Обеспечение надлежащего качества и безопасности молочной продукции	Поддержание необходимого уровня конкуренции и доходности отечественных товаропроизводителей	Обеспечение минимального государственного вмешательства и регулирования	Обеспечение высокого уровня защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции путем минимального использования нетарифных мер
Инструменты	Санитарные и фитосанитарные меры, технические барьеры, импортные пошлины, лицензии, валютный курс, НДС	Экспортные кредиты, тарифные квоты, государственные закупки и интервенции, импортные пошлины	Санитарные и фитосанитарные меры, импортные пошлины	Тарифные квоты, импортные пошлины, экспортные субсидии (Канада)
Формы	Прямая (лицензии, пошлины) и косвенная (валютный курс, НДС)	Прямая	Косвенная	Преимущественно прямая
Методы	Возврат НДС экспортерам, девальвация (ревальвация), тарифные преференции	Связанное кредитование, таможенные льготы и преференции	Таможенные льготы и тарифные преференции	Установление режима реэкспорта
Правовое обеспечение	Закон КНР о безопасности продуктов питания, Закон КНР о качестве и безопасности сельскохозяйственной продукции, Кодекс административных мер по инспекции и карантину экспорта и импорта молочных продуктов (Китай); Закон о таможенном тарифе 1975 г., Закон о внешней торговле 1992 г. (Индия)	Программа гарантий кредитования экспорта; Программа поддержки цен на молоко и молочную продукцию; Программа поддержки экспорта молочной продукции; Программа развития экспортного рынка	Закон о таможенном тарифе 1995 г., Закон о порядке контроля импорта пищевой продукции, Закон об экспорте 1982 г. (Австралия); Закон о продовольствии 1981 г., Рабочий тарифный документ – The Working Tariff Document (Новая Зеландия)	Закон «О программах сбыта сельхозпродукции», Import Control List, Import for Re-Export Program (Канада); Соглашение о реформе рынка молока и молочной продукции (Израиль)
Институциональное обеспечение	Управление по делам квотирования и лицензирования Министерства торговли КНР, Сельскохозяйственный банк, Департамент поддержки экспорта (Китай); Генеральный директор внешней торговли Минторгпрома Индии, Бюро индийских стандартов (Индия)	Товарно-кредитная корпорация и зарубежная сельскохозяйственная служба при Министерстве сельского хозяйства; Корпорация зарубежных частных инвестиций; Бюро торгового представителя США	Министерство сельского хозяйства и водных ресурсов (Австралия); Министерство сельского хозяйства и лесной промышленности, Таможенная служба (Новая Зеландия)	Канадская комиссия по молоку, Канадское агентство продовольственной инспекции, Бюро по контролю и техническим барьерам в торговле (Канада); Израильская государственная корпорация страхования экспорта (Израиль)

Примечание. – Источник: разработка автора.

Заключение

Таким образом, сравнительный анализ выделенных моделей государственного регулирования внешней торговли молочной

продукцией позволил выделить четыре общие черты, присущие всем моделям:

1) использование преимущественно тарифных мер регулирования (импортных

таможенных пошлин), нетарифные инструменты используются в меньшей степени;

2) среди используемых нетарифных инструментов регулирования наибольшей популярностью пользуются скрытые меры (санитарные и фитосанитарные меры, технические барьеры, требования к упаковке и маркировке товаров и т. п.);

3) активное использование таможенных льгот и тарифных преференций в качестве инструмента и метода регулирования, которые позволяют в зависимости от применяемого торгового режима использовать различные ставки таможенных пошлин на ввоз молочной продукции;

4) преобладание прямой формы государственного регулирования над косвенной (использование административных рычагов, установление запретов и ограничений).

В то же время сравнительный анализ выявил некоторые особенности и специфические черты, присущие той или иной модели. Они обусловлены отличающимися целями и, как следствие, различными инструментами и методами государственного регулирования.

Так, для восточноазиатской модели характерны следующие специфические черты:

1) важную роль в структуре регулирования играет такой инструмент, как валютный курс, а такие методы регулирования, как девальвация (ревальвация) национальной валюты, позволяют проводить политику по удешевлению и удорожанию соответственно экспортируемой молочной продукции;

2) достижение поставленных целей государственного регулирования во многом достигается за счет налогового регулирования с помощью такого метода, как возврат НДС экспортерам;

3) использование адвалорных таможенных пошлин, специфические и комбинированные не применяются.

Американская модель государственного регулирования внешней торговли молочной продукцией характеризуется следующими особенностями:

1) активное применение такого метода регулирования как связанное кредитование, который предусматривает предоставление в распоряжение импортеров денежных средств с последующим обязательством импортировать молочную продукцию,

произведенную американскими производителями;

2) правовую основу регулирования составляют не законы и другие нормативно-правовые акты, а различного рода программы.

Низкий уровень тарифной защиты и использование косвенной, а не прямой формы регулирования являются особенностями либеральной модели государственного регулирования внешней торговли молочной продукцией, которая характерна главным образом для Австралии и Новой Зеландии.

Наконец, отличительными особенностями, определяющими специфику государственного регулирования в смешанной модели, являются:

1) высокий уровень тарифной защиты, который подтверждается очень высокими импортными таможенными пошлинами (средние ставки таможенной пошлины на молочные продукты в Канаде и Израиле составляют 222 и 170 % соответственно);

2) активное применение тарифной квоты в качестве основного инструмента регулирования, которая позволяет применять повышенные ставки таможенных пошлин в случае превышения установленных количественных ограничений.

Анализ национальных моделей государственного регулирования внешней торговли в странах, занимающих лидирующие позиции на мировом рынке молочной продукции, выявил следующие возможные направления адаптации мирового опыта регулирования внешней торговли молочной продукцией в Республике Беларусь.

Во-первых, использование такого инструмента, как связанные кредиты (на примере США), согласно которому импортеры получают в свое распоряжение денежные средства с последующим обязательством импортировать молочную продукцию, произведенную белорусскими производителями. Данная мера будет способствовать не только увеличению экспорта белорусской продукции, но и развитию финансово-кредитной системы.

Во-вторых, учитывая положительный опыт Канады, следует рассмотреть возможность внедрения в Беларуси программы Import for Re-Export Program, в рамках которой значительные объемы молочных

продуктов ввозятся в страну по программе реэкспорта. В данном случае акцент делается на импорте более дешевой промежуточной продукции (сухое обезжиренное моло-

ко, пахта, молочная сыворотка) с последующей ее переработкой для производства других молочных продуктов, предназначенных для более дорогостоящего экспорта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анализ по доступу сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия государств – членов ЕАЭС на рынок КНР [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: <http://surl.li/cckta>. – Дата доступа: 31.05.2022.
2. Understanding the Implications of China's New Dairy Market Regulations [Electronic resource] // M-Brain. – Mode of access: <https://www.m-brain.com/insights/industries/consumer-retail/understanding-the-implications-of-chinas-new-dairy-market-regulations/>. – Date of access: 30.05.2022.
3. China's Ongoing Agricultural Modernization [Electronic resource] // United States Department of Agriculture. – Mode of access: <https://www.ers.usda.gov/webdocs/publications/44377/eib-51.pdf?v=0>. – Date of access: 30.05.2022.
4. World tariff profiles 2021 [Electronic resource] // World Trade Organization. – Mode of access: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/tariff_profiles_e.htm. – Date of access: 30.05.2022.
5. Коротких, А. А. Внешняя торговля США аграрной продукцией: новый поворот / А. А. Коротких // США и Канада: экономика, политика, культура. – Т. 49, № 7. – 2019. – С. 96–116.
6. Non-tariff regulation in the USA [Electronic resource] // World Trade Organization. – Mode of access: <http://tao.wto.org/>. – Date of access: 30.05.2022.
7. Рыбалова, Т. И. Молочный сектор Новой Зеландии: жизнь без субсидий / Т. И. Рыбалова // Молоч. пром-сть. – 2015. – № 1. – С. 60–62.
8. Козлова, Л. В. Конкурентоспособность молочной продукции из Новой Зеландии на мировом рынке / Л. В. Козлова // Агропром. пр-во: опыт, проблемы и тенденции развития. – 2007. – № 3. – С. 61–76.
9. Sanitary and phytosanitary, technical barriers to trade in New Zealand [Electronic resource] // World Trade Organization. – Mode of access: <http://i-tip.wto.org/goods/Forms/TableView.aspx?mode=modify>. – Date of access: 30.05.2022.
10. Factors influencing the dairy trade from New Zealand [Electronic resource] // International Food and Agribusiness Management Review. – Mode of access: https://ifama.org/resources/Documents/v19ib/14_Shadbolt.pdf. – Date of access: 30.05.2022.
11. Шакель, Т. П. Молочная отрасль Канады: опыт регулирования внутреннего рынка и внешней торговли / Т. П. Шакель, Д. В. Мазаник, А. С. Савельев // Актуал. вопр. переработки мясного и молоч. сырья. – 2016. – № 10. – С. 21–26.
12. Обзор торговой и сельскохозяйственной политики Канады [Электронный ресурс] // Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН. – Режим доступа: https://www.fao.org/fileadmin/templates/est/meetings/wto_comm/RU/Trade_policy_brief_Canada_RUS-_final.pdf. – Дата доступа: 30.05.2022.

REFERENCES

1. Analiz po dostupu siel'skokhoziajstvennoj produkcii, syr'ja i prodovol'stvija gosudarstv – chlienov JeAES na rynek KNR [Elektronnyj riesurs] // Jevrazijskaja ekonomichieskaja komissija. – Riezhim dostupa: <http://surl.li/cckta>. – Data dostupa: 31.05.2022.
2. Understanding the Implications of China's New Dairy Market Regulations [Electronic resource] // M-Brain. – Mode of access: <https://www.m-brain.com/insights/industries/consumer-retail/understanding-the-implications-of-chinas-new-dairy-market-regulations/>. – Date of access: 30.05.2022.

3. China's Ongoing Agricultural Modernization [Electronic resource] // United States Department of Agriculture. – Mode of access: <https://www.ers.usda.gov/webdocs/publications/44377/eib-51.pdf?v=0>. – Date of access: 30.05.2022.

4. World tariff profiles 2021 [Electronic resource] // World Trade Organization. – Mode of access: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/tariff_profiles_e.htm. – Date of access: 30.05.2022.

5. Korotkikh, A. A. Vneshniaja trgovlia SShA agrarnoj produkcijej: novyj povorot / A. A. Korotkikh // SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. – T. 49, № 7. – 2019. – S. 96–116.

6. Non-tariff regulation in the USA [Electronic resource] // World Trade Organization. – Mode of access: <http://tao.wto.org/>. – Date of access: 30.05.2022.

7. Rybalova, T. I. Molochnyj siektor Novoj Zielandii: zhizn' biez subsidij / T. I. Rybalova // Moloch. prom-st'. – 2015. – № 1. – S. 60–62.

8. Kozlova, L. V. Konkurentosposobnost' molochnoj produkcii iz Novoj Zielandii na mirovom rynkie / L. V. Kozlova // Agroprom. pr-vo: opyt, problemi i tendencii razvitija. – 2007. – № 3. – S. 61–76.

9. Sanitary and phytosanitary, technical barriers to trade in New Zealand [Electronic resource] // World Trade Organization. – Mode of access: <http://i-tip.wto.org/goods/Forms/TableView.aspx?mode=modify>. – Date of access: 30.05.2022.

10. Factors influencing the dairy trade from New Zealand [Electronic resource] // International Food and Agribusiness Management Review. – Mode of access: https://ifama.org/resources/Documents/v19ib/14_Shadbolt.pdf. – Date of access: 30.05.2022.

11. Shakiel', T. P. Molochnaja otrasl' Kanady: opyt riegulirovanija vnutrienniego rynku i vnieshnej trgovli / T. P. Shakiel', D. V. Mazanik, A. S. Saviel'jev // Aktual. vopr. pierierabotki miasnogo i molochnogo syr'ja. – 2016. – № 10. – S. 21–26.

12. Obzor trgovvoj i siel'skohoziastviennoj politiki Kanady [Elektronnyj riesurs] // Prodo- vol'stviennaja i siel'skohoziastviennaja organizacija OON. – Riezhim dostupa: https://www.fao.org/fileadmin/templates/est/meetings/wto_comm/RU/Trade_policy_brief_Canada_RUS-_final.pdf. – Data dostupa: 30.05.2022.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 28.06.2022

ПРАВА

УДК 341.987.2

Дмитрий Александрович Залесский
аспирант 2-го года обучения каф. международного права
Белорусского государственного университета
Dzmitry Zalesskiy
Post Graduate Student 2 Year of Study of the Department of International Law
of the Belarusian State University
e-mail: zaless333@gmail.com

ПРИДАНИЕ МЕДИАТИВНОМУ СОГЛАШЕНИЮ ПРЯМОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ КАК СПОСОБ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ МЕДИАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассмотрен существующий в Республике Беларусь порядок приведения в исполнение медиативных соглашений, в результате чего делается вывод о невозможности придания медиативному соглашению в соответствии с законодательством Республики Беларусь прямой исполнительной силы. Анализируется законодательство других государств, наделяющее медиативное соглашение, в т. ч. международное, прямой исполнительной силой. Сделан вывод о возможности внесения в законодательство Республики Беларусь изменений, которые позволили бы придать медиативному соглашению, в т. ч. международному, силу исполнительного документа, что способствовало бы популяризации медиации как внесудебного способа разрешения споров в Республике Беларусь.

Ключевые слова: медиация, мировое соглашение, медиативное соглашение, приведение в исполнение, принудительное исполнение.

Direct Executive Power of Mediation Agreement as a Way to Popularize Mediation in the Republic of Belarus

This article analyses the procedure of mediation agreements enforcement under the legislation of the Republic of Belarus, as a result of research it is concluded that it is impossible to endow mediation agreement with the direct enforcement force in accordance with the legislation of the Republic of Belarus. In view of the above, the legislation of other states is analysed and as a result it is concluded that it is possible to make changes to the legislation of the Republic of Belarus that would make it possible to endow the mediation agreement, including international ones, the force of an executive document, which would contribute to the popularization of mediation as an out-of-court method of resolving disputes in the Republic of Belarus.

Key words: mediation, settlement agreement, mediation agreement, enforcement, execution.

Введение

Глобализация современного мира, формируя устойчивый характер открытых отношений как между самими государствами, так и между всеми их субъектами, ставит перед правовой системой каждого из государств новые правовые задачи, целью которых является не только обеспечение правового регулирования международных отношений любого вида субъектов в каждой из сфер, в которой такие субъекты взаимодействуют, но и упрощение такого пра-

вового регулирования с целью его лучшего понимания самими субъектами, вступающими в такие правоотношения. Правовое регулирование, в свою очередь, осуществляется в двух направлениях, первым из которых является создание международного регулирования в виде международных договоров и конвенций, содержащих обязательное правовое регулирование той или иной сферы. Вторым направлением является создание на национально-правовом уровне регулирования, упорядочивающего взаимоотношения с иностранным субъектом [1].

Медиация как сфера внесудебного урегулирования споров с участием посредника, иначе именуемого медиатором, также не является исключением, и в силу глобализационных процессов правовое ее регули-

Научный руководитель – Александр Станиславович Данилевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Белорусского государственного университета

рование подлежит приведению в соответствие современному запросу субъектов, непосредственно избирающих ее как способ разрешения возникшего между ними спора.

Основная часть

Как внесудебный способ разрешения споров, медиация в первую очередь характеризуется добровольным вступлением в нее субъектов [2], что, в свою очередь, при достижении ими договоренности в большинстве случаев таким же добровольным делает и исполнение ими достигнутых договоренностей. Вместе с тем, несмотря на высокий процент добровольно исполняемых медиативных соглашений [3], все же нельзя исключать и то, что стороне медиации может потребоваться принудительное исполнение медиативного соглашения в случае нарушения принятых на себя контрагентом обязательств. Кроме того, сам по себе факт наличия механизма, позволяющего привести в исполнение медиативное соглашение, в т. ч. международное, является своего рода гарантией исполнения достигнутых сторонами договоренностей и может стать основополагающим при выборе субъектами медиации как способа, с использованием которого будет разрешен возникший между ними спор.

Именно запрос на простой и понятный механизм приведения в исполнение медиативных соглашений, в т. ч. международных, является стимулом для создания соответствующего регулирования на национальном уровне.

Нельзя не отметить, что законодательство Республики Беларусь эволюционирует в соответствии с современными запросами глобализации, предоставляя субъектам необходимый механизм приведения в исполнение медиативных соглашений.

В частности, до января 2021 г. Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 № 58-З «О медиации» (далее – Закон о медиации) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК Республики Беларусь) уже содержали нормы, позволяющие привести в исполнение медиативное соглашение, при этом не определяя и не устанавливая требования к международному медиативному соглашению [4; 5].

Законом Республики Беларусь от 25.06.2020 № 25-З «О ратификации Кон-

венции Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации» [6], который вступил в силу 12 июля 2020 г. Республикой Беларусь была ратифицирована Конвенция Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации (Сингапур, 2019 г.), а Законом Республики Беларусь от 06.01.2021 № 89-З «Об изменении законов по вопросам медиации» [7], который вступил в силу 15 января 2021 г., в национальное законодательство были внесены изменения, однозначно указывающие на то, что в законодательстве Республики Беларусь подразумевается под международным медиативным соглашением, а также каковы условия его приведения в исполнение и отказа в приведении его в исполнение. Это однозначно положительно сказалось на популяризации медиации как внесудебного способа разрешения споров в Республике Беларусь, позволив иностранным контрагентам рассчитывать на то, что в случае возникновения спора с белорусским субъектом такой спор, во-первых, может быть разрешен с применением медиации, а, во-вторых, в случае если достигнутые в медиации договоренности не будут исполнены добровольно, то у ее сторон будет возможность принудительного их исполнения.

В частности, порядок приведения в Республике Беларусь в исполнение медиативных соглашений, включая международные, подразумевает обращение стороны медиации с заявлением, соответствующим требованиям ст. 262-1 ХПК Республики Беларусь в суд с приложением к такому заявлению соответствующих документов. Суд, рассматривая такое заявление, выносит определение, которым удовлетворяет требование о приведении в исполнение медиативного соглашения и выдает исполнительный лист, являющийся исполнительным документом, на основании которого в последующем уже органы принудительного исполнения приводят в исполнение не исполненное добровольно медиативное соглашение либо выносят определение об отказе в выдаче исполнительного документа на принудительное исполнение медиативного соглашения, в т. ч. международного.

Иными словами, наличие заключенного медиативного соглашения не является для его сторон безусловным основанием того, что такое соглашение будет приведено в исполнение, и в данном случае суд наделен правом выдачи исполнительных документов на принудительное исполнение медиативных соглашений.

Нельзя не отметить, что существующий порядок приведения в исполнение медиативных соглашений, в т. ч. международных, является актуальным и в целом не имеет существенных недостатков, однако на примере иных государств может быть усовершенствован и упрощен, что позволит сторонам медиации более ясно представлять процедуру приведения в исполнение медиативного соглашения, снизит нагрузку на суды, сняв с них обязанность рассматривать заявления о выдаче исполнительных документов на принудительное исполнение медиативных соглашений и, соответственно, будет способствовать повышению привлекательности медиации как внесудебного способа разрешения споров. Так, 17 июля 2019 г. в Российской Федерации Государственная Дума в третьем, окончательном, чтении приняла поправки в ряд законов, направленные на совершенствование примирительных процедур. Одним из ключевых изменений является наделение нотариусов полномочиями на удостоверение медиативных соглашений. Для этого предусмотрено, среди прочего, включение в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате новой статьи 59-1 «Удостоверение медиативного соглашения» [8].

Разъяснение порядка исполнения внесудебных медиативных соглашений размещено на официальном сайте Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, где указано, что медиативные соглашения, заключенные сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда, в случае его нотариального удостоверения будут иметь силу исполнительного документа [8], т. е. обладать прямым исполнением. Важно отметить, что обращение к нотариусу за удостоверением медиативного соглашения является правом, а не обязанностью сторон мирового соглашения. Указанное свидетельствует о том, что в случае, когда стороны пред-

усмотрительно озаботились вопросом последующего исполнения медиативного соглашения, для них само медиативное соглашение будет исполняться напрямую. Если же стороны ввиду различных причин не обратились к нотариусу за удостоверением медиативного соглашения, возможность его исполнения напрямую исключается.

Схожий с Российской Федерацией порядок исполнения медиативных соглашений существует также в большинстве государств – членов Европейского союза (в Германии, Испании, Словакии, Швеции), а также в Соединенных Штатах Америки, Израиле и Турции, что свидетельствует об обоснованности и, что не менее важно, практической применимости такого подхода. Прямая исполнительная сила позволяет избежать расходов, как ресурсных, так и временных, на приведение в исполнение медиативного соглашения путем обращения в суд в любой форме, что особенно актуально в коммерческих спорах [9].

Применительно к Республике Беларусь, где в настоящее время законодательством не предусмотрена возможность нотариального удостоверения медиативного соглашения (ни национального, ни международного), то доктор юридических наук, профессор В. С. Каменков призывает отечественных и зарубежных правоведов в целях дальнейшего внедрения и совершенствования медиативных процедур провести исследования по вопросу придания медиативному соглашению свойства исполнимости после его нотариального удостоверения, с тем чтобы стороны не сталкивались с необходимостью всякий раз обращаться в этих целях в суд [10]. Это указывает на актуальность решения проблемы недостаточной популяризации медиации путем упрощения порядка приведения в исполнение медиативных соглашений, в т. ч. международных, путем придания нотариально удостоверенному медиативному соглашению силы исполнительного документа.

Это может быть реализовано путем наделения белорусских нотариусов правом нотариального удостоверения медиативных соглашений, соответствующих предъявляемым к ним Законом о медиации требованиям. В таком случае нотариус, проверив медиативное соглашение, в т. ч. международное, на соответствие его требованиям зако-

ходательства, придает ему силу исполнительного документа, исключая необходимость получения исполнительного документа посредством обращения в суд, лишая недобросовестную сторону такого соглашения любой возможности препятствовать его приведению в исполнение в суде, а также позволяя в кратчайшие сроки с момента неисполнения медиативного соглашения начать процедуру принудительного исполнения его условий.

Наличие такого порядка повысит доверие сторон к медиации как к внесудебному способу разрешения споров, что сподвигнет стороны избирать медиацию как способ разрешения спора и тем самым не только сэкономит сторонам материальные и временные ресурсы, но и позволит разгрузить судебную систему за счет сокращения дел искового производства, разрешенных в медиации, а также за счет уменьшения количества заявлений в суд о выдаче исполнительного документа на приведение в исполнение медиативных соглашений, в т. ч. международных.

Заключение

Одной из проблем популяризации медиации в Республике Беларусь (при наличии механизма принудительного исполнения медиативных соглашений) является отсутствие его упрощенного порядка, позволяющего сторонам без обращения в суд в любой возможной форме принудительно

исполнить достигнутые в ходе медиации, изложенные в медиативном, в т. ч. международном, соглашении договоренности.

В качестве решения указанной проблемы представляется возможным заимствовать опыт ближайших соседей, в частности Российской Федерации, успешно практикующих удостоверение медиативных соглашений нотариусами с целью придания таким соглашениям прямой исполнительной силы. Необходимая для введения такого регулирования правовая основа, определяющая понятие медиативного и международного медиативного соглашения, а также закрепляющая требования, предъявляемые к таким соглашениям, в Республике Беларусь уже существует, что существенно упрощает имплементацию механизма нотариального удостоверения медиативных соглашений в законодательство Республики Беларусь.

Возможность придания самому медиативному соглашению силы исполнительного документа позволит сделать его заключение более привлекательным для сторон спора и может стать решающим фактором при выборе сторонами медиации как способа разрешения спора, при этом снизив нагрузку на судебные институты, уменьшив количество дел искового производства, равно как и заявлений о выдаче исполнительного документа на принудительное исполнение медиативного соглашения, в т. ч. международного.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Audry Li. Thought on developing Convention on Enforceability of Settlement Agreements reached through conciliation [Electronic resource] / Audry Li // Mondaq. – Mode of access: <https://www.mondaq.com/china/Litigation-Mediation-Arbitration/453820/Thought-On-Developing-Convention-On-Enforceability-Of-Settlement-Agreements-Reached-Through-Conciliation>. – Date of access: 13.09.2022.

2. Shahla Ali. Harmonizing UNCITRAL conciliation and state mediation law: developments in civil mediation reform [Electronic resource] / Shahla Ali // Victoria University of Wellington. – Mode of access: https://www.wgtn.ac.nz/__data/assets/pdf_file/0004/1186987/Ali.pdf. – Date of access: 13.09.2022.

3. О медиации [Электронный ресурс] // Центр медиации и переговоров. – Режим доступа: <https://mediators.pro/o-mediatsii>. – Дата доступа: 13.09.2022.

4. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11300058>. – Дата доступа: 13.09.2022.

5. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-3 : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом

Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800219>. – Дата доступа: 13.09.2022.

6. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 25 июня 2020 г., № 25-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12000025&p1=1>. – Дата доступа: 13.09.2022.

7. Об изменении законов по вопросам медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 06 янв. 2021 г., № 89-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100089&p1=1>. – Дата доступа: 13.09.2022.

8. О примирительных процедурах в сфере осуществления правосудия [Электронный ресурс] // Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству. – Режим доступа: http://www.komitet2-10.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/1942-3978/?fbclid=IwAR1sSWE-pCsSBQzRoo5UHFIIftn0RHNdi5EkDbxh00xfNsheYuvW02b-НН2А. – Дата доступа: 13.09.2022.

9. Давыденко, Д. Придание исполнительной силы медиативным соглашениям: что привносит в гражданский оборот новое законодательство [Электронный ресурс] / Д. Давыденко // Закон.ру. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2019/7/18/pridanie_mediativnym_soglasheniyam_ispolnitelnoj_sily_chno_privnosit_v_grazhdanskij_oborot_novoe_zak. – Дата доступа: 13.09.2022.

10. Каменков, В. С. Новеллы в законах о медиации в Республике Беларусь и их польза [Электронный ресурс] : [по состоянию на 08.04.2021 г.] / В. С. Каменков // iLex Новости / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2022.

REFERENCES

1. Audry Li. Thought on developing Convention on Enforceability of Settlement Agreements reached through conciliation [Electronic resource] / Audry Li // Mondaq. – Mode of access: <https://www.mondaq.com/china/Litigation-Mediation-Arbitration/453820/Thought-On-Developing-Convention-On-Enforceability-Of-Settlement-Agreements-Reached-Through-Conciliation>. – Date of access: 13.09.2022.

2. Shahla Ali. Harmonizing UNCITRAL conciliation and state mediation law: developments in civil mediation reform [Electronic resource] / Shahla Ali // Victoria University of Wellington. – Mode of access: https://www.wgtn.ac.nz/__data/assets/pdf_file/0004/1186987/Ali.pdf. – Date of access: 13.09.2022.

3. О медиации [Электронный ресурс] // Центр медиации и переговоров. – Режим доступа: <https://mediators.pro/o-mediatsii>. – Дата доступа: 13.09.2022.

4. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11300058>. – Дата доступа: 13.09.2022.

5. Khoziajstviennyj processual'nyj kodeks Respubliki Belarus' [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-З : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800219>. – Дата доступа: 13.09.2022.

6. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 25 июня 2020 г., № 25-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12000025&p1=1>. – Дата доступа: 13.09.2022.

7. Об изменении законов по вопросам медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 06 янв. 2021 г., № 89-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. –

Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100089&p1=1>. – Data dostupa: 13.09.2022.

8. O primiritiel'nykh procedurakh v sfierie osushchestvlenija pravosudija [Elektronnyj riesurs] // Komitet Gosudarstvennoj Duma po gosudarstvennomu stroitel'stvu i zakonodatel'stvu. – Riezhim dostupa: http://www.komitet2-10.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/19423978/?fbclid=IwAR1sSWEpCsSBQzRoo5UHFIIftfn0RHNdi5EkDbxh00xfNsheYuvW02bHH2A. – Data dostupa: 13.09.2022.

9. Davydienko, D. Pridaniye ispolnitel'noj sily miediativnym soglashenijam: chto privnosit v grazhdanskij oborot novoje zakonodatel'stvo [Elektronnyj riesurs] / D. Davydienko // Zakon.ru. – Riezhim dostupa: https://zakon.ru/blog/2019/7/18/pridanie_mediativnym_soglasheniyam_ispolnitelnoj_sily_chno_privnosit_v_grazhdanskij_oborot_novoe_zak. – Data dostupa: 13.09.2022.

10. Kamienkov, V. S. Novelly v zakonakh o miediacii v Riespublikie Bielarus' i ikh pol'za [Elektronnyj riesurs] : [po sostojaniju na 08.04.2021 g.] / V. S. Kamienkov // iLex Novosti / OOO «YurSpektr». – Minsk, 2022.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 13.09.2022

УДК 343

Ирина Петровна Пашкевич¹, Елена Викторовна Романюк²¹ст. преподаватель каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина²магистр юрид. наук, ст. преподаватель каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина**Irina Pashkevich¹, Elena Romanyuk²**¹Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law
of the Brest State A. S. Pushkin University²Master of Laws, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law
of the Brest State A. S. Pushkin Universitye-mail: ¹ippashkevich@rambler.ru; ²lee_@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ, ТАКТИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Рассматриваются уголовно-процессуальные, тактические и психологические особенности допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Сделан вывод, что тактические приемы используются и применяются на основе закона, требований норм нравственности с учетом возрастных и психологических индивидуальных особенностей личности несовершеннолетнего. Видится целесообразным шире использовать практику создания в следственных органах специальных комнат для допроса несовершеннолетних, а также сократить продолжительность времени допроса для несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля.

Ключевые слова: допрос, несовершеннолетние, свидетель, потерпевший.

Features of Interrogation of Juvenile Victims and Witnesses: Criminal Procedural, Tactical and Psychological Aspects

The criminal procedural, tactical and psychological features of the interrogation of minor victims and witnesses are considered. The article concludes that tactics are used and applied on the basis of the law, the requirements of moral standards, taking into account the age-psychological and individual characteristics of the minor's personality. It also seems expedient to use more widely the practice of creating special rooms for the interrogation of minors in the investigating authorities, as well as to reduce the duration of interrogation for a minor victim and witness.

Key words: interrogation, minors, witness, victim.

Введение

Допрос несовершеннолетних свидетелей и потерпевших имеет некоторые особенности, обусловленные возрастом, социально-демографическими, нравственно-психологическими особенностями допрашиваемых.

Допрос несовершеннолетнего обусловлен следующей спецификой: меньшим, чем у взрослых, объемом знаний и жизненного опыта, слабой способностью к сосредоточенному вниманию, повышенной внушаемостью, меньшим развитием аналитических навыков при восприятии и оценке воспринятого, тенденцией к смешению реально воспринятого и воображаемого, эмоциональностью суждений и действий.

Несовершеннолетние уступают взрослым и в способности осознать событие в целом и не всегда могут выделить главное,

обращая внимание лишь на те явления или факты, которые им интересны или произвели сильное эмоциональное впечатление. Несовершеннолетние чаще взрослых допускают ошибки при определении расстояний, отрезков времени, последовательности действий и событий. Несовершеннолетние быстрее забывают воспринятые события (факты, явления) и в то же время исключительно точно воспринимают и прочно удерживают в памяти те события (факты, явления), которые их заинтересовали. Несовершеннолетние обладают повышенной эмоциональностью, проявлением акцентуаций характера, им присущи быстрые смены настроения и форм поведения, что сказывается на их показаниях.

В силу социально-психологических особенностей несовершеннолетних их по-

ведение может приобретать виктимный характер, а сами несовершеннолетние могут становиться жертвами преступлений. Повышенной виктимностью довольно часто обладают несовершеннолетние с асоциальными установками, предпочитающие бесцельное времяпрепровождение, нередко провоцирующие конфликтные отношения.

Основная часть

Поведение несовершеннолетнего во время допроса нередко обусловлено стремлением к демонстрации и отстаиванию своей зрелости и самостоятельности, гипертрофированным представлением о дружбе, боязнью отрицательной оценки со стороны ближайшего окружения. Поскольку названные и некоторые другие особенности психофизического развития несовершеннолетнего проявляются в процессе формирования показаний и в поведении на допросе одинаково, их допрос имеет общие черты независимо от процессуального положения. Независимо от того, в какой бы процессуальной роли ни выступал несовершеннолетний, необходимо иметь в виду, что его поведение во время допроса во многом будет определяться в первую очередь возрастными, интеллектуальными, психическими особенностями развития. Следовательно, содержание, форма, достоверность показаний несовершеннолетних во многом будут зависеть от уровня развития их психики, индивидуально-психологических особенностей личности [1, с. 58].

Показания несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля могут являться важным источником доказательств при расследовании уголовного дела. В этом аспекте для следователя при проведении допроса с несовершеннолетним представляет интерес прогнозирование процесса общения и установление психологического контакта, создание внешних условий, облегчающих установление контакта, проявление внешних коммуникативных свойств в начале зрительного контакта, а также изучение психического состояния, отношения субъекта к начавшемуся общению.

При подготовке к допросу следователю необходимо получить информацию о личности допрашиваемого. Могут быть опрошены родители, классный руководитель, другие учителя, а если подросток ра-

ботает, то допрашиваются коллеги, его руководитель и др. У них нужно выяснить достаточно широкий круг вопросов, касающихся социально-демографической и нравственно-психологической характеристики подростка. Особое внимание следует обратить на информацию о потребностях и интересах подростка, его психических свойствах, положительных и отрицательных чертах характера.

Согласно ст. 434 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) допрос несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день. Данное положение исходит из особенностей психического развития несовершеннолетнего и связано и его повышенной утомляемостью. Однако для несовершеннолетних потерпевших и свидетелей не установлено сокращенного времени допроса. Они могут допрашиваться восемь часов в сутки, четыре часа непрерывно, как указано по общему правилу в ч. 2 ст. 215 УПК Республики Беларусь. Считаю необходимым дополнить ст. 221 «Особенности допроса несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля ч. 5 следующего содержания: «Допрос несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день» [2, ст. 215, 221, 434].

С точки зрения психологии допрос можно определить как процесс общения и воздействия на допрашиваемого. В психологическое содержание деятельности следователя при допросе несовершеннолетнего входит изучение психологических особенностей личности допрашиваемого (мотивы, интересы, особенности темперамента и характера и т. д.), изменение психического состояния допрашиваемого (аффективного, фрустрационного и т. п.), установление психологического контакта с допрашиваемым и развитие доверительных отношений с ним, оказание правомерного психологического воздействия на допрашиваемого, использование тактико-психологических приемов для получения информации по расследуемому делу [3, с. 213].

В ходе подготовки к допросу несовершеннолетнего следователь обязан выпол-

нить комплекс мероприятий, направленных на обеспечение оптимальных условий производства допроса.

1. *Решить вопрос о месте допроса несовершеннолетнего.* По общему правилу несовершеннолетние допрашиваются в месте производства следствия, а по усмотрению следователя – в месте нахождения несовершеннолетнего.

Согласно ч. 2¹ ст. 221 УПК Республики Беларусь допрос несовершеннолетних потерпевшего или свидетеля, не достигших шестнадцатилетнего возраста, по уголовным делам о преступлениях против личной свободы, чести и достоинства, жизни и здоровья, половой неприкосновенности или половой свободы по возможности проводится в условиях дружественной детям комнаты для допроса.

Определяя место допроса несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, следует исходить из того, что подросток в возрасте 14–16 лет может быть допрошен в кабинете следователя, т. к. официальная, деловая обстановка в сочетании с разъяснением следователя о необходимости рассказать все, что подростку известно по делу, подчеркивает важность происходящего и настраивает на дачу полных и правдивых показаний. Для допроса малолетних свидетелей и потерпевших следует избирать иное место, более ему привычное (школа, дом, дошкольное воспитательное учреждение). Иногда допрос целесообразно производить на месте, где подросток наблюдал событие (факт, явление), по поводу которого ему предстоит давать показания.

Оценивая положительный опыт зарубежных стран, стоит шире использовать практику создания в следственных органах специальных комнат для допроса несовершеннолетних. Они должны быть оборудованы таким образом, чтобы ребенок чувствовал себя комфортно и был предрасположен к беседе.

Идеальным представляется производить допрос несовершеннолетнего двумя участниками процесса – следователем и педагогом-психологом. Остальные заинтересованные лица смогут наблюдать за процедурой досмотра через оборудованные в помещении камеры наблюдения, однако их личное присутствие в кабинете исключается.

Для того чтобы в показаниях не было искажений, следователь должен уметь найти общий язык с несовершеннолетним, чего требует специальная подготовка и прохождение курса психологии и педагогики. Необходимо расположить несовершеннолетнего к беседе, производить допрос в наиболее благоприятной для него обстановке. Допрос малолетних предпочтительнее проводить в привычной для них обстановке (дома, в детском саду, школе), начав его с беседы, которая включает элементы игры. Следователь не должен демонстрировать свое превосходство, угрожающий тон и властные полномочия, т. к. все это может вызвать у ребенка недоверие к такому лицу.

2. *Определить день и время допроса.* Допрос несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего должен быть произведен как можно быстрее после восприятия им обстоятельств, связанных с событием преступления. Это обусловлено тем, что восприятие несовершеннолетнего, если наблюдаемое им событие (факт, явление) не имеет для него резкого эмоционального значения, поверхностно, и поэтому образы (представления), запечатленные в его памяти, быстро стираются под влиянием новых восприятий.

Кроме того, актуальность своевременного допроса состоит в том, что несовершеннолетние (особенно малолетние) довольно легко поддаются преднамеренному и непреднамеренному внушению, в результате чего могут незаметно для себя подменить собственное восприятие высказываниями других лиц, с которыми они общались до допроса.

Если в результате сильных переживаний от увиденного или услышанного у несовершеннолетнего наступила психологическая заторможенность, то допрос следует отложить до тех пор, пока несовершеннолетний сможет давать показания [4, с. 620].

Ориентировка в последовательности явлений прошлого у несовершеннолетних также имеет свои особенности: точность временной локализации зависит от точности воспроизведения содержания прошлых событий; правильная ориентировка в последовательности прошлого зависит в значительной степени от связи локализуемого момента с предшествующим и последующим моментами; воспроизведение последовательности прошлого зависит от яркости,

живости, эмоциональности представлений, отображающих локализуемое и связанные с ними представления.

Также важно отметить, что при допросе несовершеннолетних свидетелей (потерпевших особенно) вопросы, затрагивающие сформировавшийся у них эмоциональный комплекс, следует чередовать с нейтральными либо с вопросами, вызывающими у них положительные эмоции, проявляя при этом особый такт и внимание по отношению к допрашиваемому. Об этом следует помнить прежде всего при допросе детей, подвергшихся различного рода сексуальным посягательствам или наблюдавшим противоправные, насильственного характера действия своих родителей.

Используя метод аналогии, сравнения, метод постановки контрольных и напоминающих вопросов, метод освещения события с различных его сторон, следовательно может получить от несовершеннолетнего свидетеля (потерпевшего) ценные сведения о событиях, слабо закрепленных в его памяти вследствие произвольного запоминания [4, с. 621].

Устанавливая время явки несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего на допрос, следовательно должен учитывать особенность их психики и планировать свое рабочее время таким образом, чтобы подросток не ожидал в коридоре вызова на допрос.

Согласно уголовно-процессуальному закону применение звуко- и видеозаписи обязательно в ходе следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до четырнадцати лет, за исключением случаев, когда несовершеннолетние потерпевший или свидетель, их законные представители возражают против этого, случаев, не терпящих отлагательства, случаев отсутствия технической возможности применения звуко- и видеозаписи [2, ст. 221].

3. Получить информацию о личности несовершеннолетнего.

Необходимым условием успешного проведения допроса является установление психологического контакта с несовершеннолетним. Это необходимо для активизации психической деятельности субъекта в предстоящем общении, для снятия предубеждения, настороженности у субъекта общения и облегчения процесса психологической

адаптации. Для установления психологического контакта и определения тактики допроса несовершеннолетнего необходимо выяснить: отношение к сверстникам (чувство товарищества, чуткость, безразличие, неприязненные отношения и т. п.), черты характера (упрямство, лживость, конформизм и др.), круг интересов и увлечений, а также иные данные, относящиеся к социально-демографической и нравственно-психологической характеристикам несовершеннолетнего. С этой целью необходимо тщательно изучить материалы уголовного дела с точки зрения извлечения указанных сведений, а также допросить законных представителей несовершеннолетнего, педагогов и других лиц.

Осуществляя допрос несовершеннолетнего, следовательно должен мыслить этическими категориями, а не только категориями криминалистической тактики. Эффективным средством педагогического воздействия и нравственного воспитания несовершеннолетнего должен стать такой метод, как побуждение подростка к активному проявлению мысли, чувства, к поступкам, имеющим высоконравственный характер. Такое воздействие должно быть направлено на вооружение знаниями о поведении, усвоение нравственных принципов, являющихся идейным руководством в практической деятельности [3, с. 262].

К сожалению, в нынешних условиях этой проблеме уделяется очень мало внимания, поэтому считаем необходимым введение в подготовку следователей основ подростковой, юношеской психологии и возрастной педагогики, особенно для тех, кто непосредственно занимается расследованием дел с участием несовершеннолетних.

Воспитательную роль в процессе допроса несовершеннолетнего играют внешний вид следователя, его манера держать себя, разговаривать с допрашиваемым, т. е. все то, что относится к правилам этикета. Душевная доброта и чуткость следователя к несовершеннолетнему должны быть естественными, а не показными. Отношение к несовершеннолетнему как ко взрослому, уважение его самостоятельности положительно действуют на подростка, заставляют его предъявить к себе строгие требования, сдерживаться от совершения дурных поступков, проявления капризов и упрямства.

При допросе несовершеннолетнего со стороны следователя не должно быть бездумного, механического претворения теоретических положений возрастной педагогики в практический опыт. Следователь должен осуществлять индивидуальный подход и сочетать различные приемы и методы, не принимать шаблонные, стандартные педагогические средства воспитания [5, с. 87].

Заключение

1. Допрос несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля – это сложная, многогранная деятельность следователя, лица, производящего дознание, прокурора, представляющая собой совокупность определенных компонентов. Обладая интегративным свойством, структура этого следственного действия состоит из таких сторон, как организационная, познавательная, конструктивная, коммуникативная, психологическая, воспитательная, удостоверительная и нравственная. Эти аспекты допроса несовершеннолетнего органически переплетаются в процессуальные, тактические и психологические основы его производства. Тесная взаимосвязь и соотношение между ними выражаются в том, что тактические приемы используются и применяются на основе закона, требований норм нравственности, с учетом возрастных психологических и индивидуальных особенностей личности несовершеннолетнего. Конечно, первичными являются процессуальные основы, однако всегда при допросах такого рода лиц нужно учитывать и другие вышеперечисленные аспекты.

2. Успешно осуществить допрос несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля может не каждый следователь, потому что дело здесь не только в юридической

подготовке и опыте следственной работы. Допрос несовершеннолетнего требует от следователя хороших знаний педагогики, общей и детской психологии, умения определить свою собственную линию поведения, чтобы при строжайшем соблюдении закона обеспечить успешное выполнение поставленной задачи. Предлагаем ввести основы детской и подростковой психологии, возрастной педагогики в подготовку следователей, осуществляющих производство предварительного следствия по уголовным делам с участием несовершеннолетних свидетелей, потерпевших.

3. Стоит шире использовать практику создания в следственных органах специальных комнат для допроса несовершеннолетних. Они должны быть оборудованы таким образом, чтобы допрашиваемый чувствовал себя комфортно и был предрасположен к беседе.

4. Считаю необходимым, дополнить ст. 221 УПК Республики Беларусь «Особенности допроса несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля» ч. 5 следующего содержания: «5. Допрос несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день». Такое изменение видится необходимым в силу особенностей психологического и физического развития несовершеннолетних. Особенности психологических процессов у несовершеннолетних существенно отличаются от психологических особенностей взрослых. Длительный допрос может не привести к желаемым результатам в связи с характерной для большинства несовершеннолетних повышенной возбудимостью нервной системы, а также их утомляемостью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доспулов, Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии / Г. Г. Доспулов. – М. : Юрид. лит., 1996. – 112 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.07.2022 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Еникеев, М. И. Юридическая психология / М. И. Еникеев. – М. : Норма, 2022. – 512 с.
4. Криминалистика / Р. С. Белкин [и др.] ; под общ. ред. Р. С. Белкина. – 2-е изд. – М. : Норма, 2004. – 992 с.
5. Порубов, Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии / Н. И. Порубов. – 3-е изд., перераб. – Минск : Выш. шк., 1978. – 175 с.

REFERENCES

1. Dospulov, G. G. Psikhologija doprosa na priedvaritel'nom sledstvii / G. G. Dospulov. – M. : Jurid. lit., 1996. – 112 s.
2. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rjespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : 16 ijulia 1999 g., № 295-3 : v ried. Zakona Rjesp. Bielarus' ot 20.07.2022 g. // Konsul'tantPlus. Bielarus' / OOO «JurSpiektr», Nac. centr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2022.
3. Yenikiejev, M. I. Juridichieskaja psikhologija / M. I. Yenikiejev. – M. : Norma, 2022. – 512 s.
4. Kriminalistika / R. S. Bielkin [i dr.] ; pod obshc. ried. R. S. Bielkina. – 2-e izd. – M. : Norma, 2004. – 992 s.
5. Porubov, N. I. Nauchnyje osnovy doprosa na priedvaritel'nom sledstvii / N. I. Porubov. – 3-e izd., pierierab. – Minsk : Vysh. sh., 1978. – 178 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 30.09.2022

УДК [336.542:341]:338

**Татьяна Александровна Горупа¹, Татьяна Захаровна Шалаева²,
Татьяна Иосифовна Чугунова³**

¹канд. юрид. наук, доц., зав. каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²канд. юрид. наук, доц., доц. каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

³ст. преподаватель каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Tatsiana Gorupa¹, Tatsiana Shalaeva², Tatsiana Chuhunova³

¹PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines
of the Brest State A. S. Pushkin University

²PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the Brest State A. S. Pushkin University

³Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines
of the Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: ¹gorupa.brsu@mail.ru; ²t.shalaeva@mail.ru; ³tatsiana.ch@tut.by

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ) НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Научное теоретико-правовое исследование посвящено анализу региональных стандартов по защите прав потребителей международных организаций постсоветского пространства, а также определению методов сближения законодательства государств – членов таких организаций. Уточнено место региональных стандартов как частей систем защиты прав потребителей соответствующих интеграционных образований и их источников. Сформулированы рекомендации по разработке новых региональных стандартов в сфере защиты прав потребителей СНГ, ЕАЭС и Союзного государства, которые должны основываться на международных стандартах и учитывать региональные особенности и традиции.

Ключевые слова: права потребителей, стандарты в области защиты прав потребителей, унификация правовых норм и гармонизация национальных законодательств в сфере защиты прав потребителей, недобросовестные коммерческие практики, региональные стандарты дистанционной торговли.

Regional Standards for the Protection of the Rights of Consumers of Goods (Work, Services) in the Post-Soviet Space

Scientific theoretical and legal research is devoted to the analysis of regional standards for the protection of consumer rights of international organizations in the post-Soviet space, as well as to the definition of methods for convergence of the legislation of the member states of such organizations. The article clarifies the place of regional standards as parts of consumer rights protection systems of the relevant integration entities and their sources. Recommendations are formulated for the development of new regional standards in the field of consumer protection in the CIS, the EAEU and the Union State, which should be based on international standards and take into account regional characteristics and traditions.

Key words: consumer rights, standards in the field of consumer protection, unification of legal norms and harmonization of national legislation in the field of consumer protection, unfair commercial practices, regional distance trading standards.

*Исследование выполнено в рамках реализации НИР «Теоретико-методологические основы защиты прав потребителей товаров (работ, услуг) в механизме правового обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь в условиях региональной интеграции и цифровизации» (номер госрегистрации 20211412) при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь

Введение

Современные геополитические и экономические проблемы, пандемия COVID-19, изменение климата и другие глобальные экологические вызовы ставят человечество на грань выживания. Поэтому вполне закономерным и обоснованным является развитие идей гуманизма, в которых человек признается высшей ценностью как всего

международного сообщества, так и международных региональных организаций и конкретных государств, а его права и свободы нуждаются в закреплении и создании специальных механизмов реализации и защиты соответственно на международном, региональном и национальном уровнях.

Права потребителей – это особая разновидность прав человека, потребляющего товары (работы, услуги), которые порой могут быть опасными, способными причинить вред жизни и здоровью. Так, по оценкам ВОЗ от последствий употребления пищевых продуктов, загрязненных микроорганизмами или химическими веществами, ежегодно заболевают 600 млн человек, умирают 420 тыс. человек, что приводит к потере 33 млн лет здоровой жизни (DALY) [1].

Стремительное развитие цифровой экономики предопределили мощный рост новых цифровых услуг, потребители которых часто не знают их специфики. По данным Всемирной организации потребителей, к 2024 г. число потребителей цифровых банковских услуг превысит 3,6 млрд человек. Цифровые финансы открывают новые возможности, но также и новые риски, которые могут привести к несправедливым результатам для потребителей. Цифровые финансы могут повысить вероятность того, что наиболее уязвимые останутся позади [2], поэтому потребитель нуждается в определении международных стандартов защиты своих прав, являющихся своеобразным эталоном для международного сообщества и одновременно вектором развития региональных и национальных стандартов в этой области, учитывающих специфику региона и отдельной страны в этой сфере.

Целью статьи является комплексное теоретико-правовое исследование региональных стандартов по защите прав потребителей международных организаций на постсоветском пространстве, определение методов сближения законодательства государств-членов таких организаций.

Стандарты в области защиты прав потребителей: общая характеристика

Стандарты прав человека закрепляют перечень прав и свобод, а также устанавливают их объем и минимальный уровень требований к реализации и защите. Термин «стандарт» введен в оборот в первом до-

кументе о правах человека – Всеобщей Декларации о правах человека, в преамбуле которой говорится, что права человека являются «общим стандартом достижения для всех людей и всех наций» и что каждый человек и каждый орган общества «должны стремиться» обеспечить их всеобщее и эффективное признание и соблюдение [3]. Определение понятия и сущности стандартов в области прав человека – один из актуальных вопросов в науке прав человека. Этой проблематике посвящены труды многих белорусских (А. И. Зыбайло, Л. В. Ульяшина, Л. В. Павлова, В. Л. Федорова) и зарубежных (Р. Г. Вагизов, С. А. Голубок, С. М. Оганесян) авторов. При отсутствии единого мнения на правовую природу стандартов в юридической литературе все же считают, что стандарты в области прав человека следует рассматривать в качестве минимально необходимого уровня, закреплённого в конституциях государств [4, с. 333].

Достаточно содержательное определение сформулировано А. И. Зыбайло и В. Л. Федоровой, которые под международными стандартами прав человека понимают «совокупность признанных государствами правил, отражающих нормативный минимум в сфере прав человека, формируются в результате толкования нормы международного права прав человека компетентными международными органами и предстают образцами, которым государства должны следовать в законотворческой, исполнительной и судебной внутригосударственной деятельности с допустимыми отступлениями в форме их превышения или конкретизации» [5, с. 30]. При этом авторы отдельно отмечают, что стандарты не равнозначны нормам международного права в области прав человека, которые выступают их источниками.

В течение долгого времени в юридической литературе преобладала точка зрения, согласно которой все правовое регулирование имеет два уровня – международный и национальный. В последние годы ряд ученых-юристов (А. И. Чучаева, К. Л. Томашевский и др.) стали выделять также наднациональный уровень правового регулирования, который связан с нормотворческой деятельностью надгосударственных органов интеграционных образований. Вместе с тем полномочия данных наднациональных

институтов определяются международным договором, учреждающим ту либо иную международную организацию региональной экономической интеграции, поэтому весьма часто исследователи рассматривают наднациональное (региональное) правовое регулирование как вид международного.

Таким образом, стандарты прав человека можно разделить на международные, региональные и национальные. Международные стандарты прав человека имеют универсальный характер, т. е. признаются во всем мире (нормативные акты принятые ООН) и являются составной частью международной системы защиты прав человека. Основным источником универсальных стандартов являются международные договоры (соглашения) – пакты и конвенции. Эти формы международно-правовых актов носят общеобязательный характер для всех государств, их ратифицировавших или к ним присоединившихся. На основе договоров создаются специализированные международные органы для контроля над соблюдением условий соглашений. Дополнительным источником универсальных стандартов, имеющих рекомендательный характер, являются резолюции Генеральной Ассамблеи ООН.

Международные стандарты в области защиты прав потребителей представлены в Резолюции 39/248 Генеральной Ассамблеи ООН «Защита интересов потребителей», которая в приложении «Руководящие принципы для защиты интересов потребителей» (далее – Руководящие принципы) определила перечень прав потребителей, гарантий их реализации и защиты, являющихся по своей сути стандартами рекомендательного характера [6].

Руководящие принципы закрепляют международные стандарты в сфере защиты прав потребителей относительно национальной политики в этой области, которая должна основываться на одиннадцати актуальных направлениях:

1) добросовестной деловой практике, нормах, определяющих порядок распространения полной и достоверной информации о товарах (работах, услугах) и их производителей (исполнителях, продавцах), гарантиях расторжения договора и возврата товара (работы, услуги);

2) физической безопасности товаров (работ, услуг);

3) содействию соблюдению экономических интересов потребителей и их защиты через запрет соответствующих деловых практик, отрицательно влияющих на потребителей и осуществление ими права выбора, предоставлении возможности потребителям организациям осуществлять контроль за соблюдением обязательных требований законодательства;

4) нормах безопасности и качества потребительских товаров и услуг;

5) системе распределения потребительских товаров и услуг первой необходимости;

6) механизмах урегулирования споров и предоставлении средств правовой защиты;

7) разработке программ просвещения и информирования потребителей;

8) содействию рационализации потребления через юридические (принятие нормативных правовых актов), экономические (использование налоговых инструментов стимулирования), социальные (популяризация позитивных практик) механизмы;

9) обеспечении уровня защиты электронной торговли не ниже, чем для других форм торговли;

10) создании специальной политики по защите прав потребителей финансовых услуг;

11) принятии специальных мер, касающихся продовольствия, водоснабжения, фармацевтики, энергоснабжения, коммунальных и туристических услуг.

Таким образом, Руководящие принципы являются вполне конкретными ориентирами для развития региональных и национальных стандартов как в сфере защиты прав потребителей, так и в смежных сферах рационального потребления, социальной политики, стандартизации и др.

Региональные стандарты действуют в рамках границ интеграционного объединения, при этом они, как правило, более конкретны и учитывают традиции, особенности политического, экономического развития государств – членов объединения. Соответственно, региональные стандарты являются составными частями систем защиты прав человека соответствующих интеграционных образований, и источником права региональных стандартов будут являться

как акты первичного (международные учредительные договоры, на основании которых они созданы), так и акты вторичного права (акты наднациональных институтов) регионального интеграционного объединения (союза).

Республика Беларусь является членом региональных постсоветских организаций, таких как СНГ, ЕФЭС, Союз России и Беларуси, поэтому целесообразно проанализировать стандарты по защите прав потребителей в данных интеграционных образованиях и уточнить правовые средства, используемые для выработки общих подходов по сближению законодательства о защите прав потребителей в рамках той либо иной организации.

Региональные стандарты СНГ в области защиты прав потребителей

Содружество Независимых Государств (СНГ) как интеграционное образование учреждено 8 декабря 1991 г. путем подписания Соглашения о создании Содружества Независимых Государств. В дальнейшем были приняты такие основополагающие документы, как Протокол к Соглашению от 21 декабря 1991 г., Алма-Атинская Декларация от 21 декабря 1991 г. и Устав Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 г. В настоящее время членами СНГ являются практически все бывшие советские республики, кроме стран Прибалтики и Грузии. Согласно ст. 7 Соглашения о создании Содружества Независимых Государств Стороны признают, что к сфере их совместной деятельности относится сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков. Необходимым условием решения названной задачи служит унификация соответствующих правовых норм и гармонизация национальных законодательств в сфере защиты прав потребителей, которая обеспечивается в странах СНГ координацией законопроектной работы, принятием согласованных, соответствующих нормам международного права и документам СНГ актов внутригосударственного законодательства. Важную роль в этом процессе играет Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ (далее – МПА), разрабатывающая модельные законодательные акты для государств –

участников СНГ. Модельные (типовые) законы и рекомендации выступают эффективным инструментом интеграции, обеспечивающим унификацию законодательств государств СНГ, в т. ч. в области защиты прав потребителей. Использование модельных законодательных актов в целом или отдельных их положений может осуществляться в формах разработки и принятия внутригосударственных нормативных правовых актов.

Первым источником положений о защите прав потребителей в СНГ стал Рекомендательный законодательный акт «Об общих принципах регулирования защиты прав потребителей в государствах – участниках Межправительственной Ассамблеи», принятый МПА 13 мая 1995 г. (далее – Рекомендательный акт). В основу документа положены стандарты защиты прав потребителей, закрепленные в Руководящих принципах для защиты интересов потребителей, одобренных Генеральной Ассамблеей ООН в 1985 г.

В развитие Рекомендательного акта 25 марта 2000 г. было принято Соглашение об основных направлениях сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в области защиты прав потребителей (с изменениями на 19 мая 2011 г.) (далее – Соглашение). Статья 6 Соглашения предусматривает создание Консультативного совета по защите прав потребителей (органа отраслевого сотрудничества для координации взаимодействия органов государственного управления государств – участников СНГ).

Согласно Стратегии экономического развития СНГ на период до 2030 г., утвержденной решением Совета глав правительств СНГ от 29 мая 2020 г., важнейшим направлением сотрудничества государств – участников СНГ является сфера защиты прав потребителей. Документ декларирует продолжение взаимодействия в выработке общих подходов к противодействию злоупотреблениям и недобросовестным практикам на рынке товаров и услуг (в т. ч. на цифровом пространстве), которые ущемляют права потребителей. Вышеназванные акты СНГ фактически определяют региональные стандарты защиты прав потребителей (равная защита граждан на территории всех государств-членов, сотрудничество государств-членов по вопросам защиты прав потреби-

телей, создание условий для деятельности независимых общественных объединений потребителей и др.), которые основываются на международных стандартах и ложатся в основу национальных стандартов в этой области.

Чтобы положения модельных актов СНГ имели развитие и продолжали сохранять актуальность, необходимо их совершенствование. Перспективным планом модельного законодательства в СНГ на 2020–2022 гг. предусмотрена разработка проекта Модельного закона «О защите прав потребителей» (новой редакции). Как нам представляется, данный модельный акт должен содержать и нормы, определяющие общий перечень злоупотреблений и других недобросовестных практик на рынке товаров и услуг (в т. ч. на цифровом пространстве), которые ущемляют права потребителей. Именно вышеназванная Стратегия экономического развития как раз и определяет необходимость их формализации на региональном уровне.

Позитивный опыт принятия региональных стандартов по вопросам недобросовестных коммерческих практик имеется в ЕС, где 11 мая 2005 г. была принята Директива относительно недобросовестной коммерческой практики в отношениях между потребителем на внутреннем рынке [7]. Под коммерческой практикой данная Директива понимает достаточно широкий круг отношений между бизнесом и потребителями и означает любое действие, бездействие, поведение или представление, коммерческую коммуникацию, включая рекламу и маркетинг, со стороны продавца, непосредственно связанные с продвижением, продажей или поставкой продукта потребителям. Согласно п. 2 ст. 5 Директивы коммерческая деятельность является недобросовестной, если это:

- 1) противоречит требованиям профессиональной заботливости;
- 2) существенно искажает или может существенно исказить экономическое поведение среднего потребителя или среднего члена группы, когда коммерческая практика направлена на определенную группу потребителей.

Пункт 4 этой же статьи уточняет, что недобросовестной считается коммерческая

практика, которая вводит в заблуждение потребителя либо является агрессивной.

Для стран СНГ недобросовестные предпринимательские практики являются проявлением недобросовестной конкуренции и запрещаются национальными законодательствами. Представляется, что в модельном законе должна быть определена коммерческая практика, которая вводит потребителя в заблуждение, т. е. способствует заключению сделки потребителем с помощью предоставления ему недостоверной, неполной либо несвоевременной информации о товаре (работе, услуге) относительно основных характеристик товара (работы, услуги), а также о гарантийных сроках и обслуживании, цене, скидках и других ценовых преимуществах, условиях оплаты, доставки потребителю, потребностях в услугах по ремонту, реализации права на замену либо расторжение договора и др.

В модельном законе должны быть запрещены как вводящие в заблуждение предложения:

- 1) по реализации продукции по определенной цене, если продавец или исполнитель не сможет предоставить такую продукцию по такой цене;
- 2) о наличии ограниченного количества продукции или о продаже продукции в течение ограниченного срока, что побуждает потребителей к принятию быстрого решения и лишает их достаточного периода времени для принятия сознательного решения; что будет существовать угроза личной безопасности потребителя или его семьи, если он не приобретет или не закажет продукцию;
- 3) по участию в пирамидальных схемах, когда потребитель платит за возможность получения компенсации, предоставляемой за счет привлечения других потребителей к такой схеме, а не за счет продажи или потребления продукции;
- 4) о распродаже в связи с прекращением деятельности субъекта хозяйствования, когда это не соответствует действительности;
- 5) по маркировке продукции специальным знаком без получения на это соответствующего разрешения уполномоченного лица или владельца таких знаков;
- 6) о том, что приобретение продукции может способствовать выигрышу в лотерее;

7) о проведении конкурса или розыгрыша подарков без последующего вручения таких подарков и другие формы.

Данный перечень предпринимательской практики не является исчерпывающим и может быть продолжен.

Агрессивной должна считаться предпринимательская практика, которая фактически содержит элементы принуждения, приставания или ненадлежащего влияния и существенно влияет или может повлиять на свободу выбора или поведение потребителя относительно приобретения продукции.

Модельный закон должен запретить такие агрессивные формы предпринимательской практики, как требование оплаты продукции, поставленной продавцом (исполнителем), если потребитель не давал прямого согласия на ее приобретение; осуществление периодических визитов в место жительства потребителя; осуществление постоянных телефонных, факсимильных, электронных или иных сообщений без согласия потребителя; создание впечатления, что потребитель не может покинуть торговое помещение продавца (исполнителя) без заключения договора или осуществления оплаты.

Таким образом, определение в модельном законе СНГ недобросовестных, в т. ч. агрессивных коммерческих практик, позволит дать импульс по совершенствованию национального законодательства государств-членов в этом вопросе и в целом позволит выработать общие направления потребительской и конкурентной политики в СНГ.

Региональные стандарты ЕАЭС по защите прав потребителей

Другим региональным интеграционным союзом является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), объединяющий пять государств евразийской части континента: Республику Армения, Республику Беларусь, Республику Казахстан, Кыргызскую Республику и Российскую Федерацию.

Создание государствами-членами общего рынка предполагает параллельное создание и специальных механизмов защиты прав потребителей на наднациональном уровне, ведь потребители будут покупать товары и заказывать услуги в рамках общей таможенной границы всего региона, независимо от места проживания в конкретном

государстве-члене. Соответственно, потребитель и его права должны быть в центре внимания не только институтов, реализующих наднациональную политику, но и учредительных актов интеграционных образований.

Учредительным актом ЕАЭС, являющимся по своей сути актом первичного права Союза, является Договор о ЕАЭС, принятый в 2014 г. и вступивший в силу 1 января 2015 г. Так, ст. 1 Договора определяет, что в рамках ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проводится скоординированная, согласованная или единая политика в отраслях экономики, определенных данным Договором и другими международными договорами в рамках Союза.

Еще один важный момент, отраженный в Разделе XII Договора, – это определение вида политики ЕАЭС в сфере защиты прав потребителей. Согласно п. 2 ст. 61 в ЕАЭС проводится согласованная политика в этой сфере, что предполагает использование инструментов гармонизации правового регулирования в такой степени, которая необходима для достижения целей Союза, в т. ч. и с помощью решений органов Союза. Предполагается, что актами гармонизации могут быть специальные Договоры между государствами-членами по вопросам защиты прав потребителей, которые бы устанавливали правила регулирования отношений с участием потребителей в ЕАЭС, а государства-члены самостоятельно определяли бы средства и формы их внедрения в национальное законодательство. До настоящего времени таких актов принято не было, несмотря на актуальность вопросов электронной торговли в ЕАЭС, а также ряда договорных и внедоговорных отношений с участием потребителей.

В свою очередь, Протокол о проведении согласованной политики в сфере защиты прав потребителей (Приложение № 13 к Договору о ЕАЭС) определяет основные направления реализации такой политики, анализ которых позволяет нам провести их классификацию в зависимости от обеспечения того либо иного основополагающего права потребителей:

1) обеспечение всех субъектов на потребительском рынке оперативной и достоверной информацией о товарах (работах,

услугах), изготовителях (продавцах, исполнителях) в отношении права потребителей на информацию;

2) предотвращение деятельности недобросовестных хозяйствующих субъектов и предотвращение и реализации некачественных товаров (услуг) на территории ЕАЭС в отношении права потребителей на безопасность и надлежащее качество товаров (работ, услуг);

3) создание для потребителей условий, способствующих выбору товаров (работ, услуг) через развитие правовой грамотности и правосознания потребителей в отношении права на свободный выбор товаров (работ, услуг);

4) информирование и просвещение потребителей о способах реализации и защиты их прав в административном и судебном порядке; создание условий для доступа потребителей государств-членов к юридической помощи в отношении права на общественную и государственную, в т. ч. судебную защиту своих прав;

5) реализация программ просвещения потребителей в образовательных системах государств-членов; развитие пропаганды вопросов защиты прав потребителей в отношении права на просвещение в области защиты прав потребителей.

Вместе с тем из всех основных прав потребителей согласованная политика не будет осуществляться на уровне Союза лишь только относительно права на возмещение убытков, вреда, причиненного вследствие недостатков товаров (работ, услуг). Предполагается, что данный вопрос будет находиться лишь в поле зрения национального законодательства государств-членов, с чем вряд ли можно согласиться по причине значимости права на полное возмещение убытков, вреда при реализации свободы движения товаров, услуг в ЕАЭС. Вторичное право ЕАЭС включает в себя юридические обязательные акты в форме решений и распоряжений органов ЕАЭС (Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия (главный исполнительный орган).

Отметим, что решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского Межправительственного совета по защите прав потреби-

телей должны приниматься консенсусом, исполнение которых государствами-членами осуществляется в порядке, предусмотренном их национальным законодательством.

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) может принимать решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов, распоряжения, имеющие организационно-распорядительный характер, и рекомендации, не имеющие обязательного характера. ЕЭК в целях гармонизации законодательства о защите прав потребителей использует исключительно рекомендации. В рекомендациях ЕЭК установлены принципы согласованной политики, заложены отдельные требования стандартизации и механизмы их реализации: Рекомендация Коллегии Евразийской экономической Комиссии от 22 марта 2016 г. № 2 «О применении мер, направленных на повышение эффективности взаимодействия уполномоченных органов в сфере защиты прав потребителей государств – членов Евразийского экономического союза»; Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 ноября 2017 г. № 27 «Об Общих подходах к проведению государствами – членами Евразийского экономического союза согласованной политики в сфере защиты прав потребителей при реализации товаров (работ, услуг) дистанционным способом»; Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 мая 2019 г. № 15 «Об Общих подходах к установлению особых мер защиты прав и интересов отдельных категорий потребителей»; Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 15 сентября 2020 г. № 14 «Об осуществлении информационного взаимодействия между уполномоченными органами государств – членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссией по некоторым вопросам защиты прав потребителей»; Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 января 2021 г. № 1 «О принципах и критериях добросовестной деловой практики в отношении потребителей в сфере розничной торговли товарами»; Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 1 марта 2021 г. № 7 «О Методических рекомендациях по разработке программ государств – членов Евразийского экономического союза

в области защиты прав потребителей»; Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 27 апреля 2021 г. № 72 «О создании рабочей группы по подготовке проекта программы совместных действий государств – членов Евразийского экономического союза в сфере защиты прав потребителей и обеспечения качества товаров и услуг»; Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 8 февраля 2022 г. № 5 «О подходах к определению понятия “качество товаров (работ, услуг)” в сфере защиты прав потребителей».

Так, в Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 ноября 2017 г. № 27 «Об Общих подходах к проведению государствами – членами Евразийского экономического союза согласованной политики в сфере защиты прав потребителей при реализации товаров (работ, услуг) дистанционным способом» определены региональные стандарты дистанционной торговли, в т. ч. и через Интернет. Эти стандарты касаются предоставления информации о товаре (работе, услуге) до заключения договора с целью осуществления потребителем правильного потребительского выбора, порядок заключения договора с потребителем, являющимся публичной офертой, возможность возврата товара потребителем в течение 14 дней со дня получения (если товар не был в употреблении, сохранены его потребительские свойства, а также имеются доказательства приобретения товара у данного продавца, за исключением товаров, не подлежащих возврату или обмену, перечень которых устанавливается законодательством государств-членов). Необходимо отметить достаточно серьезные гарантии, рекомендуемые для принятия государствами – членами ЕАЭС. Вместе с тем рекомендации не содержат стандарты, определяющие евразийским потребителям сроки доставки и возврата приобретенного товара.

Представляется, что Рекомендации можно было бы дополнить двумя пунктами следующего содержания:

1) «если стороны не договорились об ином в отношении времени доставки, продавец должен поставить товар, передав его во владение потребителю в течение 30 дней с момента заключения договора»;

2) «потребитель отправляет товар обратно продавцу не позднее чем в течение

14 дней после отправки формы отказа либо уведомление об отказе от товара. Продавец не позднее чем в течение 14 дней со дня получения им информации о решении потребителя отказаться от договора возвращает уплаченную сумму, которую заплатил потребитель, включая расходы по доставке, оплаченные потребителем. Продавец должен возместить указанную сумму денег тем же способом, что использовал потребитель при заключении договора, за исключением случаев, когда потребитель прямо согласился на другой способ оплаты».

Региональные стандарты Союзного государства в сфере защиты прав потребителей

Еще одним интеграционным образованием, в которое входит Республика Беларусь, является *Союзное государство Республики Беларусь и Российской Федерации* (Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. (далее – Договор)). Беларусь и Россия поставили перед собой ряд важных ориентиров, один из которых – создание единого экономического пространства. Достижение этой цели осуществляется поэтапно. В целях дальнейшей реализации положений Договора 4 ноября 2021 г. принят Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы», утвердивший программы, направленные на реализацию российско-белорусской интеграции.

Непосредственно политике в области защиты прав потребителей посвящены две программы. Так, Союзная программа по гармонизации требований в области защиты прав потребителей финансовых услуг и инвесторов, а также предотвращения недобросовестных практик на финансовом рынке предусматривает гармонизацию требований в области защиты прав потребителей финансовых услуг и инвесторов, а также предотвращения недобросовестных практик на финансовом рынке. В конечном итоге реализация данной Программы будет способствовать выработке предложений по гармонизации законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь в целях обеспечения предоставления равного объема защиты прав потребителям финансовых

услуг и созданию единых подходов для присоединения к Расширенному многостороннему меморандуму о взаимопонимании с Международной организацией комиссий по ценным бумагам (IOSCO EMMoU).

Вторая Союзная программа по разработке и утверждению единых правил в области защиты прав потребителей государств – участников Договора о создании Союзного государства предполагает осуществление широкого комплекса мер, в т. ч. проведение сравнительного анализа ключевых положений законодательства о защите прав потребителей Российской Федерации и Республики Беларусь; определение общих сфер, принципов и подходов, на основании которых должны разрабатываться Единые правила в области защиты прав потребителей; согласование понятийного аппарата и содержания ключевых положений «общей части» Единых правил; составление национального перечня альтернативных способов урегулирования споров с потребителями; согласование видов и размеров гражданско-правовой, в т. ч. имущественной, ответственности за несоблюдение сроков и порядка рассмотрения (удовлетворения) требований потребителей и др.

Таким образом, Союзное государство использует в сфере защиты прав потребителей инструменты как гармонизации законодательства (для финансовых услуг), так и унификации (для общих положений законодательства о защите прав потребителей). Вышеназванный Декрет Союзного государства № 6 не определяет, каким актом планируется принимать Единые правила. Мы можем лишь предположить, что в ракурсе современных событий Республика Беларусь и Российская Федерация заявляют о новом и более тесном уровне интеграции, в связи с чем будут приниматься средства прямой унификации, т. е. акты прямого действия для регулирования отношений в сфере защиты прав потребителей.

В связи с этим возникает вопрос, насколько приемлема прямая унификация тех же терминов, используемых в законодательстве. В частности, потребитель в законе Республики Беларусь «О защите прав потребителей» – это физическое лицо, которое приобретает товары (работы, услуги) не только у юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, как это определено

в аналогичном законе Российской Федерации, но и у ремесленников, лиц, оказывающих услуги в сфере агротуризма.

Весьма интересно исследовать практику ЕС в этом вопросе. В одном из прецедентных решений по делу C-329/19 *Condominio di Milano* Суд подтвердил, что понятие «потребитель» может быть расширено национальным прецедентным правом таким образом, что его нормы применяются к договору между продавцом и субъектом права, который не является физическим лицом. В частности, это «кондоминиум» (ассоциация совладельцев) в итальянском праве, несмотря на то что такой субъект не подпадает под сферу применения Директивы 93/13/ЕЭС от 5 апреля 1993 г. о несправедливых условиях потребительских договоров, которая дает определение потребителя [8]. Соответственно, терминология в ЕС не унифицируется, а гармонизируется и позволяет государствам-членам устанавливать свои национальные стандарты в этой сфере.

Представляется, что вопрос сближения законодательства в Союзном государстве должен решаться, исходя из заявленных целей – создание единого экономического пространства, что не предполагает тотальной унификации потребительского законодательства двух стран, в особенности частно-правовых норм, основанных на национальных традициях и особенностях экономического развития каждой страны. Представляется, что выбор способа сближения – прямая или косвенная унификация либо гармонизация – должен быть взвешенным и обоснованным. Более того, формирование конкурентной среды на потребительском рынке обеих стран требует использования как раз не инструментов унификации, а инструментов гармонизации, когда предлагается модель правового регулирования, а способы и формы имплементации определяет самостоятельно каждое государство. Поэтому мы солидарны с мнениями современных авторов, что «гармонизация позволяет добиться функционального равновесия правовых актов, обеспечить ту степень их сбалансированности, которая в итоге позволяет правовым системам функционировать и развиваться в заданных направлениях» [9, с. 11].

Представляется, что унификации все же могут подлежать отдельные аспекты, к

примеру, сроки, определенные потребительским законодательством (устранения недостатков, замены товара и выполнение новой работы, услуги, обмена товара надлежащего качества, предоставление в пользование аналогичного товара на время замены либо ремонта товара и т. д.). Единообразие в применении сроков при исполнении договоров будет способствовать лучшему функционированию общего рынка и повышению уровня правовой культуры и правовой защищенности как российских, так и белорусских потребителей.

Заключение

На повестке дня достаточно остро определяется необходимость формирования действенных региональных стандартов защиты прав и интересов потребителей, которые должны основываться на международных стандартах, определенных в Руководящих принципах по защите прав потребителей, и учитывать региональные особенности и традиции.

Европейский Союз в настоящее время демонстрирует создание собственной системы региональных стандартов в сфере защиты прав потребителей, которая, по определению Преамбулы Директивы 2011/83/ЕС Европейского парламента и Совета о правах потребителей, нацелена на «достижение высокого уровня защиты прав потребителей в ЕС и способствует надлежащему функционированию внутреннего рынка путем сближения некоторых аспектов законов, правил и административных положений государств-членов» [10].

Республика Беларусь, являясь участницей нескольких интеграционных образований на постсоветском пространстве (СНГ, ЕАЭС, Союзное государство Республики Беларусь и Российской Федерации), в их рамках не может проводить различную политику в области защиты прав потребителей. Каждое из интеграционных образований нацелено на сближение законодательства стран-участниц. Однако в силу различных целей каждого необходимо разумное и взвешенное использование как унификации, так и гармонизации методов сближения. Анализ нормативной базы каждого интеграционного объединения позволяет констатировать превалирование того либо иного метода для достижения своих целей.

Так, в СНГ преимущественно используется метод косвенной унификации через создание модельного законодательства, позволяющего создавать единообразные национальные нормы в сфере защиты прав потребителей; в ЕАЭС осуществляется гармонизация законодательства государств-членов через добровольную реализацию Рекомендаций ЕЭК в сфере защиты потребителей. Союзное государство в последнее время активизировало свою деятельность с использованием инструментов как гармонизации, так и прямой унификации, когда, по сути, заменяются нормы национального права и региональные нормы подлежат непосредственному применению. Используемые правовые инструменты сближения законодательства показывают и уровень интеграции в рамках того либо иного объединения от сотрудничества в СНГ, создания общего рынка товаров, услуг, капиталов и работников в ЕАЭС до формирования единого экономического пространства в Союзном государстве.

Новая редакции Модельного закона СНГ «О защите прав потребителей» должна закрепить региональные стандарты, касающиеся новых подходов к противодействию злоупотреблениям и недобросовестным практикам, которые могут быть агрессивными и вводить потребителей в заблуждение на рынке товаров и услуг.

В рамках ЕАЭС проводится согласованная политика по защите прав потребителей и ЕЭК принят ряд рекомендаций, являющихся по своей сути региональными добровольными стандартами в сфере дистанционной торговли по определению качества товаров (работ, услуг), предоставления особых мер защиты наиболее уязвимым группам потребителей и др.

Реализация Союзных программ будет содействовать дальнейшему формированию единого экономического пространства Республики Беларусь и Российской Федерации.

Вместе с тем использование метода прямой унификации потребительского законодательства возможно только по некоторым направлениям, в частности, это сроки удовлетворения различных требований потребителя.

На данном этапе развития Союзного государства должна проводиться гармонизация потребительского законодательства,

когда государствам-членам предоставляется больше свободы в установлении собствен-

ных национальных стандартов обеспечения и защиты прав потребителей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безопасность продуктов питания [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/food-safety>. – Дата доступа: 30.09.2022.

2. World Consumer Rights Day 2022 [Electronic resource] // Consumer International. – Mode of access: <https://www.consumersinternational.org/what-we-do/world-consumer-rights-day/fair-digital-finance-2022/>. – Date of access: 25.09.2022.

3. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.-shtml. – Дата доступа: 27.09.2022.

4. Валиуллина, И. Ф. Международные и региональные стандарты в контексте права на жизнь / И. Ф. Валиуллина // Современ. науч. мысль. – 2017. – № 4. – С. 332–336.

5. Зыбайло, А. К. вопросу о правовой природе и сущности международных стандартов прав и свобод человека / А. Зыбайло, В. Федорова // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2018. – № 1-2 (84-85). – С. 26–31.

6. Резолюция 39/248 Генеральной Ассамблеи ООН «Защита интересов потребителей» [Электронный ресурс] // Кодекс. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902300274?ysclid=I9whvr5n1p221021925>. – Дата доступа: 25.09.2022.

7. Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council Directive 84/450/EEC, Directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC of the European Parliament and of the Council and Regulation (EC) № 2006/2004 of the European Parliament and of the Council [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?qid=1585324585932&uri=CELEX%3A02005L0029-20220528>. – Date of access: 28.09.2022.

8. Judgment of the Court (First Chamber) of 2 April 2020 Condominio di Milano, via Meda v Eurothermo SpA. Case C-329/19 [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62019CJ0329&qid=1666886044669>. – Date of access: 20.08.2022.

9. Безбородов, Ю. С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Ю. С. Безбородов ; Казан. Приволж. федер. ун-т. – Екатеринбург, 2019. – 31 с.

10. Directive 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2011 on consumer rights, amending Council Directive 93/13/EEC and Directive 1999/44/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directive 85/577/EEC and Directive 97/7/EC of the European Parliament and of the Council [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2011.304.01.0064.01.ENG&-toc=OJ%3AL%3A2011%3A304%3ATOC. – Date of access: 20.08.2022.

REFERENCES

1. Biezopasnost' produktov pitaniya [Elektronnyj riesurs] // Vsiemirnaja organizacija zdravo-okhranienija. – Riezhim dostupa: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/food-safety>. – Data dostupa: 30.09.2022.

2. World Consumer Rights Day 2022 [Electronic resource] // Consumer International. – Mode of access: <https://www.consumersinternational.org/what-we-do/world-consumer-rights-day/fair-digital-finance-2022/>. – Date of access: 25.09.2022.

3. Vsieobshchaja dieklaracija prav chielovieka [Elektronnyj riesurs] // Organizacija ob'jednionnykh nacij. – Riezhim dostupa: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.-shtml. – Data dostupa: 27.09.2022.

4. Valiullina, I. F. Miezhdunarodnyje i riegional'nyje standarty v kontiektie prava na zhizn' / I. F. Valiullina // Sovriem. nauch. mysl'. – 2017. – № 4. – S. 332–336.

5. Zybajlo, A. K voprosu o pravovoj prirode i sushchnosti miezhdunarodnykh standartov prav i svobod chielovieka / A. Zybajlo, V. Fiodorova // Zhurn. miezhdunar. prava i miezhdun. otnoshenij. – 2018. – № 1-2 (84-85). – S. 26–31.

6. Riezoliucija 39/248 Gienieral'noj Assambliei OON «Zashchita intieriesov potrebitielej» [Eliektronnyj riesurs] // Kodeks. – Riezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/902300274?ysclid=19whvr5n1p221021925>. – Data dostupa: 25.09.2022.

7. Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council Directive 84/450/EEC, Directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC of the European Parliament and of the Council and Regulation (EC) № 2006/2004 of the European Parliament and of the Council [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?qid=1585324585932&uri=CELEX%3A02005L0029-20220528>. – Date of access: 28.09.2022.

8. Judgment of the Court (First Chamber) of 2 April 2020 Condominio di Milano, via Meda v Eurothermo SpA. Case C-329/19 [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62019CJ0329&qid=1666886044669>. – Date of access: 20.08.2022.

9. Biezborodov, Yu. S. Mietody i formy pravovoj konviergencii v miezhdunarodnom pravie : avtorief. dis. ... d-ra jurid. nauk : 12.00.10 / Yu. S. Biezborodov ; Kazan. Privolzh. fiedier. un-t. – Jekatierinburg, 2019. – 31 s.

10. Directive 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2011 on consumer rights, amending Council Directive 93/13/EEC and Directive 1999/44/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directive 85/577/EEC and Directive 97/7/EC of the European Parliament and of the Council [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2011.304.01.0064.01.ENG&-toc=OJ%3AL%3A2011%3A304%3ATOC. – Date of access: 20.08.2022.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 01.11.2022

УДК 343.13

Мария Михайловна Якубель¹, Олег Андреевич Слащинин²¹канд. юрид. наук, доц., нач. каф. уголовного процесса

Академии МВД Республики Беларусь

²слушатель 2-го курса магистратуры Академии МВД Республики Беларусь**Maria Yakubel¹, Aleh Slashchynin²**¹Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus²Student of the 2 Year of the Master's Courses

of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

e-mail: ¹mayak81@list.ru; ²mailtempus@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ (ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ): ПОНЯТИЕ, ЦЕЛЬ, ЗАДАЧИ И ПРИНЦИПЫ

Анализируется сущность систем видео-конференц-связи (веб-конференции), подходы к их пониманию, существующие в различных сферах функционирования общества. На основе проведенного анализа формулируются базовые теоретические категории рассматриваемого уголовно-процессуального института: понятие систем видео-конференц-связи (веб-конференции) в уголовном процессе, цель и задачи использования таких систем; система принципов их использования при производстве по уголовным делам.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, веб-конференция, научно-технические средства, программное обеспечение, системы видео-конференц-связи (веб-конференции), уголовный процесс.

Theoretical and Legal Basis for the Use of Video Conference Systems (Web Conferences) in Criminal Proceedings: the Concept, Purpose, Objectives and Principles

The essence of video conferencing systems (web conferences), approaches to their understanding are analyzed. The goals and objectives of their use are determined in accordance with the study of the topic. Theoretical provisions and principles of use are revealed. An initiative of video conferencing systems (web conferencing) is being formed.

Key words: video conferencing, web conferences, scientific and technical means, software, video conferencing systems (web conferences), criminal procedure.

Введение

Активное распространение компьютерных технологий и повсеместное их внедрение в различные сферы жизнедеятельности общества предопределило необходимость их использования и в сфере производства по материалам и уголовным делам. Следствием этого стало нормативное закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) в 2016 г. возможности использования систем видео-конференц-связи (веб-конференции) при производстве отдельных следственных действий. Вместе с тем имеющиеся в законе положения (ст. 224-1, 286, 343-1, 383 и 385 УПК Республики Беларусь) [1], несмотря на свою востребованность и актуальность, не получили широкого распространения в практической деятельности органов, ведущих уголовный процесс: использование систем ви-

део-конференц-связи (веб-конференции) имеет место лишь в единичных случаях [2].

Такая ситуация стала предметом научного осмысления в работах таких ученых-процессуалистов, как Н. А. Суховенко, П. В. Седых, О. И. Локтевич [3–5]. Среди причин недостаточно активного использования рассматриваемого института они называют трудоемкость процесса подготовки к проведению следственного действия, сложности в обеспечении соблюдения отдельных конституционных прав и свобод участников уголовного процесса [3; 4], недостаточную техническую оснащенность практических подразделений, ненадлежащую теоретическую подготовку сотрудников и их боязнь допустить нарушения уголовно-процессуального закона, которые будут зафиксированы на видеозаписи [5].

Вместе с тем анализ содержания норм УПК Республики Беларусь позволяет гово-

речь о том, что сложности в реализации данного института прежде всего обусловлены отсутствием качественной теоретической разработки его базовых положений: закон не раскрывает содержание понятия «видео-конференц-связь (веб-конференция)». Кроме того, не определены в УПК Республики Беларусь и в теории уголовного процесса цель и задачи использования таких систем, а также принципы их использования. Все это порождает отсутствие у правоприменителей единообразного понимания их сущности и назначения в уголовном процессе, общих подходов к применению.

Целью данного исследования является теоретико-прикладное осмысление базовых положений института использования видео-конференц-связи (веб-конференции) в уголовном процессе и формулирование его ключевых категорий: понятие, цели применения, задачи и принципы использования.

Предметом исследования выступают нормы уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь и возникающие на их основе общественные отношения, связанные с использованием систем видео-конференц-связи (веб-конференции).

Основная часть

В отечественной науке понятие систем видео-конференц-связи (веб-конференции) не подвергалось существенному теоретическому анализу. В этой связи представляется необходимым обратиться к категориям, разработанным российскими авторами.

Так, В. А. Терехин и А. Е. Федюнин рассматривают видео-конференц-связь в уголовном процессе как основанное на правовых нормах международного и российского уголовно-процессуального законодательства интерактивное взаимодействие участников уголовного процесса, в ходе которого осуществляется непрерывный и четкий информационный обмен изображением и звуком, имеющие значение для уголовного дела, в режиме реального времени посредством обособленной телекоммуникационной сети [6, с. 23].

А. Г. Волеводз определяет видео-конференц-связь также как технологию, позволяющую осуществлять аудиовизуальное взаимодействие нескольких участников уголовного процесса в режиме реального времени [7, с. 71].

А. В. Дашкин описывает видео-конференц-связь как технологии, которые позволяют видеть, слышать друг друга, подразумевают обмен сведениями и обработку их в интерактивных режимах, применяя возможности обычных компьютеров, приближая общение на дистанции к условиям живого реального общения [8].

Итак, исследователи описывают видео-конференц-связь как интерактивную технологию взаимодействия нескольких лиц, не конкретизируя ее технической сущности.

В целях установления формы и содержания рассматриваемой информационно-правовой технологии представляется целесообразным рассмотреть иные подходы к пониманию указанных понятий, имеющие место в других (неюридических) областях знаний: технический, информационный и др. подходы. Так, видео-конференц-связь определяют как телекоммуникационную технологию интерактивного взаимодействия двух и более удаленных абонентов, при которой между ними возможен обмен аудио- и видеоинформацией в реальном масштабе времени с учетом передачи управляющих данных [9], а веб-конференцию – как инструмент для организации онлайн-встреч и совместной работы в режиме реального времени через Интернет [10], не исключая возможность несанкционированного доступа третьих лиц к передаваемой информации.

Следует понимать, что технологии работы видео-конференц-связи и веб-конференции являются практически идентичными. Так, для успешного сеанса звуко- и видеообмена посредством видео-конференц-связи или веб-конференции необходимо обеспечить наличие двух и более работоспособных комплекта:

1) компьютерной техники с накопителем компьютерной информации, выводом звуко-визуальной информации, а также с постоянным подключением к энергосети или аккумуляторным обеспечением;

2) звуко- и видео записывающей аппаратуры, обеспечивающей надлежащее качество передаваемой информации согласно требованиям УПК;

3) программного обеспечения, которое позволяет устанавливать сеанс оперативного звуко- и видеообмена с конкретным абонентом видео-конференц-связи

(веб-конференции) и обеспечивает защиту указанного сеанса от несанкционированного доступа к нему третьих лиц;

4) устройства, обеспечивающего непрерывное подключение к каналу связи с другими комплектами вышеуказанного комплекса научно-технических средств [11].

Изучив приведенные толкования, с учетом регламентации, содержащейся в статьях 224-1 и 343-1 УПК Республики Беларусь, *системы видео-конференц-связи и веб-конференции в уголовном процессе* можно определить как технологии, используемые для непрерывного взаимодействия участников уголовного процесса с целью обмена в режиме реального времени по техническим каналам связи аудиовизуальной информацией об обстоятельствах уголовного дела. При этом веб-конференция предполагает организацию и способ передачи информации посредством сети Интернет (использование веб-ресурсов), а видео-конференц-связь – по иным обособленным телекоммуникационным каналам связи, изолированным от глобальной компьютерной сети Интернет (например, система видео-конференц-связи TrueConf, используемая в Следственном комитете Республики Беларусь) [4, с. 391].

Широкое распространение и использование видео-конференц-связи (веб-конференции) государственными органами, организациями и участниками частного сектора экономики свидетельствует о наличии явных преимуществ дистанционного способа осуществления отдельных направлений их деятельности. Наличие положительного опыта применения соответствующих информационно-правовых технологий в других сферах заставило ученых-процессуалистов и практиков инициировать их внедрение и в сферу уголовно-процессуальных отношений, которая в силу особенностей процесса доказывания является весьма консервативной в части реализации любых попыток отхода от традиционной письменной формы ведения производства.

Причиной внедрения рассматриваемых информационно-правовых технологий в деятельность органов, ведущих уголовный процесс, явилась необходимость оптимизации и цифровизации этой деятельности в контексте современного уровня развития общества, а также получение соответствующим

преимуществ использования возможности дистанционного проведения отдельных процессуальных действий. Однако уязвимость личности в уголовно-процессуальной сфере, необходимость надлежащей реализации процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса предопределили необходимость обеспечения неукоснительной реализации в ходе применения рассматриваемого института задач и принципов ведения уголовного процесса, предусмотренных гл. 2 УПК Республики Беларусь [1].

Анализ фактической и правовой природы использования видео-конференц-связи (веб-конференции) в уголовном процессе органами уголовного преследования позволяет выявить следующие задачи, на решение которых направлена соответствующая деятельность:

1) сокращение сроков производства по уголовным делам и иных процессуальных сроков (минимизация возможной следственной волокиты);

2) обеспечение безопасности участников уголовного процесса и других лиц, а также их имущества;

3) обеспечение участия в уголовном процессе потерпевших и свидетелей, не имеющих возможности прибыть к месту производства предварительного следствия по состоянию здоровья или по другим уважительным причинам;

4) повышение эффективности и результативности проводимых следственных действий (помимо установления вербального содержания фиксируется невербальное: мимика, жесты, поведение участников следственного действия);

5) минимизация процессуальных издержек (в т. ч. транспортных и командировочных расходов), а также иных расходов, понесенных при производстве по уголовному делу;

6) реализация прав и обязанностей находящихся в другой местности участников уголовного процесса, осуществление которых было бы невозможным без проведения процессуального действия дистанционным способом;

7) получение иных преимуществ дистанционного способа проведения следственных действий.

В связи с тем, что закрепление рассматриваемого института в уголовно-процессуальном законе произошло сравнительно недавно и отсутствует его системная нормативная регламентация, возникает потребность в осмыслении принципов использования систем видео-конференц-связи (веб-конференции) в уголовном процессе. Очевидно, что указанные принципы должны формироваться на базе конституционных и специальных принципов ведения уголовного процесса и соответствовать им. Рассмотрим особенности реализации отдельных принципов применительно к исследуемому институту.

Принцип законности, закрепленный в ст. 7 Конституции Республики Беларусь [12] и в ст. 8 УПК Республики Беларусь, применительно к использованию видео-конференц-связи (веб-конференции), как представляется, должен быть реализован через следующие основные положения:

1) суд, орган уголовного преследования при использовании систем видео-конференц-связи (веб-конференции) обязаны точно исполнять требования УПК Республики Беларусь, в т. ч. предъявляемые к использованию указанных систем в ст. 224-1 и других нормах УПК Республики Беларусь;

2) в случае нарушения вышеуказанных требований полученные с использованием видео-конференц-связи (веб-конференции) доказательства будут признаны недопустимыми, т. е. не будут иметь юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения и постановления приговора в соответствии с частями 4 и 5 ст. 105 УПК Республики Беларусь [1].

Реализация *принципа уважения чести и достоинства личности*, закрепленного в ст. 12 УПК Республики Беларусь, предполагает, что органу, ведущему уголовный процесс, при проведении процессуального действия с использованием видео-конференц-связи (веб-конференции) запрещаются какие-либо действия, унижающие честь и умаляющие достоинство либо создающие опасность для жизни и здоровья его участников. Стоит отметить, что сам факт звуко-видео-фиксации участников процессуального действия не может рассматриваться как действие, унижающее или умаляющее их достоинство [1].

Принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению, закрепленный в ст. 19 УПК Республики Беларусь, предусматривает, что полученные посредством использования видео-конференц-связи (веб-конференции) доказательства должны оцениваться органом, ведущим уголовный процесс, на общих основаниях: руководствуясь законом и своим внутренним убеждением, основанным на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств уголовного дела в их совокупности. Никакие доказательства, в т. ч. полученные посредством использования видео-конференц-связи (веб-конференции), не имеют заранее установленной силы [1].

Принцип языка, на котором ведется производство по уголовному делу, закрепленный в ст. 21 УПК Республики Беларусь, применительно к использованию указанных систем характеризуется через следующие положения:

1) независимо от использования видео-конференц-связи (веб-конференции) проведение процессуального действия дистанционным способом осуществляется на белорусском и (или) русском языках либо на родном языке или на языке, которым владеют его участники;

2) всем участникам процессуального действия, проводимого дистанционным способом, которые не владеют или недостаточно владеют языком, на котором ведется уголовный процесс, предоставляется переводчик [1].

Теоретико-правовое осмысление принципов уголовного процесса и механизмов их осуществления при реализации рассматриваемого процессуального института свидетельствует о том, что имеющаяся система принципов не в полной мере раскрывает сущность использования рассматриваемых информационно-правовых технологий и требует определения специальных *принципов* использования видео-конференц-связи (веб-конференции). К таковым можно отнести:

1) *целесообразности*. Орган, ведущий уголовный процесс, использует видео-конференц-связь (веб-конференцию) лишь при наличии положительной результативности в соотношении предполагаемых результатов с затратами сил и средств такового использования. Однако если проведение процессуального действия в силу отдель-

ных причин возможно только с использованием видеоконференцсвязи (веб-конференции), то использование указанных технологий будет обосновано интересами следствия, а не экономической целесообразностью;

2) *технической оснащённости*. Для использования видео-конференц-связи (веб-конференции) необходимо иметь два и более комплекса научно-технических средств, удовлетворяющих требованиям о возможности проведения надлежащего сеанса звуковидеосвязи и ее записи. При этом должна обеспечиваться надлежащая скорость и непрерывность обмена данными, качество изображения и звука с одновременной видеофиксацией хода и результата процессуального действия;

3) *защиты информации*. Орган, ведущий уголовный процесс, при использовании видео-конференц-связи (веб-конференции) обязан принять все необходимые меры, направленные на предотвращение разглашения данных предварительного расследования и закрытого судебного заседания, обеспечение охраны государственных секретов и иной охраняемой законом тайны, принятия мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц. Эти меры могут быть правовыми, организационными и техническими. Правовые меры выражаются в получении у участников процессуального действия подписок с предупреждением об ответственности за разглашение сведений, составляющих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну. Организационные меры выражаются в подборе помещения и организации порядка проведения процессуального действия. Технические меры выражаются в выборе канала связи передаваемой информации, а также программного обеспечения, устанавливающего сеанс оперативного звуковидеообмена с конкретным абонентом видео-конференц-связи (веб-конференции) и обеспечивающего защиту указанного сеанса от несанкционированного доступа к нему третьих лиц.

Заключение

Рассмотрение теоретико-правовых основ закрепления и использования систем видео-конференц-связи (веб-конференции)

в уголовном процессе позволяет сделать следующие выводы.

1. Системы видеоконференцсвязи и веб-конференции в уголовном процессе можно определить как технологии, используемые для непрерывного взаимодействия двух и более участников уголовного процесса с целью обмена в режиме реального времени по техническим каналам связи аудиовизуальной информацией об обстоятельствах уголовного дела. При этом веб-конференция предполагает организацию и способ передачи информации посредством сети Интернет (использование веб-ресурсов), а видео-конференц-связь – по иным обособленным телекоммуникационным каналам связи, изолированным от глобальной компьютерной сети Интернет.

2. Целью введения в уголовно-процессуальное законодательство норм, регулирующих использование систем видеоконференц-связи (веб-конференции) и последующей реализации этих норм является оптимизация осуществления уголовного процесса за счет возможности дистанционного проведения процессуальных действий при условии реализации задач и принципов ведения уголовного процесса, предусмотренных гл. 4 УПК Республики Беларусь [1].

3. Приоритетными задачами использования видео-конференц-связи (веб-конференции) в уголовном процессе являются:

1) сокращение сроков производства по уголовным делам и иных процессуальных сроков (минимизация возможной следственной волокиты);

2) обеспечение безопасности участников уголовного процесса и других лиц, а также их имущества;

3) обеспечение участия в уголовном процессе потерпевших и свидетелей, не имеющих возможности прибыть к месту производства предварительного следствия по состоянию здоровья или по другим уважительным причинам;

4) повышение эффективности и результативности проводимых следственных действий (помимо установления вербального содержимого фиксируется невербальное: мимика, жесты, поведение участников следственного действия);

5) минимизация процессуальных издержек (в т. ч. транспортных и командировочных расходов), а также иных расходов,

понесенных при производстве по уголовному делу;

б) получение иных преимуществ дистанционного способа проведения следственных действий.

4. Использование систем видео-конференц-связи (веб-конференции в уголовном процессе) предполагает реализацию системы его принципов, а также выделение специальных принципов реализации данного института, к которым можно отнести принципы целесообразности, технической оснащенности и защиты информации.

В заключение следует отметить, что эффективность практической реализации

вводимого в уголовно-процессуальный закон нового правового института, в т. ч. института использования систем видео-конференц-связи (веб-конференции) при производстве по уголовным делам, во многом обусловлена наличием качественной теоретической разработки его ключевых правовых категорий (понятие, цель, задачи, принципы и т. п.). Наличие таких положений способствует правильному единообразному пониманию сущности института, а также формированию унифицированной практики его применения органами, ведущими уголовный процесс.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Методические рекомендации по применению систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) при производстве следственных действий / Следств. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2019 (актуализированы в 2021 г.).

3. Суховенко, Н. А. Видеоконференцсвязь в уголовном процессе: технические и финансовые аспекты / Н. А. Суховенко // Современные проблемы организации расследования преступлений : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 июня 2016 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; редкол.: И. Г. Мухин (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – С. 154–158.

4. Седых, П. В. Отдельные вопросы подготовительного этапа производства следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) / П. В. Седых // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности : тез. докл. II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18 нояб. 2022 г. – С. 388–391.

5. Локтевич, О. И. Особенности проведения допроса посредством видеоконференцсвязи (веб-конференции) / О. И. Локтевич // Право.by. – 2022. – № 2 (76). – С. 99–104.

6. Терехин, В. А. Видеоконференцсвязь в современном российском судопроизводстве / В. А. Терехин, А. Е. Федюнин // Рос. юстиция. – 2006. – № 1. – С. 22–24.

7. Волеводз, А. Г. Правовые основы взаимной правовой помощи по уголовным делам с использованием видеоконференц-связи / А. Г. Волеводз // Воен.-юр. вестн. Приволж. региона : сб. науч. тр. – Самара, 2003. – Вып. 1. – С. 70–96.

8. Дашкин, А. В. Использование систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе [Электронный ресурс] / А. В. Дашкин // Молодой ученый. – 2018. – № 24 (210). – С. 201–203. – Режим доступа: moluch.ru/archive/210/51396. – Дата доступа: 28.11.2022.

9. ВКС от семи бед [Электронный ресурс] // Сети (Network world). – 19.06.2007. – № 9. – Режим доступа: www.osp.ru/nets/2007/09/4235473. – Дата доступа: 28.11.2022.

10. Веб-конференция [Электронный ресурс] // Академик: словари и энциклопедии. – Режим доступа: dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1765099. – Дата доступа: 28.11.2022.

11. Оборудование видеоконференцсвязи для переговорной комнаты на реальных примерах [Электронный ресурс] // Хабр: сообщество IT-специалистов. – Режим доступа: habr.com/ru/company/unitsolutions/blog/398025. – Дата доступа: 28.11.2022.

12. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

REFERENCES

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rjespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : 16 ijulia 1999 g., № 295-Z : priniat Palatoj predstavitieliej 24 ijunia 1999 g. : odobr. Sovietom Rjesp. 30 ijunia 1999 g. : v ried. Zakona Rjesp. Bielarus' ot 26.05.2021 g. // ETALON. Zakonodatiel'stvo Rjespubliki Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2022.
2. Meitodichieskije riekomiendacii po primienieniju sistiem vidieokonfieriencsviazi (veb-konfieriencii) pri proizvodstvie sledstviennykh diejstvij / Sledstv. kom. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2019 (aktualizirovany v 2021 g.).
3. Sukhovienko, N. A. Vidieokonfieriencsviaz' v ugolovnom processie: tiekhnichieskije i finansovyje aspiekty / N. A. Sukhovienko // Sovriemiennye problimy organizacii rassledovanija priestuplienij : tez. dokl. Miezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 3 ijunia 2016 g. / Akad. MVD Rjesp. Bielarus' ; riedkol.: I. G. Mukhin (otv. ried.) [i dr.]. – Minsk, 2016. – S. 154–158.
4. Siedykh, P. V. Otdiel'nyje voprosy podgotovitel'nogo etapa proizvodstva sledstviennykh diejstvij s ispol'zovaniejm sistiem vidieokonfieriencsviazi (veb-konfieriencii) / P. V. Siedykh // Osnovnyje napravlienija soviershenstvovanija sistiemy nacional'noj biezopasnosti : tez. dokl. II Miezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 18 nojab. 2022 g. – S. 388–391.
5. Loktievich, O. I. Osobiennosti proviedienija doprosa posriedstvom vidieokonfieriencsviazi (veb-konfieriencii) / O. I. Loktievich // Pravo.by. – 2022. – № 2 (76). – S. 99–104.
6. Tieriokhin, V. A. Vidieokonfieriencsviaz' v sovriemiennom rossijskom sudoproizvodstvie / V. A. Tieriokhin, A. Ye. Fiediunin // Ros. justicija. – 2006. – № 1. – S. 22–24.
7. Volievodz, A. G. Pravovyje osnovy vzaimnoj pravovoj pomoshchi po ugolovnym dielam s ispol'zovanijem vidieokonfieriencsviazi / A. G. Volievodz // Vojen.-jurid. viestn. Privolzh. riegiona : sb. nauch. tr. – Samara, 2003. – Vyp. 1. – S. 70–96.
8. Dashkin, A. V. Ispol'zovanie sistiem vidieokonfieriencsviazi v ugolovnom processie [Elektronnyj riesurs] / A. V. Dashkin // Molodoj uchionyj. – 2018. – № 24 (210). – S. 201–203. – Riezhim dostupa: moluch.ru/archive/210/51396. – Data dostupa: 28.11.2022.
9. VKS ot siemi bied [Elektronnyj riesurs] // Sieti (Network world). – 19.06.2007. – № 9. – Riezhim dostupa: www.osp.ru/nets/2007/09/4235473. – Data dostupa: 28.11.2022.
10. Veb-konfieriencija [Elektronnyj riesurs] // Akadiemik: slovarei i enciklopedii. – Riezhim dostupa: dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1765099. – Data dostupa: 28.11.2022.
11. Oborudovanie vidieokonfieriencsviazi dlia pieriegovornoj komnaty na rial'nykh primierakh [Elektronnyj riesurs] // Khabr: soobshchestvo IT-spetsialistov. – Riezhim dostupa: habr.com/ru/com-pany/unitsolutions/blog/398025. – Data dostupa: 28.11.2022.
12. Konstitucija Rjespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : s izm. i dop., priniatymi na riesp. riefieriendumakh 24 nojab. 1996 g., 17 okt. 2004 g. i 27 fevr. 2022 g. // ETALON. Zakonodatiel'stvo Rjespubliki Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2022.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 01.12.2022

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў адным экзэмпляры аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша (не меней за 14 000 знакаў), у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc, *.docx ці *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Усе малюнкi і фотаздымкі павінны быць толькі ў чорна-белым выкананні. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 (у рэдакцыі загада ад 08.09.2016 № 206). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. боб.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносака.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў (аўтараў не больш, чым 5) на мове артыкула;
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада, месца працы/вучобы) на мове артыкула;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- звесткі пра аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- e-mail аўтара/аўтараў;
- назва артыкула на мове артыкула;
- анатацыя ў аб'ёме 100–150 слоў і ключавыя словы на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- назва артыкула на англійскай мове;
- анатацыя і ключавыя словы на англійскай мове.

Звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы ўнізе.

Асноўны тэкст структуравецца ў адпаведнасці з патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў:

- Уводзіны (пастаноўка мэты і задач даследавання).
- Асноўная частка (матэрыялы і метады даследавання; вынікі і іх абмеркаванне).
- Заклучэнне (фармулююцца асноўныя вынікі даследавання, указваецца іх навізна, магчымасці выкарыстання).
- Спіс выкарыстанай літаратуры; спіс літаратуры павінен уключаць не больш за 20–22 крыніцы і абавязкова ўтрымліваць публікацыі, у тым ліку замежныя, па тэме даследавання за апошнія 10 гадоў.
- References – спіс выкарыстанай літаратуры, які прадубліраваны лацінскім алфавітам (колькасць крыніц, прыведзеных у спісе і ў References, павінна супадаць).

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- выліска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе (вучыцца) аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацый артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Усе артыкулы абавязкова праходзяць «сляпое» рэцэнзаванне. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегія не разглядае і не вяртае. Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Рукапіс артыкула і дакументы дасылаць на адрас: 224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21, рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», электронны варыянт артыкула накіроўваць на e-mail: vesnik@brsu.brest.by.

Карэктары *А. А. Іванюк, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С. М. Мініч, Г. Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 29.12.2022. Фармат 60×84/8. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 16,51. Ул.-выд. арк. 12,82. Тыраж 100 экз. Заказ № 451.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.